

АНТОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЕННОЙ МЫСЛИ

Николай Николаевич ГОЛОВИН

**Исследование боя.
Исследование деятельности
и свойств человека как бойца.**

Книга 2

Статьи и письма

Москва — 1995

АНТОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЕННОЙ МЫСЛИ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
ГОЛОВИН

ИССЛЕДОВАНИЕ БОЯ.
ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СВОЙСТВ
ЧЕЛОВЕКА КАК БОЙЦА.

* * *

Книга 2

* * *

Статьи и письма

Генерального штаба полковник Н.Н. Голубин
1907 год

Н. Голубин

Вторая книга по проекту подготовки и издания "Антологии отечественной военной мысли" издается при содействии Военно-научного общества "Безопасность отечества" при Клубе "Реалисты".

Автор и научный руководитель проекта: И.С. Даниленко

Редактор выпуска: Г.А. Чернейко

Организатор выпуска: Б.П. Шенин.

(С) ВАГШ, 1995

О г л а в л е н и е :

От составителя	5
Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца	9
История военного искусства как наука. (Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской военной академии 8-го января 1908 года)	208
Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни	223
Служба Генерального штаба	248
Еще несколько цифр из минувшей войны	274
Письма	278
Комментарии	285

От составителя.

Это вторая книга многотомной "Антологии отечественной военной мысли", посвященная творчеству генерала Н.Н. Головина (1875-1944 гг.). Оно удивительно многогранно. Ему характерны широта суждений, профессионализм, высокий уровень научной аргументации, устремленность на анализ и поиск решения сложнейших проблем. Особо в нем стоит выделить анализ Суворовского наследия и обоснование концепции создания науки о войне.

Пожалуй, как никто другой, Н.Н. Головин ярко раскрыл роль А.В. Суворова в формировании "генетического кода" отечественной военной мысли, в создании стройной системы воззрений на воспитание и обучение войск, принципы военного искусства. Суворовская "Наука побеждать" в анализе Головина Н.Н. предстает не предметом славной военной старины, а животворной классикой, ориентиром и источником творческого движения отечественной военной мысли. Именно по этой причине первая книга антологии открывается работой Н.Н. Головина "Суворов и его Наука побеждать".

Головин Н.Н. хорошо знал практику военного дела. Он - активный участник первой мировой войны. Но прежде всего, это человек науки. Он устремлен на постижение истории и развитие военной мысли. Именно это приводит его к выводу о необходимости создания науки о войне. Он понимает всю сложность и грандиозность этой задачи. Но это не пугает его, и он смело берется за ее решение.

Естественно, Головин Н.Н. глубоко знал состояние знаний о войне для своего времени. Классическая военная наука сформировалась в эпоху, когда войны представляли собой кампании вооруженных сил. Правда, их подготовка и обеспечение с течением времени все более усложняется. И наука все глубже изучает военные возможности общества и государства.

Но уже в XIX веке и особенно XX веке войны все чаще из традиционных кампаний вооруженных сил превращаются в многостороннее, а то и во всеохватывающее межгосударственное или внутргосударственное (в гражданских войнах) массовое противоборство. В один ряд с вооруженной борьбой становятся другие виды решительного противоборства. А традиционная военная наука упорно ограничивалась анализом процессов вооруженной борьбы. Первая мировая война убедила Головина, что такой подход уже явно недостаточен для ос-

мысления исторической практики, что необходимо создание по существу новой науки о войне. Он призывает мировую научную общественность изучать войну с позиций социологической науки, обосновывает необходимость изучения войны не только с точки зрения подготовки и искусства ведения вооруженной борьбы, а и с точек зрения всех наук, помогающих понять сущность и вскрыть все содержание современной войны.

Такой подход Головина Н.Н. не встретил всеобщего одобрения и поддержки в свое время. Давала знать о себе сила исторической инерции, еще больше - узкогрупповой политико-идеологический подход к объяснению природы, причины, целей и характера конкретных войн. Идеи Головина Н.Н. о создании науки о войне до сих пор еще не получили должной оценки, а главное - своего развития в современной отечественной военной мысли. Но несомненно, что его труд "Наука о войне. О социологическом изучении войны", изданный в 1938 г. в Париже и помещенный в первой книге данной антологии, принадлежит к классике отечественной военной мысли.

К ней же надо отнести и его работу "Исследование деятельности и свойств человека как бойца", опубликованную в 1907 году. Она дала Головину Н.Н. право занять должность профессора Императорской Николаевской Военной Академии. По этому труду можно судить: с каких больших научных высот Николай Николаевич Головин начал профессорскую деятельность. Без знакомства с этим трудом представление о Головине Н.Н., как военном мыслителе, не будет полным. По таким же мотивам во второй книге антологии кроме этой работы помещены статьи Головина Н.Н., написанные в разные годы, а также несколько писем, дающие представление о зарубежном периоде научной и педагогической деятельности выдающегося русского ученого, его общественно-политической ориентации.

Последняя не может одинаково оцениваться людьми разных политических убеждений. Это естественно, поскольку значительная часть жизни Головина Н.Н. приходится на сложное историческое время, духовного и политического разлома общества, ожесточенного противоборства в мире и между соотечественниками, оказавшимися по разную сторону государственных и идеологических границ. Все это еще не ушло в далекую и поэтому "нейтральную" историю.

Несмотря на это Головин Н.Н. должен вернуться в отечественную культуру, поскольку он внес в нее заметный вклад как военный

теоретик и историк. Достоин сожаления, что такой крупный военный мыслитель в своем Отечестве был предан забвению на долгие годы по политико-идеологическим мотивам. Его большое теоретическое наследие начали публиковать и изучать в России только в последнее время. Пока сделали это, главным образом, социологи и историки. Но Головин Н.Н. - прежде всего военный теоретик. Его наследие в первую очередь адресовано людям, занимающимся и интересующимся военной теорией во всем ее сложном и широком объеме.

Конечно, не все бесспорно в творчестве Н.Н. Головина как и в творчестве любого большого ученого. Несомненно только одно, что изучение наследия Н.Н. Головина, научные дискуссии по оценке его трудов могут и должны сыграть важную роль в движении современной военной мысли, в чем так нуждается наше Отечество.

При подготовке данной книги тексты Головина Н.Н. переложены на современную орфографию. Терминология, пунктуация и стиль не менялись из опасения внести смысловую правку. По существу издание носит репринтный характер.

Макет книги подготовлен с помощью Двуреченских В.А., Образцова И.В., Раковой И.Н. Хотелось бы, чтобы читатели, вне зависимости от собственной позиции, отношения к творчеству Головина Н.Н., испытали к ним чувство глубокой благодарности.

Профессор И.С. Даниленко

Подполковник Генерального Штаба

Н. Н. ГОЛОВИН

И С С Л Е Д В А Н И Е Б О Я .

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА

КАК БОЙЦА

С . - П Е Т Е Р Б У Р Г

Экономическая. Типо-Литография, В.О., 14 л., д.5

1907

ВВЕДЕНИЕ

"Единственным основанием веры в естественные науки служит идея, что как известные, так и неизвестные нам общие законы, управляющие вселенной, необходимы и постоянны... Почему принцип этот должен быть менее верным в приложении к развитию умственных и нравственных свойств человека, чем по отношению к другим явлениям природы? Наконец, так как самые умные люди руководствуются в своем поведении единственно только мнениями, составленными на основании опыта... то почему станем мы запрещать опираться на это основание философу в его предположениях, лишь бы он не приписывал им высшей достоверности, чем какую могут дать число, постоянство и точность его наблюдений?"

Condorcet, "Esquisse d'un Tableau Historique des Progres de l'Esprit Humain".

"Успех на войне не игра случая, а естественная победа сильнейшего над слабейшим".

Эригерон Иоанн.

**Возможна ли
наука о войне.**

Во всех случаях, когда практика какой-нибудь человеческой деятельности значительно опережала теорию, последняя долго не пользовалась должным ей уважением. В подобных условиях находилась не только наука о войне, но и все науки об обществе. Недоверие же к науке о войне доходит даже до сомнения в возможности ее существования¹.

Наукою в широком смысле принято понимать совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчету и приведенных в известный систематический порядок, начиная от теологии, метафизики, чистой математики и кончая геральдикой, нумизматикой, учением о конюхе кавалерийских лошадей.

При подобном широком определении понятия военной науки мы навряд ли встретим ее отрицание. Доказательством этому служит то

1. Даже у такого крупного авторитета военной мысли, как генерал Драгомиров, встречается следующее выражение: "в настоящее время никому в голову не придет утверждать, будто может быть военная наука..." Разбор "Войны и мира", стр. 48.

развитие, которого достигла теория военного дела. Но как только мы перейдем к более точному определению понятия науки, то сейчас же встретим крайне распространенное недоверие к этой чистой науке о войне, доходящее, как мы только что упоминали, до полного отрицания ее.

Из области науки, понимаемой в более точном смысле, исключаются, с одной стороны, все чисто фактические и технические сведения и указания, а с другой стороны — все чисто умозрительные построения, и она определяется, как объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка.

Из этого определения видно, что решение вопроса — возможна ли наука о войне, находится в непосредственной зависимости от решения вопроса: *существует ли в явлениях войны закономерность или же война есть всецело область господства слепого случая и произвола.*

Вполне понятно, что при втором решении наука о войне существовать не может.

Мы остановимся подробнее на этом вопросе, как на краеугольном для всей теории военного дела.

Война есть одно из явлений общественной жизни; поэтому ответ на только что поставленную дилемму зависит от решения вопроса более общего характера: существует ли закономерность общественной жизни или нет?

**Закономерность
общественной
жизни требует
закономерности
явлений войны.**

История умственного развития человечества сводится к тому, что человек постепенно заменяет свое первобытное учение о господстве случая и произвола учением о законе. "Подобно тому, как падение камня, течение реки, движение тени, шелест листьев оказались следствиями законов природы, такими же следствиями оказались движения светил"². В событиях и явлениях, величие и обширность которых все возрастает,

2. Дж. В. Дрэпер. "История умственного развития Европы". Перевод под ред. проф. И. В. Лучицкого; изд. 2-е. 1896 г., стр. 3.

мира законом все расширяется. пока не охватит все явления природы. "Все мировые явления суть результаты действия закона. Все движения на небе и на земле служат для нас доказательствами того, что мир управляется законом. Но если мы действительно признаем, что все во вселенной подчиняется закону, начиная от пылинки, кружащейся в солнечном луче, и кончая многочисленными звездами, обращающимися одна вокруг другой, согласимся ли мы довести наши принципы до крайних их последствий и признать, что закон действует одинаковым образом как среди живых существ, так и среди безжизненных, как в органическом, так и в неорганическом мире"³.

Наука о человеке прошла те же ступени развития, как и физика. Теперь навряд ли кто сомневается, что одушевленные существа не составляют исключения из общего правила.

И так с поступательным движением науки, "возрастающее сознание правильности в природе разрушает учение о случае и заменяет его законом о необходимой связи"⁴.

Если индивидуальная жизнь подчиняется этому условию, то почему может избежать этого жизнь социальная? Сложность последней конечно затрудняет возможность это видеть так же ясно, как в более простых явлениях, но эта сложность не может быть причиной нарушения всеобщего подчинения закону.

Разительные доказательства закономерности, с которой совершаются явления общественной жизни, дает нам статистика⁵.

Закономерность общественной жизни является в настоящее время общепризнанным фактом⁶.

Есть ли достаточно оснований не сказать того же о явлениях войны?

Конечно нет.

3. Дж. В. Дрэпер. "История умственного развития Европы". стр. 4.

4. Бокль. "История цивилизации Англии", т. 1, стр. 7.

5. Г. Мейер. "Закономерность общественной жизни".

6. Гумбольдт был так уверен, что каждое историческое событие строго необходимо, что ставит историку в обязанность, во-первых, добиться правды, а во-вторых, "отыскать необходимость всякой действительности" (о задачах историка).

**Статистика
подтверждает
закономерность
явлений войны**

Подобно тому, как для общественной жизни статистика дает ряд поразительных доказательств ее закономерности, так и при исследовании войны тот же метод дает не менее убедительные показания.

Что боевые явления не так причудливы, как это кажется с первого взгляда, показывают это цифровые данные о потерях в бою. Наиболее научно обработаны эти данные по Франко-Прусской войне 1870-71 гг; к ним мы и обратимся.

Возьмем два примера:

Отношение числа убитых к числу раненых не должно сильно отличаться в однородных войсках для крупных войсковых единиц, если означенные числа будут собраны за такой продолжительный период времени, как целая кампания, ибо такое отношение должно более всего зависеть от свойств оружия противника и от того, какая рана для человека является смертельной и какая нет. Оба последние условия могут быть признаны для одной и той же кампании почти неизменными; влияние же удачной перевязки на поле битвы парализуется множеством случаев поранений, приходящихся на каждый корпус; несомненно, в каждом из последних были случаи и более, и менее благоприятные для выздоровления, так что в общем результат влияния перевязки мог бы сделаться ничтожным.

И действительно, если мы обратимся к приложению последнего выпуска истории войны 1870-71 гг., составленному Немецким Генеральным Штабом, где помещены, обработанные доктором Энгель, данные о потерях, понесенных Германскими армиями⁷, то из таблиц II и Y имеем следующее:

7. "Германо-Французская война 1870-71 гг.". Составлено военно-историческим отделением Германского Генерального Штаба. Перевод с немецкого под редакцией Н. Н. Сухотина. Прибавление ко 2-ой половине последнего выпуска.

В каком корпусе:	Отношение числа убитых (умерших на поле битвы) к общему числу потерь убитыми и ранеными.	Отношение числа убитых (умерших на поле битвы) и умерших от ран к общему числу потерь убитыми и ранеными
Гвардейский	1/6	1/4
I-й	1/7	1/4
III-й	1/7	1/4
V-й	1/6	1/4
VII-й	1/6	1/4
VIII-й	1/7	1/4
IX-й	1/6	1/4
X-й	1/6	1/4
XI-й	1/7	1/5
XII-й	1/6	1/4
I-й Баварский	1/7	1/4

Примечание: В этой таблице взяты только те корпуса, в которых число потерь за войну превосходит 5.000 человек.

Цифры этой таблицы близки между собой до поразительности и показывают, что и в бою постоянные причины приводят к однообразным следствиям.

Приведем другой пример:

Так как положение офицеров в различных боях одной кампании сравнительно с положением нижних чинов в массе случаев, приблизительно, одинаково, то есть основание полагать, что соотношение потерь (убитыми и ранеными) офицеров и нижних чинов выразится почти однообразно. Предположение это вполне подтверждается цифрами потерь во всех главных боях Франко-Прусской войны. Обратимся опять к данным, обработанным доктором Энгель, а именно к таблице III, причем примем во внимание только те сражения, в которых число потерь превышает 5.000 человек. На основании вычислений можно составить следующую таблицу:

В каком сражении	Сколько убитых и раненых офицеров приходится на 100 убитых и раненых нижних чинов:
Верт	5
Вионвиль	5
Гравелот	4
Седан	5

Таким образом цифры вполне оправдывают наше утверждение, что отношение потерь офицеров к потерям нижних чинов в больших боях одной и той же кампании выражается почти однообразно.

Если мы обратимся к сравнению численности офицеров и нижних чинов в немецких войсках в 1870-71 гг., то увидим что на 100 нижних чинов приходится 3 офицера. Между тем, вышеприведенная таблица показывает, что на 100 убитых и раненых нижних чинов приходится 4-5 убитых и раненых офицеров. Следовательно процент офицерских потерь превосходит таковой же для нижних чинов. Но это видимое отступление от закона вероятности вполне объясняется более опасным положением офицера в бою. Он обязан вести свою часть, следовательно, находится впереди и выделяется от простых солдат; в трудных положениях он подает пример храбрости и самоотвержения.⁸ Указываемые обстоятельства и ведут к относительно большим потерям в бою офицеров сравнительно с потерями нижних чинов; это доказывает следующая таблица, относящаяся ко всей Франко-Прусской войне 1870-71 гг.⁹

Чины и звания	В процентах к штатному состоянию чинов:		
	Убитых	Раненых	Всего
	Проценты		
Штаб-офицеров	8.67	18.22	26.39
Капитанов и ротмистров.....	7.03	15.17	22.20
Поручиков и подпоручиков.....	7.30	17.60	24.90
Унтер-офицеров и нижних чинов.	2.60	9.98	12.38

8. Маслов. "Научные исследования по тактике", выпуск 1, стр. 11, 12, 13.

9. Германско-французская война 1870-71 гг. "Составлено военно-историческим отделением Герм. Генеральн. Штаба". Перевод под редакцией Сухотина. Прибавление ко 2-ой половине последнего выпуска, стр. 47.

Мы ограничимся приведенными двумя примерами. Но мы утверждаем, что каждое обращение к статистическому методу подтвердить идею о полной закономерности явлений войны, так как эта идея составляет часть более общей идеи о подчинении всех мировых явлений закону.

Как только эта истина осознана нами, мы смело можем приступить к научному изучению явлений войны, веря, что в каждом из них можно найти ту неизменную связь между причинами и их следствиями, розыскание которой и составляет предмет всякой положительной науки.

Таким образом, наука о войне имеет право на существование наравне с прочими науками, изучающими общественную жизнь.

Причина отрицания науки о войне заключается в неверном представлении, что наука должна дать военному искусству какие-либо неприложные правила¹⁰.

"Даже совершенство науки, говорит в своей логике Милль¹¹, не обуславливает непременно универсальности (или хотя бы только общности) правил соответствующего искусства. Может оказаться, что социальные явления зависят целиком от уже известных нам причин и что способ действия всех этих причин можно свести к весьма простым законам, все-таки может не найтись даже двух таких случаев, в которых надо было бы поступать совершенно одинаковым образом. Разнообразие тех обстоятельств, от которых зависит в различных случаях результат, может быть настолько велико, что искусство не будет в состоянии указать ни одного правила, кроме того, что сле-

10. Положительное учение о войне невозможно. По самой природе войны, говорит Клаузевиц ("Von Kriege", т. 1, стр. 83), невозможно возвести для нее научное здание, опору (Gerüst) деятелю во всевозможных случаях. Деятель оказался бы вне научной опоры и в противоречии с ней во всех тех случаях, когда он должен опереться на собственный талант. Одним словом, с какой стороны ни подступиться к делу, выйдет, как уже сказано, что талант и гений действует вне закона, а теория идет в разрез с действительностью". Из этой выдержки видно, что требования, которые предъявляются в ней Клаузевицем по отношению к науке о войне, не соответствуют задачам науки. Наука о войне, как всякая наука, исследует причинную зависимость явлений и никаких правил для действий и не стремится дать. Наука о войне согласно своей задаче должна быть как раз тем, что Клаузевиц называет далее (стр. 84) "обзором".

11. Д. С. Милль "Система логики силлогической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методом научного исследования". Стр. 708.

дует замечать обстоятельства каждого отдельного случая и принопливать наши поступки к тем следствиям, которые, как гласит наука, вытекают из этих обстоятельств. Но хотя бы для столь сложных вопросов и нельзя было установить практических положений, обладающих всеобщей приложимостью, отсюда не следует, однако, чтобы данные явления не сообразовались ни с какими всеобщими законами".

Случайность на войне. Наука не признает случая, а между тем элементу случайности на войне придается выдающееся значение.

"Случай сроден области войны, говорит один из величайших теоретиков войны Клаузевиц, война вынуждена предоставить ему простор гораздо более обширный, нежели во всякой иной человеческой деятельности; на войне постоянно на него натываешься". "Sa Majeste Le hasard" - так называет случай один из величайших практиков военного дела - Фридрих Великий. А наука не признает случая. Но это противоречие только кажущееся и Клаузевиц и Фридрих Великий говорят про случай в смысле совпадения двух явлений, не связанных между собой причинной связью; наука же отрицает случай, как противоположность закономерности, и именно потому, что она признает, что все совершается согласно вечным и неизменным законам, управляющим мировыми явлениями, а потому и случайности также подчиняются им же.

Наука имеет целью знание, она исследует только причинную связь явлений, где, как выше было указано, случайность исключается. Искусство и теория искусства имеют целью - умение; связанные непосредственно с практикой - они должны считаться с случайностью. Но и здесь роль последней парализуется работой ума - предвидением. Фридрих Великий говорил, что задача военного искусства - низвести применение "Его Величества случая" до минимума. Задача военного искусства быть выше случайностей, господствовать над ними. Так служба разведывания, сторожевая, связь между частями, резерв - все это средства, парализующие случайности.

Если оценить беспристрастно многие случайности, бывшие причинами крупных военных событий, то увидим, что их можно было

предвидеть, а следовательно и предупредить их воздействие.

Например, в феврале месяце 1807 года в сражении при Прейсиш-Эйлау, вследствие снежной метели, корпус Ожеро, направленный для атаки левого крыла русской армии, сбился с направления и вышел на 80 пушечную нашу батарею, бывшую в центре, был расстрелян картечью и с громадным уроном побежал. В 1815 году, накануне сражения при Линьи, ординарец, везший ночью приказание корпусу Вандама, упал с лошади, вывихнул ногу и приказание не было своевременно доставлено; сражение началось двумя часами позже, не было потому засветло доведено до конца, а это было одной из причин разгрома армии Наполеона через два дня в сражении при Ватерлоо. Невольно возникает вопрос: неужели же невозможно было ожидать снежной метели в феврале месяце 1807 года; неужели не было средств узнать, доставил ли ординарец приказание корпусу Вандама накануне сражения Линьи в 1815 году?

Если бы корпус Ожеро двигался, имея впереди разъезды или дозоры, то он не наткнулся бы неожиданно на батарею при Прейсиш-Эйлау; если бы в 1815 году штабная служба в армии Наполеона была так организована, как то бывало при прежнем его начальнике штаба Бертье, то наверное приказание корпусу Вандама было бы своевременно доставлено. Несчастье Наполеона в том, что его верного соратника Бертье не было и в 1815 году должность начальника штаба армии была возложена на маршала Сульта, обладавшего крупным военным талантом, но недостаточно владевшего техникой службы Генерального штаба¹².

Все более и более увеличивающееся значение подготовки доказывает это стремление, даже искусства, стоять выше случайности. Человек стремится использовать всю силу своего ума, для того, чтобы обеспечить успех предпринятого дела, парализовав неблагоприятные случайности.

Мы подробно остановились на идее о всеобщей закономерности потому, что, во-первых, как мы уже говорили, это вопрос краеу-

¹² Михневич. Книга вторая Общества ревнителей военных знаний. 1906 г., стр. 12 и 13.

гольный для возможности существования науки о войне, а, во-вторых, также и потому, что приписывание случаю всемогущего значения чрезвычайно распространено и крайне вредно отражается не только на разработке военной науки, но также и непосредственно на практике военного дела; из подобной посылки вытекает вывод - не нужно готовиться и работать в мирное время, раз на войне повелевает случай, так метко названный Контом "Le Dieu des ignorants".

Развитие всякой отрасли знания требует развития чистой науки в этой отрасли знания. История развития науки показывает, что оно идет в порядке степени возрастающей их сложности. Явления общественной жизни непосредственно связаны с явлениями духовной жизни. Мир же духовных явлений настолько сложен, что в область этих явлений только едва начинает проникать лучи исследования. Общественные науки,

имеющие дело с коллективной психологией, имеют объектом исследования самый сложный предмет, каким только может заниматься человеческий разум. Вот почему на последнем месте среди наук по своему развитию стоят науки об обществе, а следовательно, и науки о войне.

Та же история развития науки на примере более развитых отраслей знаний покажет нам тот путь, по которому должны следовать в своем развитии науки.

Каждая наука, находясь в младенческом состоянии, представляла из себя не столько исследование, сколько описание, а затем ряд практических правил и крайне условных обобщений и выводов. Причина этому та, что человек прежде всего требовал от науки непосредственно следующих практических результатов.

Первобытный человек или ребенок всегда ждет результата сейчас же за своим действием. Но с умственным развитием человек научается во имя большого значения ожидаемых результатов, значительно увеличивает срок своего ожидания. В величайших представителях человечества мы видим полнейшее самоотречение во имя общего блага - может быть, и крайне отдаленного, а потому непонятного и смешного для невежд. Это свойство человека, определяющее ход развития культуры вообще, в частности отражается в каждой из областей зна-

ния.

Этот путь прошли все наиболее развитые отрасли естествознания.

Каждая наука в начале носила исключительно прикладной характер, затем постепенно по мере развития она переходит все к более и более широким обобщениям, выделяя новые науки с более абстрактным характером¹². Прикладные науки подобно раствору кристаллизуют из себя чистую науку.

Важно то, что если более абстрактная наука и развивалась сама из более прикладной, то с другой стороны, предоставляя свои широкие обобщения прикладной науке, она давала последней возможность, взяв эти обобщения за посылку, — дедуктивно вывести многочисленные новые следствия и таким образом распространить сферу своего знания. Возникают даже новые прикладные науки, посвящающие себя более прикладному изучению какого-нибудь широкого обобщения данной чистой науки.

Таким образом более отвлеченная наука является не только следствием прикладной науки, но и необходимым ее основанием. Без чистой науки развитие прикладных наук может доходить только до очень необширных границ. Дальнейшее развитие прикладных наук зависит всецело от развития чистой науки.

По этому пути следуют и науки, изучающие общество¹³.

Первоначально политические науки должны были служить главным

12. Поэтому науки по каждой развитой отрасли знаний могут быть поставлены в целый ряд, начиная от наук исключительно прикладных и далее все с более и более отвлеченным характером и кончая высшей абстракцией, которая является философией данной отрасли знания.

13. Приводим здесь в высшей степени интересную выписку из Милля — подтверждающую нашу мысль. Эта выписка интересна еще в том отношении, что изложенное в ней может быть всецело применено и к науке о войне.

"Действительно, политика, как отрасль знания, до весьма недавнего времени находилась (да и теперь еще едва ли перестала находиться) в том положении, которое Бэкон назвал "естественным состоянием наук"; в этом фазисе науки разрабатываются одними практиками, которые занимаются ими не как отраслью теоретического исследования, а лишь для удовлетворения требований ежедневной практики, и которые потому стремятся лишь к *fructifera experimenta* ("непосредственно полезному опыту"), почти совершенно оставляя в стороне *experimenta lucifera* ("опыт, проливающий свет"). Такими были медицинские исследования ранее того времени, когда начали разрабатываться, в качестве самостоятельных отраслей науки, физиология и естествознание. Единственным предметом медицинских ис-

образом руководством для правителей и государственных людей. О чисто практическом характере изучения права в ранние его периоды и говорить нечего. Самое название политической экономии, т. е. государственного домостроительства, указывает на то, что первоначальной целью этой науки было вовсе не простое теоретическое исследование народного хозяйства¹⁴. С дальнейшим своим развитием науки об обществе стремятся все к большей и большей абстракции. В начале XIX века Конт стремится стать на исключительно теоретичес-

ледований были тогда вопросы о том, какая диета здоровая, какое лекарство излечивает ту или другую болезнь; при этом предварительному систематическому исследованию не подвергали ни законов питания, ни законов здоровой и болезненной деятельности различных органов, от которых, очевидно, должно зависеть действие всякой диеты или лекарств. Точно так же и в политике общее внимание привлекали к себе вопросы в роде следующего: оказывает ли такой-то закон или такая-то форма правления благотворное или вредное влияние вообще или для того или другого отдельного общества? — при чем совершенно не исследовали предварительно общих условий, определяющих результаты законодательных мер или следствия различных форм правления. Таким образом, изучавшие политику пытались изучить патологию и терапию общественного тела, не заложив необходимого для этого основания в его физиологии, — пробовали лечить болезнь, не понимая законов здоровья. В результате получалось то, что всегда должно получаться, когда люди, хотя бы и талантливые, пытаются разбирать сложные вопросы науки раньше установления ее более простых и элементарных истин".

"Так как общественные явления так редко рассматривались с истинно научной точки зрения, то нет ничего удивительного в незначительности успехов социальной философии — в том, что в ней мало общих предложений, настолько точных и достоверных, чтобы люди должны были признать за ними научный характер. Отсюда и вышло ходячее мнение, что всякая претензия установить общие истины относительно политики и общества есть шарлатанство, — что в такого рода вопросах нельзя достигнуть ни всеобщности, ни достоверности. Это общераспространенное мнение оправдывается отчасти тем, что в одном отношении оно действительно не лишено основания. Значительная часть людей, хотевших быть мыслителями в политике, стремились к установлению не всеобщих последовательностей, а всеобщих правил. Они измышляли какую-либо одну форму правления или систему законов, пригодные для всех случаев, — претензия, вполне заслуживающая тех насмешек, с какими относились к ним практики, и совсем не оправдываемая аналогией с тем искусством, с которым политическое искусство должно быть в близкой связи, по самой сущности своего предмета. Никто теперь не считает возможным, чтобы одно лекарство излечивало все болезни — или хотя бы даже одну и ту же болезнь, но при всякой организации и при всяком состоянии тела".

Д. С. Милль. "Система логики силлогистической и индуктивной; изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования". Перевод под редакцией В. Н. Ивановского, изд. 1900 г., стр. 707, 708.

14. Кареев. "Введение в социологию", стр. 3.

кую точку зрения, признав, что приложением социологических знаний к практической жизни должна заниматься другая наука, которую он называл политикой. Социология, как наука, занимающаяся исследованием тех законов, которыми управляются явления общественной жизни, получает все большее и большее развитие. Хотя социология и находится в начале своего развития, но к настоящему времени "выросла обширная социологическая литература" и "социологическая точка зрения успела оказать влияние на другие более старые общественные науки - на государственное устройство, на юриспруденцию, на политическую экономию, на историю"¹⁵.

Таким образом мы видим, что дальнейшее развитие каждой из отраслей человеческого знания обуславливается развитием все более и более отвлеченных наук, с все более и более чисто научным характером.

Военная наука в настоящее время имеет почти исключительно прикладной характер. Изложенным выше законам развития подчиняется также и наука о войне.

Долгое время она остается в области простого описания. Затем в ней возникает стремление представить из себя сборник правил и рецептов, служащих руководствами для действия.

Крупным шагом в развитии науки о войне было принятие ею за основание разграничения между искусством и теорией. Военная наука отказывается от роли навязчивого советника. Новая точка зрения позволила учению о войне стать вполне научным, взяв за лозунг, что наука только исследует.

Изложенному закону развития подчиняется также и наука о войне. Но все же нельзя не отметить, что наука о войне стоит еще слишком исключительно на утилитарной точке зрения.

Если обратиться к рассмотрению всего цикла так называемых военных наук, то легко убедиться в их почти исключительно прикладном характере.

15. Кареев. "Введение в социологию", стр. IX.

Тактика:

"Тактика это поучение (Lehre) об употреблении вооруженных сил в бою". - Клаузевиц¹⁶.

"Предмет тактики заключается в исследовании боевых свойств войск к местности. Следовательно, в нее должны войти:

- 1) исследование расположения, движения и действия войск в бою;
- 2) исследование того влияния, которое оказывает местность на расположение, движения и действия войск". - Драгомиров¹⁷.

"Предмет 1-й (элементарной) части тактики заключается в исследовании свойств боевых элементов: войск (пехоты, кавалерии, артиллерии), оружия, местности... Предмет 2-й части (комбинационного отдела, прикладной части) заключается в исследовании вопроса о выгоднейшем употреблении, в различных случаях, на войне этих элементов, комбинации их" - Леер¹⁸.

"Тактика исследует: 1) способы употребления войск, как орудие войны для достижения какой-либо стратегической цели; 2) основание их мирной подготовки (воспитание и обучение)". Миткевич¹⁹.

Стратегия:

"Стратегия это поучение об употреблении сражений для целей войны" - Клаузевиц²⁰.

"Стратегия в тесном смысле слова - это трактат об операциях на театре военных действий, т.е. тактика театра военных действий, в противоположность тактике поля сражения, начальной тактики". - Леер²¹.

Военная администрация изучает - "вопросы организации, устройства масс, как орудия войны: их комплектование, формирование, снабжение всем необходимым в мирное время и для войны"²².

Артиллерия имеет "предметом оружие нападения и защиты, как

16. Перевод Войде, т. 1, стр. 65.

17. Тактика, стр. 1.

18. Учебник тактики, стр. 1.

19. Энциклопедия В. и М. наук, т. VII, стр. 428.

20. Перевод Войде, т. 1, стр. 65.

21. Леер, Стратегия, т. 1, стр. 1 и 2.

22. Энциклопедия В. и М. наук, стр. 229. Н. Н. Сухотин.

техническое средство, усиливающее боевые способности человека"²³.

Фортификация изучает - "местный элемент или с целью облегчения эксплуатации его, или с целью затруднения эксплуатации его в видах войны"²⁴.

Вникнув в только что приведенные определения "военных наук", мы убедимся, что задачей своей они ставят изучение способов ведения войны, поэтому составляют теорию военного искусства и не могут называться науками в строгом смысле слова. Теорию военного искусства можно назвать прикладной военной наукой (понимая слово наука в широком смысле).

Стратегия Г. А. Леер стремится выделить из ряда исключительно прикладных наук - высшую военную науку.

Эту задачу он возлагает на стратегию, как на синтез теории военного искусства, на его философию. В этом нельзя не видеть стремления выделить более отвлеченную науку, преследующую более широкие цели и имеющую право стать в ряды положительных наук.

"Все частные, элементарные военные науки, говорит Г. А. Леер²⁵, исследуют вопрос о военных действиях, каждая со своей стороны, со своей точки зрения: тактика с точки боя, фортификация с точки местности, артиллерия с точки употребления оружия... - аналитически, и в этой работе анализа заключается громадная их польза, в деле выяснения сущности (свойств, природы) военных элементов; но в конце-концов, все они в своих выводах, односторонни. Насколько их выводы верны как частные, настолько они неверны как общие выводы".

"Единственный путь к получению правильных общих выводов в вопросе о военных операциях заключается в том, чтобы смотреть на дело в целом его объеме, исследовать со всех сторон, во взаимной связи последних между собой, т. е. синтетически, что в особенности

23. Энциклопедия В. и М. наук, стр. 229. Н. Н. Сухотин.

24. Энциклопедия В. и М. наук, стр. 229. Н. Н. Сухотин.

25. Леер. Стратегия. т. 1, стр. 1 и 2.

важно по отношению к таким сложным вопросам, как вопросы военные. Нигде не так важно, как именно здесь, искусство смотреть на дело в целом, помня, что высшая задача науки это целостная постановка вопросов и всесторонняя оценка фактов".

"Такова задача стратегии".

"Стратегия в широком смысле есть синтезис, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия. Она является сведением в одно общее русло всех отдельных учений о войне, наукой всех военных наук. Как философия вообще стремится к объяснению мировых явлений, так и стратегия, понимаемая в самом широком смысле, как философия военного дела, имеет задачу объяснение военных явлений, не только каждого поодиночке, но и в особенности - общей связи между ними"²⁶.

В постановке стратегии задачи науки, обобщающей все остальные военные науки, нельзя не видеть стремления глубокого ума Г. А. Леера к созданию высшей военной науки, которая могла бы встать в ряды наук положительных. Но, несмотря на столь широкую постановку задачи, при выполнении этой задачи Леер создал скорее философию теории военного искусства, а не науку о войне. Но в своем "Методе военных наук" Леер уже вступает на путь чистой науки.

Задача чистой науки о войне.

Задачи чистой науки о войне должно быть поставлено изучение войны, как явления общественной жизни, а не только исследование способов ведения войны.

Чистая наука о войне, поставившая себе задачей исследовать явления войны, будет ее изучать, как всякая положительная наука, с точки зрения: существования, сосуществования, последовательности или сходства явлений.

В виду того, что эти явления подчиняются известной закономерности, - она будет стремиться к открытию законов.

Между тем как теория военного искусства, рассматриваемая даже с самой философской точки зрения, стремится к сведению своих

26. Леер. Стратегия. т. 1, стр. 1 и 2.

обобщений только в - принципы.

Различие это имеет большое значение.

Закон представляет постоянное, определенное и неизменное соотношение между явлениями природы и человеческой, как индивидуальной, так и общественной жизни, существующее благодаря постоянному и неизменному соотношению сил и факторов, производящих эти явления.

Закон только утверждает какой-либо факт существования, последовательности или сходства явлений и никаких целей деятельности не ставит. Находясь вне всякой зависимости от нашей воли (воля является для закона лишь частью явления), закон совершенно безусловен.

Принцип представляет из себя только некоторое обобщение. Хотя принцип касается только сущности, но он имеет непосредственное отношение к постановке цели. Он является основной идеей, которой следует держаться при решении известных вопросов военного дела. Он является регулятором для творчества, хотя и отнюдь не сковывающий последнее; в нем заключается, как говорит Г. А. Леер, "только цель, которая должна быть достигнута"²⁷.

Таким образом, принцип не утверждает подобно закону какой-либо факт, а хотя и условно, но рекомендует, чтобы нечто было. Предложение, сказуемое которого выражается словами *должен быть*, хотя бы даже подразумеваемое в самом широком смысле, отлично по сущности своей от предложения, выражаемого при помощи слов *есть и будет*²⁸.

Наука, Значение принципа, взятого как высочайшее
исследующая обобщение теории военного искусства, чрезвычай-
природу войны, но велико; поэтому значение стратегии, как фи-
необходима для лософии военного искусства, нельзя умалять.
теории военного "Существуют некоторые *Philosophia Prima* в ис-
дела. кусстве, говорит Милль²⁹, как существует подоб-

27. Леер. Стратегия. т. 1, стр. 200.

28. Милль. Логика, стр. 767.

29. Милль. Логика, стр. 768.

ная же философия в науке. Существуют не только первые принципы знания, но и первые принципы поведения"³⁰.

1) Как обоснование прикладных военных наук (теория военного искусства).

Но сама теория военного дела, получающая свое философское обобщение в принципах, нуждается в правильном исходном положении.

Эта верная исходная точка и будет дана наукой, исследующей природу и сущность явлений войны. Принципы военного искусства являются неперенными следствиями законов, управляющих явлениями войны.

Наука даст обоснование в тех случаях, когда теория строит свои выводы дедуктивно. Неменьшее значение будет принадлежать науке в тех случаях, когда теория получает свои выводы непосредственно из опыта (индуктивно). В последнем случае идеалом будет полное соединение этих выводов (полученных индуктивно) с заключениями, выведенными дедуктивно из положений, установленных наукой. Но даже в тех случаях, когда этого нельзя будет достигнуть - наука принесет большую пользу тем, что, основываясь на исследовании природы явлений войны, она укажет каждому обобщению *те рамки, в которых оно достоверно.*

Уже одна эта задача чрезвычайно важна.

В более тесном смысле теория военного искусства обращается в системы военного искусства, под которыми можно разуметь более частные теории военного искусства, то есть такие, которые по своим выводам или преподающим началам отвечают только данному фазису в развитии искусства. Система по отношению к теории является одним из видов ее приложения, обуславливающимся или состоянием военного дела в данную эпоху, или какими-либо особенностями и частностями одной из основных сил, почему-либо преобладающих в целой совокупности факторов военного искусства. Так, например, в военной истории можно отметить: пятипереходную систему ведения войны, систему линейной тактики, систему легионной тактики и т. д. или систему ведения горной войны, степной и т. п. Существование как общей теории военного искусства, так и ее видов - систем военного

30. Милль в данном рассуждении как пример теории искусства взял мораль или практическую этику. Логика, стр. 763.

искусства - совершенно законное явление, строго логичное следствие науки о войне.

Во всяких отраслях знаний рядом с чистой наукой существуют прикладные науки с все более частными обобщениями и, наконец, чисто практические обобщения, пригодные для применения в узких рамках - но главное условие обращения с ними заключается в том, чтобы не давать веры обобщению вне тех рамок, вне которых оно недостоверно, т. е. в научном применении этих обобщений³¹.

31. Пример - стратегическая система Бюлова. Бюлов за исходную точку своего исследования берет следующее обобщение: "армии могут существовать только при помощи магазинов"; отсюда выводы:

- 1) Чувствительность сообщений.
- 2) Необходимость их тщательного обеспечения.
- 3) Важность действий на сообщения.

Эти выводы безусловно верны; но Бюлов придал своему исходному положению, а следовательно и выводам, вытекающим из этого основного положения, большее значение, чем на самом деле сообщения имеют на войне (в данном случае упущено было, что человек есть главное орудие войны). Он не ограничился теми рамками, в которых его обобщение и выводы из него справедливы. И вот, выводы, сами по себе справедливые, пока они заключают в себе мысль о важном (но не исключающем) значении сообщений на войне, с той минуты, когда им придается значение исключающее, становятся абсурдом.

Бюлов в "Der Gestdes neueren Krigssystems" приходит к заключению, что успех на войне будет зависеть исключительно от операций (т. е. маневров), которые должны быть охватывающими. Сражения должны потерять всякое значение, так как они не только могут, но и должны быть избегаемы (сообщения так чувствительны, что не нужно против них удара - боя, а достаточно одной угрозы).

Успех, по его мнению, должен обуславливаться численным превосходством и величиною объективного угла (образуемого двумя линиями от конечностей базы к объекту операции, столиц неприятельского государства). Чем более будет войск (независимо от их качеств) и чем более объективный угол, тем вернее победа. Величина же объективного угла зависит от длины базы и от длины перпендикуляра, опущенного из объекта на базу. Для обеспечения успеха операции, он требует объективный угол не менее 60°, а чем он будет более, тем лучше. Длина перпендикуляра (обуславливаемая длиной базы) у Бюлова является мерилом наступательной силы государства, которая, таким образом, будет ограниченной, чем, по его мнению, уже ограничивается и осуществление стремления того или другого из больших государств (которые и обладают значительным числом войск и длинными базами) к универсальной монархии. Если какое-либо государство перейдет указанный предел, то оно вступит в сферу другого государства, более сильного в этом пункте, и будет остановлено в своем дальнейшем стремлении к поступательному движению.

Таким образом, по расчету Бюлова, должны образоваться в Европе 12 больших государств, которым нечего будет требовать друг от друга, через что установится геометрическое европейское равновесие.

Отрицание теории и систем, объясняется как раз тем, что военная история свидетельствует о многочисленных фактах, в которых неумелое применение теории или какой-либо системы было ближайшей видимою причиною поражения. И вот, опасение за такие последствия подсказало мысль о несостоятельности теории и системы. Произошло обычное заблуждение человеческого ума: злоупотребление теорией и системами, ложность теории и систем, рутинность³², то есть применение системы, уже отжившей, в виду появления новых факторов, родили скептическое отношение к существованию самой теории, систем, к их полезной, а главное - совершенно естественной правоспособности на бытие³³. Неверное употребление орудия привело к неправильному заключению о негодности его.

Наука, исследующая природу явлений войны, даст возможность определить те рамки, в которых применение данной теории или системы научно (пример система Бюлова).

Эта наука явится не только обоснованием теории военного дела, но и указателем тех границ, в которых применение обобщений теории - законно, т. е. научно.

Таким образом, наука о войне даст объединение для теории военного дела, которое выразится в обосновании и согласовании ее выводов и обобщений. Это объединение жизненно необходимо для всякой отрасли знания. Весьма невелико число лиц, говорит Огюст Конт, обнимающих своим умом хотя бы одну какую-либо (отрасль знания) науку во всей ее полноте, даже и в том случае, если эта (отрасль знания) наука представляет собой лишь часть большого целого. Большинство же ограничивается лишь специальным изучением

Как только оно установится, то ни одно государство не будет иметь повод к воинственным покушениям, и вечный мир явится тем более результатом учения о базе, что, благодаря ей (т. е. базе), ведение войны отнимается от области искусства, т. е. страсти, и переносится в область науки, т. е. ума и разума.

Вот до каких крайних выводов может дойти теория военного искусства, когда в основу ее не положено научное изучение природы самой войны.

32. Военная история показывает, что вред систем обуславливается главным образом ложностью последних и рутинностью.

33. Н. Н. Сухотин. Энциклопедия II, 228, 229.

более или менее обширного отдела, не особенно заботясь об отношении своей частной работы к общей системе. Необходимо поспешить избавиться от этого зла прежде, чем оно успело принять значительные размеры. Можно опасаться, что человеческий ум в конце-концов запутается в лабиринте детальных исследований.

2) Она поможет избежать "схоластического направления" в военных науках. История развития наук показывает, что каждый раз, когда человеческий ум сосредоточивает все свое внимание на форме, а не на сущности, появляется схоластическое направление.

В особенности резко можно заметить в средние века в философии: тенденция и метод, преобладавшие в средние века, диалектика. Рассуждают, аргументируют, делают бесконечные выводы, не проверяя принципов, которые стоят выше всякого анализа, так как сущность идей определялась догматом, мышление могло быть свободно только в методах объяснения и применения. В эту сторону и направлялась умственная деятельность средних веков. Злоупотребление диалектикой вело к различным тонкостям анализа, к массе разделений и подразделений, к превращению логического рассуждения в словесный механизм и к крайнему злоупотреблению формами мышления в ущерб самой мысли; одним словом - к формализму³³.

Приведенное выше характеризует эпоху, если так можно выразиться, периода "классической схоластики", т. е. ту эпоху, когда схоластика властно царил во всех отраслях знания. Конечно современное положение военных знаний не может быть уподоблено этому. Но нельзя также не заметить существования "схоластического направления" среди некоторых произведений военной литературы. Причина этому та же, что причина схоластики средних веков.

Наука же, поставившая себе целью исследовать природу войны, заставит военные знания окончательно выйти из периода схоластики. Исследование самой природы войны позволит произвести научную оценку принципов военного искусства, оно позволит военной мысли выйти из области искусственных обобщений, подразделений и т. п. на путь здравого и строго научного исследования.

33. А. Фулье. История философии, стр. 144.

3) Она двинет вперед методологию знаний о войне.

Всякая наука складывается из двух факторов: 1) из ряда сведений, систематически расположенных, и 2) из совокупности методов и приемов, при помощи которых приобретаются эти сведения³⁴ (методология науки или логика данной науки).

"Несомненно, наука может достигнуть известной, и при том довольно значительной, степени развития без всякой другой логики, кроме той, какую эмпирически приобретают в течение своих занятий все люди, обладающие так называемым здравым смыслом. Люди судили об очевидности, и при том часто правильно, раньше, чем логика стала наукой, - иначе они никогда не могли бы ее сделать таковой. Точно так же громадные сооружения воздвигали прежде, нежели узнали законы механики. Но существуют некоторые границы как для того, что могут сделать техники без знания начала механики, так и для того, чего может достигнуть мыслитель, знакомый с принципами логики.

Лишь немногие люди - благодаря необыкновенной гениальности или тому, что им удалось случайно приобрести ряд целесообразных умственных навыков, - могут работать без общих принципов точно так же или почти точно так же, как они работали бы, если бы владели этими принципами. Но для массы людей необходимо или понимать теорию того, что они делают, или же руководствоваться правилами, установленными для них теми, кто понимает эту теорию. В прогрессе науки, от самых легких до наиболее трудных ее проблем, обыкновенно каждому крупному шагу вперед предшествовало (или же сопровождало) и необходимо обуславливало его) соответствующее улучшение логических понятий и принципов в умах передовых мыслителей эпохи. И если некоторые из наиболее трудных наук и до сих пор еще нахо-

34. Слова: прием и метод обыкновенно употребляются в одинаковом значении. Если же иногда между ними и делают разницу, то очень небольшую; именно - методом называют также совокупность однородных приемов: так, в этом смысле говорят, что метод математики отличается от метода истории. Это значит: вся совокупность приемов математики отличается от совокупности приемов истории. Вообще же под методом и приемом подразумевают способ употребления какого-либо материала для какой-либо цели. Введенский. "Логика", стр. 1.

дятся в столь неудовлетворительном состоянии, если в них не только так мало доказанного, но и не окончены еще споры даже о том немногом, что уже, казалось бы, доказано, — то причина этому, может быть, именно в том, что логические понятия людей не достигли еще той степени широты и точности, какая потребна для оценки очевидности в этих областях знания"³⁵.

Вышеизложенное положение Д. Милля верно по отношению к логике каждой из отраслей знания. Без достаточного развития методологии прогресс ни в одной из отраслей знания невозможен.

Вполне понятно, что характер научных приемов (методов) во многом зависит от тех особенностей, которыми отличаются объекты, изучаемые в той или другой науке. Каждая наука имеет свою методологию. А отсюда следует, что всестороннее изучение всех методов (методологии) науки, т.е. изучение их со всеми особенностями, возникшими в них под влиянием особенностей объектов, изучаемых этой наукой, невозможно без знакомства с объектом исследования"³⁶. Развитие методологии в любой отрасли, требует развития исследования свойств изучаемого явления. Таким образом, само развитие прикладных военных наук, находящееся конечно в тесной зависимости от развития своей методологии, еще и в этом отношении является обусловленным и зависящим от науки, поставившей себе задачей исследование явления войны.

В вышеизложенном мы стремились выяснить, что развитие каждой из отраслей знаний требует развития чистой науки; с все большим и большим развитием возникает безусловная необходимость все более отвлеченных научных исследований. Эти исследования безусловно необходимы для дальнейшего прогресса во всякой области знания.

В военной науке так же, как и во всех отраслях человеческого знания, — является настоятельная необходимость в отвлеченных научных исследованиях, поставивших себе задачей изучение явлений вой-

35. Милль. Логика, стр. 8.

36. Введенский. Логика, стр. 3.

ны с точки зрения их причинной связи и закономерности. Эти исследования будут лишены непосредственно прикладного характера.

Прикладные знания имеют огромное значение в военном деле, так как военное дело есть дело исключительно практики, где выполнение стоит выше мысли. Но тем не менее мы считаем себя в праве, на основании вышеизложенного, утверждать, что само дальнейшее развитие прикладных военных знаний требует развития чисто научных исследований, поставивших себе широкую задачу — изучение природы явлений войны, так как теория военного дела (прикладные военные науки) находится в неизбежной зависимости от чистой науки о войне. Исследуя природу явлений войны, научные исследования выяснят основания для установления принципов военного искусства или для окончательной проверки их; они будут способствовать сведению к всеобъемлющему единству всех частных эмпирических обобщений прикладных наук; они выяснят основные начала методологии военных наук.

**Наука,
исследующая
явления войны,
необходима
также для
развития
наук об
обществе.**

До сих пор мы старались выяснить значение чисто научных исследований явлений войны для теории военного дела, теперь же остановимся на другом, не менее важном, значении подобных исследований, а именно для науки об обществе.

Социология, имеющая целью исследовать природу общества, считается со всеми общественными науками и совершенно игнорирует военные науки. Пока эти науки представляют только теорию военного дела, т.е. исследование способов ведения войны, это естественно, но как только появятся научные исследования войны, поставившие себе целью исследование явлений войны, а не только изучение способов ведения ее, то вполне понятно, что социология не может не пополниться теми выводами, которые даст эта наука.

Исследуя совершенно обособленную область явлений, наука о войне является не менее правоспособной и не менее нужной, чем всякая другая наука. Она не представляет из себя, как многие думают, энциклопедию всех прочих наук, только приложение их выводов, нет, она имеет свой совершенно обособленный объект исследования, а потому она совершенно необходима и без нее социология не

будет иметь полного синтетического представления об обществе.

Сложность объекта, исследуемого наукой о войне, отражается не на возможности ее существования, а на границах возможности предсказания. Признав возможность и необходимость существования науки о войне, необходимо уяснить теперь те требования, которые могут быть предъявлены науке о войне; сложность исследуемого объекта не может на этом не отразиться. Ясное понимание того, что может дать наука, позволит откинуть сразу те излишние требования, которые предъявляются ей обыденным мнением.

Всякая наука переживает три фазиса развития:

- 1) Сбор материалов.
- 2) Систематизация и исследование.

3) Предсказание.

Понятно, что последней стадии наука достигает вполне только при совершенном развитии. Степень возможности достигнуть последней стадии в разных науках различна. Чем сложнее и многочисленнее элементы, составляющие исследуемые наукой явления, тем более предвходящих данных нужно знать для того, чтобы построить точное предсказание. Наука о войне так же, как и науки общественные, имеет дело с явлениями бесконечно сложными, как по количеству входящих элементов, так и по качеству их. В силу этого все общественные науки сильно отстали в своем развитии сравнительно с прочими областями человеческого знания и в этом отношении среди наук занимают далеко последнее место. Уже это одно показывает, что наука о войне на многие предъявляемые вопросы не будет иметь еще возможности ответить. Но кроме того сложность исследуемого объекта вынуждает вывести еще другое заключение. Наука об обществе (и о войне) никогда не достигнет той же степени развития и точности, как науки более простые, например математика. Сложность изучаемых явлений столь велика, что никогда не будет возможности разложить данное явление на все его элементы, что необходимо для безусловно точного предсказания, дабы осталось неизвестным только искомое следствие; вследствие сложности явлений неизвестное останется и в причинах, а в таком случае даже математика дает целый ряд решений (неопределенное уравнение). Поэтому даже при совер-

шенном своем развитии наука, изучающая войну, достигнет последней стадии только условно. Возможность предсказания представляется только с большей или меньшей точностью. Вот почему наука о войне никогда не может достигнуть такой же точности, как математика, и более чем какая другая наука останется по преимуществу в области исследования.

Если от науки будут требовать большее, это будет грубой ошибкой, основанной на непонимании дела³⁷.

37. "Все общественные явления есть явления человеческой природы, обуславливаемые действием внешних обстоятельств на массы людей; если поэтому явления человеческого мышления, чувствования и действия подчиняются определенным законам, то и общественные явления также должны подчиняться некоторым определенным законам, вытекающим из первых. Правда, нет надежды на то, чтобы законы общественных явлений (хотя бы мы знали их столь же достоверно и полно, как законы астрономии) позволили нам за тысячи лет вперед предсказывать историю общества, как мы предсказываем историю небесных явлений. Но эта разница в достоверности обуславливается не самими законами, а теми данными, к которым приходится их прилагать. Причины астрономических явлений немногочисленны и изменяются мало, да и то по известным нам законам: мы можем установить, какие они теперь, и отсюда определить и то, какие они будут в любую эпоху отдаленного будущего. Таким образом, в астрономии данные столь же достоверны, как и сами законы. Напротив, условия, влияющие на состояние и развитие общества, бесчисленны и непрерывно изменяются, так что, хотя все они изменяются под влиянием причин, а следовательно и законов, однако, количество этих причин настолько велико, что не поддается нашим ограниченным средствам вычисления. Не говорю уже о том, что непреодолимую преграду для предварительного их вычисления создала бы неприложимость к фактам этого рода точных чисел — даже и в том случае, если бы силы человеческого ума в остальных отношениях соответствовали такой задаче".

"Но, как замечено выше, знание, совершенно недостаточное для предсказания, может иметь весьма большую ценность, в качестве руководства на практике. Наука об обществе достигла в весьма высокой степени совершенства, если бы она давала нам возможность при всяком данном состоянии общественной жизни (например, при современном положении Европы или какой-либо европейской страны) понять: под влиянием каких причин каждое из явлений этой жизни стало тем, что оно есть; обнаруживает ли эта жизнь тенденцию к какому-либо перемену и к какому именно; каких следствий можно ожидать в будущем от каждого из характеризующих ее теперь явлений; наконец, какими средствами можно предотвратить, видоизменить или ускорить каждое из этих следствий или вызвать следствия иного рода. И нет ничего химерического в надежде на установлении таких общих законов, которые позволили бы нам ответить на эти вопросы для любой страны и любого времени; индивидуальные обстоятельства которых были бы нам хорошо известны; можно думать также, что и

Значение боя среди прочих явлений войны.

Приступая к исследованию боя, мы не можем в самом начале не указать на то центральное значение, которое имеет среди явлений войны - бой.

"Война, говорит Клаузевиц, не более как широко раздвинутый поединок³⁸. Если же сумму всех бесчисленных поединков, из каких состоит война, обобщим в сборном понятии одного единоборства, то мысль эту, для большей наглядности, можно воплотить, представляя себе двух борющихся атлетов. Каждый из них стремится к тому, чтобы путем насилия заставить противника исполнить свою волю, ближайшая цель его - повалить противника и этим самым сделать его неспособным к дальнейшему сопротивлению".

"Итак, война есть проявление насилия с целью вынудить противника исполнить нашу волю".

Отсюда понятно, что центральное, всеопределяющее явление войны - есть бой.

На войне все обуславливается боем не только в смысле искусства ведения войны, но и в смысле сущности самих явлений. Отличие периода войны от периода мира выражается исключительно наличием боевых столкновений. Вот эта наличием боевых столкновений, а также являющаяся следствием этого постоянная непосредственная возможность их, отражается на всех явлениях войны, оказывает на всех их сильное воздействие.

В отношении центрального значения боя среди явлений войны, мы уподобим бой какому-либо источнику света, который освещает ряд предметов, дает полосы света и тени, краски и обуславливает ту картину, которая воспринимается нашим глазом. Уничтожьте источник света - все предметы остались, но картины, воспринятой глазом, нет. Подобное же значение имеет бой. Непосредственная близость и возможность его - определяет и освещает все явления войны. Уничтожьте возможность боя - война не существует.

другие отрасли человеческого знания, требующиеся для этой попытки, настолько уже подвинулись вперед, что настало время приступить к ней. Таков предмет социальной науки". Милль. Логика, стр. 708, 709.

38. Clausewitz. "Vom Kriге". S. 3. - Funfte Auflage.

Наука, поставившая себе задачей исследование явлений войны, в основу своего изучения должна поставить исследование своего центрального явления - боя. Таким образом, исследование боя составляет основную часть науки о войне.

Исследование боя делится:
I) исследование боя, как явления общественной жизни (наука); II) исследование боя с точки зрения искусства ведения его (теория искусства). В свою очередь первая часть должна быть разделена:
 1) исследование деятельности и свойств человека как бойца; 2) исследование факторов, как деятельность человека в бою обуславливается.

Если считать, что задача тактики не только исследование об употреблении вооруженных сил в бою, как это говорит Клаузевиц, но вообще полное исследование в тактике должно быть разделено на два отдела:

1) Исследование боя, как явления общественной жизни - этот отдел составляет тактику-науку (или как только что мы указывали - главную часть "науки о войне").

2) Исследование ведения боя, имеющее задачей исследование употребления вооруженных сил в бою; это составляет тактику-теорию искусства.

Милль в своей "Системе логики" говорит, что в тех случаях, когда исследователю приходится иметь дело с фактами крайне сложными, как например явления общественной жизни, то может быть применен главным образом "дедуктивный метод"³⁹.

Задача же дедуктивного метода, согласно Миллю, состоит в том, "чтобы найти закон того или другого следствия на основании законов тех различных стремлений, совокупным результатом которых это следствие является. Таким образом, прежде всего нужно знать законы этих стремлений - законы каждой из действующих вместе причин; это, в свою очередь, предполагает либо некоторый прежний

39. Милль, стр. 357 до конца главы, 367, 699, 711.

процесс наблюдения или опыта над каждой причиной в отдельности, либо же прежнюю дедукцию"...⁴⁰

"Так, если предметом исследования служат общественные или исторические явления, то посылками дедуктивного процесса должны служить законы тех причин, которыми определяются этого рода явления. А такими причинами служат *человеческие действия, а также и те внешние обстоятельства*, под влиянием которых находятся люди и которые определяют положения человека на земле".

"Следовательно дедуктивный метод, в приложении к общественным явлениям, должен прежде всего исследовать (или предположить уже исследованными) законы человеческой деятельности и те свойства внешних вещей, которыми обуславливаются действия человеческих существ в обществе..."

"Итак, установление законов каждой отдельной причины, участвующей в произведении данного следствия, есть первое условие для применения дедуктивного метода"⁴¹.

Выводы Милля, сделанные для всех наук об обществе, обязательны также и для "исследования боя". Распространяя эти выводы на предпринятое нами исследование боя, мы можем установить следующее:

1) Задачей исследования боя должно быть поставлено отыскание законов того или другого явления боя, на основании законов тех различных стремлений, совокупным результатом которых является бой.

2) Прежде всего должны быть исследованы законы деятельности человека в бою.

"Человек был, есть и будет главным орудием войны", говорит в "Методе военных наук" Леер. Это бесспорная и избитая истина. Таким образом, само собою понятно, если принять определение тактики Леера: тактика исследует свойства боевых элементов....., то казалось бы, что даже при совершенно прикладной постановке вопроса - исследование должно было бы начинаться с изучения деятельности и свойств человека, как бойца.

40. Милль, стр. 367.

41. Милль, стр. 367.

Между тем, как раз, этот первейший элемент военного искусства, это "главное орудие войны", в подавляющем количестве случаев остается без попытки даже к изучению.

Исследование боя должно быть начато с изучения деятельности и свойств человека, как бойца.

Поэтому исследование боя, как явления общественной жизни, в свою очередь нами подразделяется на две части.

- 1) Исследование деятельности и свойств человека, как бойца.
- 2) Исследование человека в бою.

Г Л А В А I.

"Нет ничего важнее в жизни, как правильно поставить отправную точку, с которой должны быть обнимаемы и обсуждаемы вещи (auffassen und beurtheilen), и затем строго держаться ее, потому что в одной точке мы можем обнять, в их единстве, всю массу явлений и только единство точки зрения может избавить нас от противоречий".

Клаузевиц. "Теория войны" (перевод Войде), т. II, стр. 338.

"Человеческое сердце есть отправная точка всех его военных дел; чтобы их знать нужно изучить его".

Маршал Саксонский.

"L'ordre materiel estextremement bonne, c'est dans l'ordre moral qu'il faut chercher les verites pour approfondir la politique et la guerre".

Napoleon. Pensees, 306.

Значение духовных свойств: Война и только война вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности его воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывает-ся никаким другим родом деятельности⁴². Нельзя лучше подтвердить эту мысль, как следующей выпиской из "Истории умственного развития Европы" Дрэпера.

"Война заставляет народ быстро проходить через различные фазисы своего развития. Если бы арабы, как нация, пользовались глубоким миром, потребовалось бы несколько тысячелетий, чтобы довести их до того умственного состояния, какое было достигнуто ими в течение одного столетия⁴³".

Это свойство войны вызывать усиленную духовную деятельность, само по себе уже наталкивает на мысль, что духовная сторона иг-

42. Драгомиров. "Разбор Войны и Мира", стр. 4-5.

43. Дж. В. Дрепер. "История умственного развития Европы", стр. 252. Перевод под редакцией проф. И. В. Лучинского, изд. 2-е, 1896г.

рает в боевой деятельности человека большее значение, чем в какой-либо другой отрасли его деятельности.

Признание главенствующего значения за ними составляет рабочую гипотезу настоящего труда.

Положение о главенствующем значении духовной стороны в явлениях боя, поставленное в начале всего труда, посвященного изучению боя, как явления общественной жизни, быть может, утверждает слишком многое.

Но единственный способ удостовериться в научной состоятельности или несостоятельности этого положения заключается в серьезном приложении его ко всякому случаю. Это положение можно считать рабочей гипотезой всей предстоящей работы. Разработка же гипотезы во всей ее ширине во многих случаях является единственным способом доказать несостоятельность ее.

Установить же сразу правильную исходную точку в исследовании, где дедукция имеет почти исключительное применение, вполне понятно, имеет чрезвычайно важное значение.

Подобная постановка исследования оправдывается:

Главенствующее значение духовной стороны в явлениях войны мы считаем в праве взять за исходную точку по следующим крайне существенным основаниям:

Мнениями военных авторитетов:

1. Значение духовных свойств бойца всегда высоко оценивалось полководцами всех времен и народов. Привести имена тех, которые верили в их главенствующее значение, было бы равносильно составлению списка всем выдающимся военно-начальникам.

Все великие полководцы прежде всего стремились повысить духовные силы бойцов. Суворовская "наука побеждать" вся состоит из приемов, нравственно укрепляющих войска.

Мы не будем утруждать выписками из мнений военных авторитетов, так как их можно привести бесчисленное количество.

Великими практиками военного искусства давно уже установлен закон главенствующего значения духовного элемента для победы в

бою, — это, можно сказать, избитая истина". Несмотря на это, все исследования боя, за редкими исключениями, касаются только внешней стороны боя и эта "избитая истина" совершенно забывается.

Доказательствами из военной истории: 2. Военная история на каждой своей странице подтверждает закон главенствующего значения духовного элемента.

Все отживающие и, следовательно, слабые в боевом отношении народы владели большей частью высокой внешней культурой. Да оно и не могло быть иначе, так как в период своей старости народ обладает всеми данными, добытыми продолжительным боевым опытом своей предшествовавшей жизни. Опыт этот собирался кропотливыми трудами многих поколений.

Так Греки и Македоняне перед потерей своего независимого существования владели военным устройством, выработанным всею великою жизнью Греческого народа и унаследованным ими от Александра Македонского.

По наружному виду Македонская фаланга Персея, сражавшаяся при Пидне, в бою, решившем участь Македонии и Греции, была не хуже тех греческих фаланг, которые справедливо славились своей непобедимостью. Но сами бойцы Греки и Македоняне были далеко не такими, какими они были в период цветущего состояния названных государств.

Разрушение великолепной Римской Империи варварами еще более свидетельствует, что внешняя культура, как бы она ни была высока, сама по себе не только не в состоянии дать народу блестящих побед, но даже не в состоянии предохранить его от гибели. Несомненно, что в древнем мире наиболее высоко было развито военное искусство у Римлян и конечно Рим во времена упадка не потерял обладание и знание искусства; если же, несмотря на это он был подавлен грубым и необразованным варварским народом, то очевидно это произошло от крайнего недостатка духовной мощи в тогдашнем Римляне⁴⁴.

44. Маслов. "Анализ нравственных сил бойца", стр. 54.

"Римляне времен упадка, говорит Густав Лебон, имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивую энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собою для идеала...⁴⁵".

Зависимость от духовных свойств бойца формы военного искусства. 3. Само военное искусство прежде всего зависит от духовных свойств бойца.

Боец это "средоточие духовных сил, по выражению Г. Леера, является ключом к объяснению всех явлений войны, как частного, так и общего характера". "Эволюции в военном искусстве исходят из человека и к нему возвращаются"⁴⁶.

Для примера остановимся на двух резко отличающихся эпохах военного искусства, а именно XVIII столетия и времен Французской революции. Постараемся выяснить эту зависимость военного искусства от духовных свойств человека-бойца.

Характерные черты военного искусства этих двух эпох могут быть выражены в следующей таблице⁴⁷.

Военное искусство XVIII века. Военное искусство революционной эпохи.

Армия:	Механизм.	Организм.
Боевой порядок:	Сплоченный, механический, негибкий и неподвижный.	Расчлененный, гибкий, подвижный.

45. "Психология народов и масс", стр. 29

46. "Метод военных наук" Леера, стр. 100; зависимость эволюции военного искусства от духовных свойств бойца подробно рассматривается Леером, на стр. 71-102 — в отделах II "Метода военных наук".

47. Леер. "Метод военных наук", стр. 88.

Бой: На местности открытой; дерутся вместе - отсюда - единство-внутренняя цельность боя, хотя и достигаемая скорее механическим путем (внешнее единство); тяготение к крепким позициям.

На всякого рода местности, дерутся врозь-отсюда отсутствие единства, полная распушенность, ничем не обузданная частная инициатива, сражения обращаются в ряд частных боев; *стремление наступать.*

Расположение и движение вместе. **Расположение и движение врозь.**

Способ снабжения запасами:

Исключительно магазинная система, до крайности стесняющая свободу движения и действия армии.

Реквизиции, дающие полную свободу операциям.

В обоих случаях причины мы найдем, если обратимся к анализу свойств бойца - каждой из рассматриваемых эпох.

Главной причиной явлений военного искусства XVIII века была *неблагонадежность бойца*, получаемого при посредстве вербовки, *бойца идейно и духовно вовсе не заинтересованного в исходе войны.*

Неизбежный результат этих условий - *дезертирство* - является страшилищем всех военно-начальников XVIII века. "Солдат убежит", - вот постоянно гнетущий их страх.

Маршал Вильяр говорит, что фуражировка около Нейбурга (1703г.) ему стоила большого числа людей (бежавшими), чем проигранное им в следующем году Гохштедское сражение⁴⁸.

Войска составлялись из нищих и подонков общества, да и те набирались при помощи наглого обмана вербовщиков. Они удержива-

лись в рядах строгим надзором и страхом безжалостного наказания (шпицрутены). Но и эти меры не достигали цели, особенно в военное время; годовое число бежавших доходило до 25% списочного состава войск⁴⁹. Система воспитания солдата была направлена к тому, чтобы отучить людей от малейшего проявления своей воли с целью соединить их чисто механически в одно целое.

Вечным страхом, что "солдат убежит", объясняется необходимость всегда держать его на глазах и потому "вместе двигаться" и "вместе располагаться", налагавшая столь тяжкое бремя на операции армии. Необходимость, чтобы каждую минуту все было на глазах и в руках, требовала для боя, во-первых, - плаца, а во-вторых, компактного построения. Создается боевой порядок-сплошной - и сохранение внешнего, механического единства в каждую минуту боя становится существенным условием его ведения. Вопрос сводится к тому, как бы эту ломкую посуду перенести через поле сражения-плац - так, чтобы к минуте столкновения не потерялась эта внешняя цельность боевого порядка, его механическое единство. Отсюда особенно важное значение для этой эпохи стройного маневрирования в массах, настолько важное, что наступать, т.е. двигаться ввиду неприятеля, осмеливается только сторона, чувствовавшая себя в этом отношении сильной. Необходимость сохранения внешнего единства заставляла стремиться вести бой, стоя на месте, и для усиления себя прибегать к содействию местности, к крепким позициям⁵⁰.

Если мы, подобно тому, как это сделали только что при исследовании военного искусства XVIII столетия и при исследовании военного искусства революционной эпохи, обратимся к бойцу этой эпохи, то увидим, что именно здесь кроется коренное различие, обуславливающее различие военного искусства сравниваемых двух эпох.

Армия, комплектуемая конскрипцией, получает лучших людей. У солдата конскрипции есть высокий нравственный идеал - отечество,

49. Маслов. "Анализ нравственных сил бойца", стр.257.

50. Леер. "Метод военных наук", стр.80.

48. Пузыревский. "Развитие постоянных и регулярных армий", стр.144.

которое ставится превыше всего. Других наград не было, как "Vous avez merite la patrie". В 1800 году в Маренгскую операцию солдаты отказались от денежного вознаграждения, назначенного первым консулом за перевозку артиллерии через Альпы (по 1.000 франков за орудие)⁵¹. Горячая любовь к отечеству, угрожаемому нашествием иноземцев, направила к границам в ряды армии массу интеллигентной, храброй молодежи, озабоченной только стремлением быть полезной отечеству. "Все наши помыслы и чувства, говорит Стендаль, сосредоточивались в одном чувстве: быть полезным отечеству; все остальное: одежда, пища, карьера, все это казалось эфемерными пустяками"⁵². Насколько силен был патриотизм, видно из того, что, когда Франция казалось беззащитной против вторжения европейской коалиции, на призыв республиканского правительства, по выражению автора *Bibliothèque internationale d'histoire militaire*, "Вся Французская нация поднялась, как один человек"⁵³.

Таким является боец в революционную эпоху, боец идейный и в этом отношении совершенно противоположный бойцу предшествующей эпохи, без всякого идеала, движимому одной корыстью, являвшемуся скорей животным в образе человека, которое приходилось дрессировать и держать под вечным страхом⁵⁴.

Эта обратная исходная точка привела к совершенно противоположным формам стратегии и тактики. Полное доверие к бою есть основной мотив всего военного искусства эпохи революционных войн; отсюда возможность расчлененного боевого порядка, стремление к наступлению, расположение и движение врозь, реквизиции и т. п.

Но, с другой стороны, конскрипт революционной эпохи, по выражению генерала Драгомирова, "был конь, на котором поехал бы не всякий"⁵⁵.

51. Леер. "Метод военных наук", стр. 87.

52. Маслов. "Анализ нравственных сил бойца", стр. 332.

53. Т. VI, стр. 5. Перевод Клембовского.

54. Леер. "Метод военных наук", стр. 87.

55. Драгомиров. *Очерки. Наполеон I-й, стр. 157. Изд. 1898г.*

Под Риволи (1796г.), проезжая мимо одного полка, генерал Бонапарт услышал от простого солдата такое приветствие: "General, tu veux de la gloire? et bien nous t'enf... de la gloire (Генерал, ты хочешь славы, ну так мы тебе на работаем славы). В 1800 году при Маренго Генерал Дезе, пришедший, как известно, на помощь в критическую минуту, обращается к Бонапарту с таким комплиментом: "Battu g...f...que tu es?" - "Battant, battu, s'est le sort des batailles", смиренно отвечал Бонапарт. Несколько позже Массена на замечание Наполеона, сделанное за дело: Vous etes le plus grand brigand du monde", возразил - "Apres vous, Sire"⁵⁶.

Революционный дух не мог не наложить отпечатка на призванного в армию конскрипта. Лозунг "Laisser faire, laisser passer" должен был найти отклик не только в экономической жизни, но и в военном деле. Вот эта особенность бойца революционной эпохи и имеет следствием в бою ту полную распущенность, ничем не обузданную частную инициативу, которая обращала сражение в ряд совершенно отдельных боев.

Из приведенного очерка мы видим, что в эпоху XVIII в., как и в революционную эпоху, ключом для объяснения всех явлений военного искусства являются духовные свойства бойца. Точно к такому же выводу мы пришли бы, если проанализировали всякую другую эпоху военного искусства.

Эта зависимость форм военного искусства от духовных свойств бойца составляет часть более общей истины. "Мир, говорит Гизо, создается преимущественно человеком. От его чувств, идей, нравственных и умственных наклонностей зависит устройство и движение человеческого мира, от его внутреннего состояния зависит и видимое состояние общества".

56. Драгомиров. *Очерки. Наполеон I-й, стр. 157. Изд. 1898г.*

В силу вышеизложенного центр тяжести исследования деятельности человека как бойца, должен находиться в изучении психологии человека как бойца.

Изложенного, нам кажется, достаточно для того чтобы доказать безусловную необходимость отправной точки исследования боя сделать изучение его внутренней стороны, а следовательно **центр тяжести исследования деятельности человека, как бойца, переместить в изучение психологии человека как бойца.**

Нельзя при этом не указать, что, несмотря на то что важное значение психологического исследования боя признается всеми, однако далее одного сознания важности исследования психологии человека как бойца, сделано очень мало. На ряду с многочисленной военной литературой, исследующей внешние факторы боя, трудов, посвященных анализу духовной стороны его, можно насчитать очень мало: де-Пик Трошю, Драгомиров, Маслов и немногие другие военные писатели отважились проникать в эту трудную для исследователя область. Все же многочисленные сочинения, посвященные теории ведения войны, ограничиваются большей частью только упоминанием о значении духовного элемента. Эти же упоминания зачастую считаются большинством изучающих теорию военного искусства не более, как общими местами, ненужной философией и одними только, как говорят, общими разговорами.

Нам кажется, что эта крупнейшая ошибка теории военного искусства - объясняется именно тем, как мы говорили в введении, что военная наука стремилась быть исключительно прикладной. Она стремилась посвятить себя исследованию способов "ведения войны", не исследовав в достаточной мере природы явлений войны. Подробно исследуя внешнюю сторону боя, изучая формы военного искусства, т.е. то, что легче поддавалось исследованию, она под влиянием страха перед отвлеченностью слишком мало внимания уделяет исследованию духовных свойств человека как бойца, изучению законов его деятельности в бою. А между тем эта неправильная исходная точка отражается непосредственно и на практике военного дела. Мы не можем не вспомнить здесь слов Шарнгорста, который, говоря о режиме, установившемся в прусских войсках перед 1806 годом, сказал,

верно предупреждая события: "Мы начали ценить искусство войны более, нежели военные доблести; это во все времена было гибелью народов"⁵⁷.

Данная неизменная в явлениях боя.

Перенесение центра тяжести исследования боевой деятельности человека в изучение духовной стороны явлений боя представляет еще одну крайне существенную выгоду для теории военного искусства.

Все факторы боя подвержены эволюции. Следствием этого и является та постоянная изменчивость, которая особенно резко замечается во внешних формах боя. Сравним в этом отношении бой древней истории с современным! Но среди боевых факторов имеется один, который, если и считать его подчиняющимся всемирному закону эволюции - во всяком случае, изменяется столь медленно, что изменения эти могут обнаруживаться тысячелетиями и, по сравнению с прочими факторами, изменения которых происходят очень быстро, этот фактор может быть признан неизменным.

Этот неизменный боевой фактор составляют основы эмоциональной природы человека.

Века не изменили основ эмоциональной природы человека. Его чувства, страсти, инстинкты, и между ними наиболее могущественный инстинкт самосохранения, свойственны человеку настоящего времени так же, как во времена самые древние. Чувства любви, страха, гнева, ненависти, радости, печали, стыда, остались неизменными спутниками жизни человека. И не смотря на то, что человек сделал громадные шаги в умственном отношении, несмотря на то, что в изучении и познании мира он прошел столь длинный путь, что, если бы доисторический человек увидел человека настоящего времени в ореоле современной техники, являющейся видимым следствием успехов в познании природы, то он справедливо почел бы его за бога. Но если этому дикому человеку удалось бы заглянуть в душу этого бога, то он с радостью узнал бы в нем своего брата. Он увидел бы, что поз-

57. Гольц. "Вооруженный народ", стр. 16.

вание мира не изменило природы человека, что чувства страха, ненависти и другие, попрежнему обращают жизнь в драму или комедию; что современный человек даже управлять своими чувствами научился в чрезвычайно ограниченной степени. Если мы обратимся к людям, посвятившим себя изучению человеческих страстей, то мы поймем героев трагедий Эврипида и Софокла; века как-будто не разделяют нас. Мы будем восхищаться произведениями Шекспира, которые остаются вечно юными литературными образцами, не превзойденными еще ни одним из позднейших писателей. Причина этому все та же. Века не изменили основ эмоциональной природы человека.

А между тем эмоциональная природа человека имеет господствующее значение в деятельности человека вообще.

Власть чувств над нами чрезвычайно велика. "Мы не преувеличиваем, говорит Лейб⁵⁸, если скажем, что власть над нами эмоций безгранична. Эмоция всеильна: повинувшись ей, человек, не колеблясь, идет на смерть и страдания. Констатировать могущество эмоций, значит констатировать универсальный эмпирический закон".

"Сила чувства чрезвычайно богата проявлениями. Сильное чувство способно вторгаться в область и нарушать правильное течение совершенно повидимому независимых от него психических состояний". "Почти всегда наши решения хотя и принимаются внутри нашего я, но не нами: наша сознательная воля несколько в них не участвует, наше влечение, заранее уверенное в том, что в конце-концов оно одержит победу, позволяет уму, если можно так выразиться, сказать свое последнее слово". Наконец, как замечает Бэн⁵⁹, "чувства имеют еще свойство удерживать каждую идею, которая находится в согласии с ними, приятную или неприятную, с энергией, соответствующей их интенсивности, и заставляют мысли и образы оставаться в уме при помощи силы, отличной от обычного течения воли", даже подчас наперекор ей.

58. "Воспитание воли", стр. 27, 29, 30.

59. "Психология", стр. 377. Перевод с английского, 2-е изд. 1887г.

Таким образом, эмоциональная природа человека имеет господствующее значение в деятельности человека вообще; боевая же деятельность человека, как мы будем подробно говорить об этом во второй главе, представляет в этом отношении особо благоприятные условия. Пока ограничимся указанием на следующее.

Бой представляет из себя драму⁶⁰, величайшую драму в мире. Эта драма, происходящая в душе бойца, захватывает все его существо. Человек ставит в бой на карту свою жизнь, т.е. то, что составляет для него самое драгоценное. Во имя поставленной цели, боец жертвует своей жизнью. Разве это ему легко дается и разве то, что переживает он во время боя, не есть величайшая драма. Что это представляет из себя самый тяжелый подвиг, видно из того, что даже Евангелие говорит: "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (от Иоанна, гл. XV, стр. 13). В бою, этой величайшей из драм жизни человеческой, не могут поэтому не играть главнейшую роль эмоциональные свойства человека, его страсти, чувства, инстинкты, все великое и низкое человеческой природы бойца, все сознательное и бессознательное его существа. Поэтому вполне понятно, что размах колебания между добром и злом громадный по сравнению с жизнью в мирной обстановке. Рядом с выполнением наиболее возвышенного Евангельского завета, мы встретим в бою проявления самых низких животных инстинктов.

Вспомнив все это, не покажется ли теперь близоруким, когда в работах, посвященных исследованию боя, ограничиваются изучением лишь внешней стороны явлений войны, причем боец рассматривается, как существо, отказавшееся от своей сложной, одухотворенной природы и превратившееся в бесчувственную пешку. Вполне понятно, что подобный человек есть человек кабинетных измышлений, но не реальный. Последний состоит из духа и тела, неразрывных между собой. И

60. "Le combat, dans sa realite, est un dram'e. saisissant. Il remue profondement l'ame humaine et la soumet, alors meme qu'elle est preparee par de genereuses aspirations, par l'education, par l'habitude a des epreuves multipliees, variables, imprevisibles". General Trochi, "L'armee francaise en 1866", p. 251.

как бы ни был силен разум, он не может иногда покорить брэнного тела. Возмущившаяся плоть, перед грозящим ей разрушением, часто сама покоряет себе разум.

Итак, если чувства играют выдающуюся роль в деятельности человека вообще, то в боевой деятельности человека он получает еще более преобладающее значение.

А так как основы эмоциональной природы человека можно признать неизменными, то поэтому **все, что в деятельности человека в бою является производной от этих свойств, как в бою глубочайшей древности, так и в боях современных и будущих, останется столь же неизменным.** Это составляет неизменную часть явлений боя.

Таким образом, перенесение центра тяжести исследования боевой деятельности человека в изучение его духовных свойств **должно привести к открытию неизменных начал военного искусства.**

И действительно история военного искусства показывает, что принципы творений Александра Македонского, Аннибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Морица Саксонского, Евгения Савойского, Петра I, Фридриха, Суворова, Наполеона, Мольтке одни и те же⁶¹.

Теперь еще более понятны слова М. Саксонского: *человеческое сердце есть точка отправления во всех военных делах; чтобы знать их нужно изучить его.*

61. Для методологии военной науки как чистой, так и прикладной, на основании изложенного в настоящей главе, мы можем дать следующий вывод: для исследования неизменных факторов природы боя и неизменных принципов военного искусства можно обращаться к любой из эпох военной истории. Это крайне существенно, так как сложные формы современного боя расплывшегося во времени и пространстве, с крайне сложными материальными факторами, не всегда дадут возможность изучить интересующее исследователя боя. Наше же заключение показывает, что для изучения вечных основ и принципов боя можно обратиться к более простым по формам и легче охватываемым, вследствие их внешнего и внутреннего единства — боям прошедших эпох.

Но в тех случаях, когда предметом исследования послужат внешние формы боя, то вполне понятно, что тогда исследователь обязан обратиться к новейшим эпохам.

ГЛАВА II.

Основная идея боя та же, что и идея войны. Основная идея боя неизменна.

Война есть продолжение политики с оружием в руках. Она есть проявление силы со стороны народа для проведения своих государственных целей, а также и для защиты самого себя⁶². Поэтому, выражаясь словами Клаузевица: "война есть проявление насилия с целью вынудить противника исполнить нашу волю"⁶³. Но так как это насилие выражается на войне боем или угрозой боя⁶⁴, то вполне понятно, что основная идея боя та же, что и основная идея войны: *силой подчинить себе волю противника.*

Эта основная идея боя — неизменна.

Как ни разнообразны в формальном отношении бои всех времен и народов — в основе их лежит — та же идея борьбы: каждая из дерущихся сторон стремится, путем применения силы, подчинить своей воле сопротивляющегося неприятеля.

Проявление силы является крайне разнообразным; не говоря уже о том, что это проявление усложняется в настоящее время получившей чрезвычайное развитие техникой (основная мысль которой заключается в том, чтобы увеличить физическую силу человека — оружие, средства передвижения, оптические приборы, сигнализация и т. д.), это проявление силы зависит также от умения ее пользоваться, что по выражению Наполеона, составляет — "la partie divine de l'art" и что вносит бесконечное разнообразие во внешние формы боя.

62. Блуме. Стратегия. — Сущность войны. Ч. I, стр. 1.

63. Clausewitz. (Fünfte Auflage, 1905r.), S. 1.

64. "Война по существу своему, говорит этот же писатель, есть ничто иное, как бой. Во всей многосложной деятельности, называемой в общем войной, один только бой имеет решающее значение". Там же, стр. 67.

По при всем разнообразии внешних форм, основная идея боя, повторяем, одна и та же: подчинить своей воле противника, т.е. победить его⁶⁵.

Из основной идеи боя вытекает - что факт вступления в бой есть выражение желания победы. Вследствие этого, как бы ни были разнообразны данные обстановки боя и свойства самого бойца и поэтому как бы ни были бесчисленно разнообразны его стремления в бою, все положительные стремления, обуславливающие его действие против неприятеля, объединяются по цели своей в одной идее - *победить противника*.

Стремление бойца к победе - обуславливает упорство и энергию, с которой он добивается победы.

Стремление бойца "победить". Мотивы всякого стремления лежат в области чувств и идей. Стремление бойца "победить" имеет свои мотивы там же.

В каждом отдельном случае встречаются бесчисленное множество различных комбинаций чувств и идей, обуславливающих победное стремление бойца.

Обыкновенно бой изучается, как совершенно обособленное от социальной жизни явление, поэтому обыденное мнение предоставляет слишком большое значение в этом отношении мотивам эгоистическим. Но подобное понимание слишком близоруко.

Война преследует коллективные интересы.

Основная же идея боя та же, что и идея войны.

Одержания победы в бою требует готовности человека пожертвовать собой, т.е. отказаться от собственного интереса во имя коллективных интересов. Отсюда нам кажется ясно, что стремление бойца к победе должно основываться на мотивах альтруистического характера. Мы не отрицаем большого значения других идей и чувств.

⁶⁵ "Человек с незапамятных времен изощрялся в изобретениях с целью обеспечить за собой успех в бою, пишет Клаузевиц, бой от этого во многом изменился, но основная его идея, все-таки, осталась неизменной, она то и составляет войну"... "Ясно, что само оружие и снаряжение не есть неотъемлемая принадлежность идеи боя... Простая кулачная расправа - все тот же бой".

Там же, стр. 67.

например, возьмем хотя бы один из могущественных рычагов человеческой деятельности - самолюбие. Мы хотим только подчеркнуть ту мысль, что личные мотивы играют в общей массе вспомогательную роль.

Военная история показывает, какое огромное значение имело для силы стремления бойца к победе его сочувствие политической, религиозной или экономической идее войны. *Все решительные и победоносные войны имели в основе идею, которая близка была сердцу бойца.*

Идея покорения Персии была крайне популярна в древней Греции еще значительно раньше похода Александра Македонского.

Но если во все времена сочувствие бойца идее войны имело большое значение, то в современную эпоху, когда армии представляют ничто иное, как вооруженные народы, значение социальных стимулов еще более усилилось.

Франко-прусская война имела для немцев в своем основании идею объединения Германии - идею дорогую для каждого немца.

Вспомним минувшую войну⁶⁶.

⁶⁶ Японский народ во всем своем составе, от первого ученого до последнего рабочего, был проникнут идеей необходимости войны с Россией.

Каждому японцу была присуща идея, что для дальнейшего как политического, так и экономического развития страны нужны новые земли и что эти земли можно приобрести лишь путем завоеваний.

В какой мере эта идея вошла уже в самое существо японца, показывает следующий факт: когда в 1895 г. вмешательство европейских держав заставило Японию отказаться от главных плодов ее победы над Китаем - Порт-Артура - сорок три японских офицера лишили себя жизни, заявив, что они не в силах перенести унижения своего отечества. (Мартынов, "Из печального опыта минувшей войны").

После занятия русскими войсками Порт-Артура, почти каждая газетная статья, имевшая хотя бы незначительное отношение к политике, кончалась словами "помни о Ляодуне". Насколько популярна была в Японии идея борьбы с Россией хорошо иллюстрируют следующие цифры. Возникшее в Японии "Общество военной доблести", поставившее себе целью подготовку народа к войне - в частности же к борьбе с Россией, через два года после своего открытия имело уже 90.000 членов, а через пять лет члены его считались сотнями тысяч.

Во время самой войны горячее сочувствие народа неизменно сопровождало японскую армию. Каждый успех ее вызывал взрыв восторга, каждая неудача (Путиловская сопка, отбитые штурмы Порт-Артура), острая боль отзывались во всей стране.

Мы не будем входить здесь в анализ зависимости стремления бойца "победить" от факторов боя. Это составит предмет дальнейшего исследования. Мы не отрицаем то, что обстановка боя тоже воздействует и даже в очень сильной мере на стремление бойца к победе; но факторы боя могут только видоизменить напряжение этого стремления или совершенно уничтожить его. Мы утверждаем, что само понятие войны, а также даже беглый взгляд на военную историю доказывают, что основа победного стремления бойца лежит в мотивах социального характера.

Опасность Из основной идеи боя, подчинить своей воли
есть противника путем насилия, вытекает, что неизменная спутница боя — это опасность; "бой
непременный элемент боя, порождает стихию опасности, говорит Клаузевиц, в которой должна жить и двигаться война, точно так же, как рыба в воде или птица в воздухе⁶⁷.

В этом отношении народа к войне и находится ключ японских побед. Из него родилось стремление бойца к победе, им всецело обуславливалась та сила, которая толкала каждого японского бойца водрузить флаг восходящего солнца на русских позициях.

Совершенно обратное мы видели в России. Не входя здесь в оценку политической идеи русско-японской войны, мы напомним только, насколько она чужда была массовому бойцу.

Темная народная масса интересовалась непонятной войной лишь постольку, поскольку она влияла на ее семейные и хозяйственные интересы.

Большинство образованного общества относилось к войне совершенно индифферентно; оно спокойно занималось своими обычными делами: в тяжелые дни Ляояна, Шахе, Мукдена и Цусимы театры, рестораны и разные увеселительные заведения были так же полны, как всегда.

Часть же интеллигенции не только относилась индифферентно к нашим неудачам, но даже желала и старалась их вызвать. С этой целью велась пропаганда среди запасных, войска засыпались прокламациями. Поражения армии открыто радовались.

Вышеизложенное показывает, что идея только-что минувшей войны была чужда массам бойцов. Столкнуться же пришлось с бойцом, в котором стремление к победе было доведено до наивысшего напряжения. В этом и заключается одна из коренных причин наших неудач.

67. Clausewitz. "Vom Kriege" (Fünfte Auflage), S. 81.

Присущая бою опасность — создает особые условия психической деятельности бойца. "...последствия опасности влияют всецело на дух, продолжает Клаузевиц, или непосредственно инстинктивно, или же путем разума. Первое впечатление выразится желанием уклониться от опасности, а неисполнимость этого — порождает боязнь и страх".

Инстинкт самосохранения составляет неперенный и существенный фактор внутреннего строения боя.

Инстинкт самосохранения не может поэтому не составить *непременного и существеннейшего фактора внутреннего строения боя.*

"Нам кажется, что настало наконец время трезвого отношения и к военным событиям: Агамемноны, Ахиллесы и другие более или менее красивые эпические герои должны сойти со сцены и уступить место обыкновенным людям, с их великими доблестями и с их, подчас, унижительными слабостями; с их самоотвержением, доходющим до того, чтобы положить голову за други своя, — и с их себялюбием и своекорыстием, доводящим до стремления уложить (руками неприятеля) того ближнего, который им не пришелся по сердцу; с их способностью взбираться под пулями и гранатами на вертикальные стена безо всякой посторонней помощи, и с их обычаем давать иногда тыл и бежать без оглядки, из-за одного того, что какому-нибудь негоддю вздумается крикнуть: "мы обойдены".

Дело от этого выигрывает: оно всегда выигрывает от правды. В теории не будут ограничиваться всеизвиняющей фразой: "это случайность", а будут задаваться вопросом о том, как нужно вести и организовывать войска, дабы они возможно менее поддавались неблагоприятным случайностям⁶⁸.

Огромное влияние, которое имеет страх на деятельность человека в бою, видно из того, что "страх подчиняет и преодолевает до такой степени волю, что люди всегда считали героем того, кто имел

68. Драгомиров. "Разбор войны и мира". Стр. 6.

достаточно силы побороть и овладеть им"⁶⁹.

Даже храбрейшим из людей приходится считаться с этими факторами боя.

Скобелев, обожаемый войсками за свою храбрость, в беседе с одним из своих друзей сказал: "Нет людей, которые не боялись бы смерти; а если тебе кто скажет, что не боится - плюнь тому в глаза; он лжет. И я точно так же не меньше других боюсь смерти. Но есть люди, которые имеют достаточно силы воли этого не показать, тогда как другие не могут удержаться и бегут перед страхом смерти. Я имею силу воли не показывать, что я боюсь, но зато внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отражается на сердце"⁷⁰.

Де Пик, называя вещи своим именем, говорит: "Человек ужасается смерти". "Избранные души одни способны понять и выполнить великий долг, побуждающий их идти вперед, но масса всегда отстает при виде призрака. Масса трепещет, ибо плоть уничтожить нельзя"⁷¹.

И потому элемент страха должен быть всегда принят во внимание, как специфический фактор психологии боя. "Этот трепет, говорит Де Пик, под опасением ошибки, должен входить, как существенная данная, в соображения о всякой организации, дисциплине, распорядках, движениях, маневрах, образе действий, во все, что имеет конечной целью ослабить это чувство, обмануть, отклонить его от себя и усилить в неприятеле.

Если изучить роль этого трепета в древних боях, то увидим, что между народами наиболее искусными в военном деле, самыми сильными были те, которые не только лучше поняли общее ведение ее, но которые больше всего принимали в расчет человеческую слабость и приняли меры против нее"⁷².

69. Angelo Mosso. "Страх". Перевод А. К. Розельзон-Сошальской. Стр. 222.

70. Исторический Вестник 1895г. Январь, стр. 105 "Наброски из прошлого", кн. Д. Д. Оболенский.

71. Де Пик "Исследование боя в древние и новейшие времена". Перевод Пузыревского, 2-е издание, стр. 46.

72. Де Пик "Исследование боя в древние и новейшие времена". Перевод Пузыревского, 2-е издание.

Инстинкт самосохранения порождает эмоцию страха.

Как отражается инстинкт самосохранения на деятельности человека.

Страх есть одна из самых сильных эмоций; это чувство первым хронологически проявляется у живого существа⁷³.

"Эмоция страха происходит при представлении наступающего (приближающегося) зла. Характер ее составляют: особая форма страдания или несчастья, упадок активной энергии и исключительно сосредоточение в уме относящихся сюда идей"⁷⁴.

"Если мы будем измерять его (страх) прекращением удовольствия, то увидим, что он составляет один из самых страшных видов человеческого страдания"⁷⁵.

Физиологические спутники страха вызывают чрезвычайное состояние.

Мы не будем входить в подробное рассмотрение эмоции страха; интересующихся отсылаем к специальным работам по психологии, послужившим основанием для наших выводов⁷⁶. Укажем только выводы из данных психологии: как чувство страха должно влиять на бойца.

Вполне понятно, что степень влияния чувства страха соответствует степени опасности, которая представляется бойцу.

1) Мышление в значительной мере подавляется; одновременно с этим чувство страха вызывает невольное сосредоточение в уме идей, относящихся к предмету страха; получают силу **непроизвольные сочетания идей** и **начинает действовать фантазия**, направленная в

73. Рибо. "Психология чувств", стр. 187.

74. Бэн. "Психология", стр. 250, 251.

75. Бэн. "Психология", стр. 252.

76. Angelo Mosso. "Страх" 1887г.; Бэн. "Психология", II изд. 1887 г., стр. 250-257. У. Джемс. "Психология". Перевод И. И. Лапшина, изд. 1905 г., стр. 331-336, 352-358. Рибо. "Психология чувств" изд. 1897 г., стр. 187-196.

сторону причин страха; таким образом уменьшается произвольная сознательность бойца - в крайних формах страха, доходящая до полной потери рассудочности.

2) *Упадок энергии*; подобно тому, как в рассудочных способностях бойца оживляется деятельность, имеющая отношение к причинам страха, в некоторых бессознательных действиях человека энергия увеличивается, а именно, во всем, что касается уклонения от опасности. Этим объясняется то внезапное неудержимое стремление обратиться в бегство; это стремление бывает настолько сильно, что самые храбрые солдаты могут быть охвачены паникой⁷⁷. Но когда страх возрастает до агонии ужаса, то наступает паралич, обморок и смерть.

Таким образом, мы видим, что чувство страха стремится ограничить разум и волю человека, направив всю его деятельность на спасение самого себя. Благодаря этому, сознательность бойца уменьшается и мотивы деятельности переносятся в область бессознательного (инстинкта). Инстинкт самосохранения порождает в человеке *стремление избежать опасности*. Так как инстинкт самосохранения один из самых сильных в природе человека, то бороться с стремлением уклониться от опасности, по мере возрастания последней, становится все труднее и эта борьба затрудняется в то же время еще тем, что страх лишает человека поддержки разума и сознательной энергии.

**Стремление
человека
избежать
опасности.**

Человек вступает в бой с желанием победить врага. Но обстановка боя, с присущим ей неизменным элементом - опасностью, вызывает, благодаря инстинкту самосохранения, стремление уклониться от этой опасности.

77. Дарвин (цитировано у Джемса, "Психология", перевод И.И. Лапшина, изд. 5-е, стр. 332).

**а) человек
делает
от себя все
зависящее
дабы
упразднить
борьбу.**

Насколько второе стремление сильно, видно из того, что человек делает все от себя зависящее дабы упразднить борьбу.

Это особенно резко видно в борьбе дикарей.

Храбрость дикаря не подлежит сомнению.

Постоянная борьба с опасностью, представляемой природою, животными и людьми, не могла не закалить мужество дикаря и не научить его дорожить жизнью. Страх вечно преследует его; он постоянно в опасности, постоянно на стороже. Он никому не может доверить и никто не доверяет ему⁷⁸. Вследствие этого, у дикаря должна выработаться привычка к опасности и неустранимости.

Казалось бы, вследствие безусловной храбрости дикаря, открытый бой должен быть явлением обыкновенным.

Между тем мы встречаем обратное.

"Дикари, по словам Тайлора⁷⁹, имеют обыкновение нападать на врага врасплох; стараясь убить его, как дикого зверя".

Сравнительное языкознание показывает, что война и охота как у Семитов, так и Арийцев имеют одинаковое название (*vudh, zud*)⁸⁰.

Война между дикими народами, часто и в наше время⁸¹ есть война засад группами людей, из которых каждый, в момент нападения, выбирает себе не противника, но жертву и убивает ее.

"Это потому, поясняет в своем классическом исследовании боя де Пик, что оружие с обеих сторон одинаковое и единственный способ приобрести шанс для себя заключается во внезапном нападении. Человек, застигнутый врасплох, должен иметь минуту, чтобы огля-

78. Дж. Леббок "Доисторические времена". Перевод под ред. Анучина, стр. 274.

79. "Антропология", стр. 221.

80. Гелльвальд. "История культуры". Перевод под ред. М. Филиппова, стр. 293.

81. Летурно, в своем сочинении "L'evolution politique dans les diverses races humaines" (492) называет войну Австрийцев "простой охотой за человеком".

даться и принять оборонительное положение; в течение этого мгновения он гибнет, если не спасается бегством.

Застигнутый врасплох противник не защищается - он старается бежать; и бой лицом к лицу, один на один, при помощи первобытного оружия, топора или ножа, столь страшного для неприкрытых врагов (т.е. не имеющих предохранительного оружия), крайне редко встречается: он может происходить только между врагами, внезапно нападшими друг на друга, при чем для обоих победа есть единственное спасение. И то... в случае подобного нечаянного нападения, спасение возможно еще при отступлении, бегстве того и другого; и к этому прибегают не редко"⁸².

Стремление бойца уклониться от опасности, упразднив насколько возможно борьбу, доказываемая всей историей развития оружия. Весь смысл этой истории может быть выражен в нескольких словах - человек *уходит* убивать врага, избегая быть убитым. Он выходит с окованной палицей против кола, со стрелами против палицы, с щитом против стрел, со щитом и кирасой против одного щита, с длинными копьями против коротких, с стальными мечами против железных, с вооруженными колесницами против пешего человека и т.д. Он изобретается в изобретении ружей и пушек с возможно дальним боем для того, чтобы отдалить от себя борьбу.

б) притягивающее влияние укрытий. В современном бою стремление уклониться от опасности резко выражается в притягивающем влиянии на бойцов укрытий.

Возьмем для примера эпизод из боя 16-го августа 1870 г. (Марс-ла-Тур), наступление 6-й Прусской дивизии на с.с. Вионвилль и Флавины - занятых французами. Дело произошло утром. 6-я дивизия собралась по-бригадно в овраге, в 250 саж. от с.Тронвилль. Начальник дивизии отдал приказ: обеим бригадам наступать: 12-й бригаде на Вионвилль, 11-й бригаде на высоту к

югу от Вионвилля и дальше на Флавины. 11-я бригада начала наступление, имея 35-й полк в первой линии, 20-й - во второй. Полки построились в линию батальонных колонн.

Построение и начало наступления было произведено (Чертеж N1. См. приложения) так стройно, что можно было подумать, что это происходит на Темпельсгофском учебном поле. Но как только бригада вышла на высоту кладбища, на открытую местность, то она была встречена артиллерийским и ружейным огнем французов, расположенных у Вионвилля и Флавины. Бригада пыталась развернуться, но огонь противника вызвал беспорядок в ротах; направление теряется; происходит замешательство; люди бегут из открытого обстреливаемого пространства к местным предметам и укрытиям местности, которые, по их мнению, могут их укрыть от огня.

Одним словом, через 20 минут после начала наступления в стройном порядке, боевой порядок 35-го полка представляет три отдельные группы. Одна группа из 5 рот - в овраге против Флавины, другая из 2-х рот прицепилась к кладбищу, третья из 5 рот - в вершине оврага между кладбищем и с.Вионвилль. В состав последней группы вошли кроме 5 рот 35-го полка, еще и 2 роты 20-го полка. 10 рот 20-го полка, находившегося во второй линии, остановились не доходя до вершины, на которую была направлена 11-я бригада⁸³.

Не будем входить в оценку тактического искусства военначальников; зададим себе только вопрос, почему указанные три участка местности притянули к себе бойцов.

Единственная причина лежит в стремлении укрыться от огня, которое заставило бойцов броситься к участкам местности, представлявшим хотя бы некоторое укрытие от огня противника.

Когда гибель кажется человеку неминуемой, инстинкт самосохранения начинает в нем говорить со всей силой, ему присущей. "Можно с правом утверждать, говорит Рибо⁸⁴ в своей "Психологии

82. Де Пик. Стр. 6.

83. General Dandignac . "Les realites du combat", p. 16, 17, 18, 19.

84. "Психология чувств", стр. 188.

чувств", что боязнь носит телеологический характер, что она приспособлена к одной цели: сократиться, спрятаться, доставить как можно меньше добычи для нападения". Под градом пуль, когда чувство страха овладевает бойцом, он припадает к земле, он ищет укрытие, которое, ему кажется, может прикрыть от огня противника. Это происходит инстинктивно; иногда совершенно без участия рассудка. Боец прячется иногда за изгородь, которая свободно пробивается пулей. Но когда инстинкт заговорит в нем с силой, то поднять его часто становится делом трудным и тут-то сказывается знание начальниками психологической стороны боя.

11-я бригада одна не захватила бы Флавины.

12-я бригада легко овладела слабо обороняемым Вионвиллем и начала дебушировать в направлении на Флавины.

Многочисленная прусская артиллерия направила свой огонь на французов. Тогда только, подбодренная наступлением 12-й бригады и видом своей стрелявшей по неприятелю артиллерии, 11-я бригада оправилась, двинулась вперед и захватила с Флавины, почти совершенно очищенный французами.

Притягивающее влияние укрытий сказывается не только тогда, когда боец совершенно потерял душевное равновесие и самообладание. Это видно из того как существенно оно отражается на внешних формах боя: притягивающее влияние укрытий вызывает изменение данного направления наступающим частям, столпление и перемешивание частей; оно является главным регулятором перебежек.

В сочинении генерала Куропаткина "Ловча и Плевна" мы встречаем описание атаки 1-й бригады 2-й дивизии Заречного редута в бою под Ловчей 22-го августа 1877г.

Это описание дает превосходную картину движения наступающих частей вперед.

Мы можем проследить по этому описанию, как, даже при победоносном наступлении, даже тогда, когда дух атакующих войск крайне высок - инстинкт самосохранения оказывает свое влияние.

Стремление уклониться от опасности притягивает бойца к мельнице, группе деревьев, к небольшим кучкам гальки. Это стремление стихийно - иногда даже вопреки рассудку.

"Калужцы, спустясь с крутого обрыва в долину Осмы (Чертеж

№ 2. См. приложения), пишет генерал Куропаткин⁸⁵, вошли в сферу действительного огня турок на 2.200 шагов, но, благодаря скрывшим их отчасти садам по берегу реки Осмы, достигли этой реки без больших потерь. Довольно глубокая вода в реке требовала отыскания брода, который и был найден (приблизительно на высоте левого фланга неприятельской позиции). Полк подтянулся к броду. Турки, заметив движение наших, открыли ожесточенную пальбу, осыпая свинцом всю открытую площадь, по которой полку приходилось двигаться. Наступление начали отдельные люди, которые, переправившись через реку, выходили на открытую долину р. Осмы, направляясь под градом пуль к неприятельской позиции. За первыми показались другие, и скоро сотни людей, в одиночку переправившись в брод, бежали по гальке, покрывавшей долину, к неприятельской позиции, оставляя по всему участку значительное число убитых и раненых".

"Надо было пробежать по долине около 500 шагов совершенно открыто. Первое укрытие от неприятельских пуль на пути наступления полка была мельница с несколькими десятками деревьев, окружавших ее. Часть людей перебежала долину, как говорится, одним духом; другие, пользуясь небольшими грядками гальки, образованными течением воды, ложились за них; к прежде залегшим присоединились задние, и местами образовались густые шеренги лежащих; но эти укрытия плохо защищали от неприятельского огня, направленного с 1.500 шагов и потому поражавшего под большим углом. Лежащие замечали, что и они терпят от огня; тогда храбрейшие вставали первыми и перебежали дальше; за ними мало-помалу перебежали другие, и все это направлялось к спасительной мельнице".

"Между тем не било никакой надобности пробегать это пространство. Стоило подвинуться далее садами, пройти за тем окраину города и, наконец, выйти к той самой мельнице, о которой упоминается выше. Разница была в том, что вместо хорды пришлось бы описать

⁸⁵ "Действия отрядов генерала Скобелева в Русско-Турецкую войну 1877-78 г. Ловча и Плевна". Ч. I, стр. 170-172.

дугу. Около мельницы, через полчаса после наступления, образовалась уже масса в несколько сот человек, которая быстро возрастала. Укрытия для всех уже не хватало, и потери начались..."

"Но вот солдаты отдохнули; эмоция от первой перебежки прошла, все готовы были начать дальнейшее движение. Сначала несколько храбрейших с офицером перебежали 50-60 шагов и частью стали за деревьями, частью легли на землю".

"Начало было сделано, и толпа у мельницы стала таять, продвигаясь вперед поодиночке и кучками".

Если мы обратимся к только что минувшей войне, то мы конечно найдем то же самое, так как инстинкт самосохранения принадлежит к неизменным свойствам человека. Обратимся к примеру тоже наступательного боя, увенчавшегося успехом, т.е. когда победное стремление бойца не было подавлено, а наоборот, должно было господствовать в душе бойца.

3-го октября 1904 г., при атаке частями 22-й пехотной дивизии Новгородской сотни, приходилось первоначально пройти открытое пространство 400-500 саженей между с.с. Ундянтунь и Сахоян.

Это открытое пространство между с.с. Ундянтунь и Сахоян, как пишет командир 88-го Петровского полка, прошли с маху, останавливаясь только изредка, чтобы перевести дух⁸⁶.

Деревня Сахоян (Чертеж N 3. См. приложения), совершенно прикрывая следующие на нее роты, невольно притягивающе, как мельница в бою под Ловчей, действовала на соседей⁸⁷. Вильманстрандцы тоже вместо того, чтобы идти правее д.Сахоян, как это было им приказано, двинулась за Петровцами⁸⁸. Это притягивающее влияние д.Сахоян вызвало перемещение частей и столпление людей у северной стенки деревни. Потребовалось большое проявление энергии начальствующих лиц для восстановления порядка.

86. Апухтин. "О боевой подготовке пехоты", статья в книге первой Общества ревнителей военных знаний, 1906 г., стр.81.

87. Болдырев. "Бой на реке Ша-хэ" (взятие Путиловской сотни), стр. 34.

88. Апухтин. "О боевой подготовке пехоты", статья в книге первой Общества ревнителей военных знаний, 1906 г., стр.81.

Стремление человека избежать опасности при сильном напряжении вызывает отказ от боя.

Всякое действие человека есть приведенное в исполнение его стремление (желание) - произвольное или произвольное. Когда стремление одно, то оно легко становится непосредственным толчком к действию и тогда последнее становится простым волевым актом (импульсивным). Но обыкновенно в душе человека возникают одновременно несколько желаний, подчас противоречивых между собой.

Столкновение различных желаний и сопровождающих или вызывающих их чувств между собой составляет, так называемую, борьбу мотивов.

Нельзя опять не упомянуть о том значении, которое имеют чувства в деятельности человека. Мотивы обдумываются, взвешиваются, а чувство бросает на чашу весов всю тяжесть собственного влияния⁸⁹.

Стремление бойца "победить" присуще бойцу до вступления его в бой. Но обстановка боя с присущим ей непременным элементом - опасностью, порождает в душе человека другое стремление "избежать опасности"; мы только что рассматривали, как это стремление бойца "избежать опасности" - вносит поправку в проявления борьбы; эту поправку можно выразить следующими словами - "победить при наименьшем риске". Но с увеличением опасности в бою оба мотива вступают уже в резкий конфликт; формула "победить при наименьшем риске" не может уже примирить их. Стремление "избежать опасности" - становится тогда почти равнозначимым "уклониться от боя". Если стремление бойца "победить" - считать положительным мотивом - то стремление бойца "уклониться от опасности" по отношению к первому представляет отрицательный мотив.

Победа в бою не легко дается; бой не мимолетен и полон самых сильных ощущений. Поэтому в сердце человека долго происходит

89. Корф. "О воспитании воли военачальников", статья в книге первой Общества ревнителей военных знаний, 1906 г., стр.3.

борьба двух противоположных стремлений. Это борьба представляет в полном смысле слова драму.

Насколько эта борьба мучительна, мы можем видеть из того, что бывает случаи самоубийства в бою.

Большинство бойцов хотя и участвуют в бою, но действуют машинально. Они затратили столько энергии в этой борьбе, чтобы перебороть инстинкт самосохранения и чувство страха, что у них не хватает уже никакой нравственной силы для самостоятельности. Эти бойцы нуждаются в импульсе извне, в возбудителе. Этот импульс дают им ее немногие храбрые люди, которые сохраняют спокойный разум и запас энергии.

Вот где причина тому, что в бою управление захватывают всегда люди волевые.

Отрицательное стремление бойца есть производная от опасости. Опасность же с приближением противника все увеличивается, вследствие этого и отрицательное стремление бойца с течением боя получает все большую и большую силу. Когда его сила возрастает настолько, что оно становится больше победного стремления бойца, тогда наступает кризис воли: человек решается — уклониться от боя.

"Вступив⁹⁰ в сферу огня, полк начинает таять у всякой складки местности, у всякого куста, которые только дают возможность спрятаться; дальше, с течением боя, люди, охваченные ужасом, падают на землю и лежат как мертвецы, с той только разницей, что лицо их обращено в землю; вскоре целая толпа солдат, под предлогом выноса раненных, представляет им многочисленный эскорт — для дезертирования с поля битвы; другие, наконец уходят без всякого предлога и их невозможно вернуть, если они ускользнули из-под влияния своих офицеров".

"Все эти люди, строго говоря, не беглецы — у них нет той поспешности — это уклонившиеся".

"Легко выяснить количество их, когда какая-нибудь ферма или

90. L'armee francaise a Metz", par Le commandant La Tour du Pin-Chambly (Daudignac, стр.65).

какое-нибудь укрытие в этом роде составляет часть позиции; становится, пожалуй, ненужным занимать этот местный предмет отдельной частью, так как он уже занят многочисленным гарнизоном волонтеров".

"Замечательно, что это оставление рядов имеет место, главным образом, в тыловых частях войск; оно значительно больше во 2-й и 3-й линиях, находящихся пассивными под огнем неприятельской артиллерии — чем в первой линии боя; через несколько часов боя — в рядах остаются только люди сильной воли, и тогда их ряды действительно дышат непреклонностью".

Уклонение от боя под предлогом выноса раненых давно уже замеченное явление. В только что минувшую войну существование этого зла засвидетельствовано даже в приказе по 1-ой Маньчжурской армии от 10-го июня 1905 г. N 465, в котором командующий армией пишет: "Бывший боевой опыт указывает также, что мы не только выводили в бой роты со слабым составом штыков, но и не принимали достаточных мер к тому, чтобы зорко охранять выведенные в бой части: они таяли от разных причин, кроме убитых и раненых. . . . Мне лично приходилось видеть, как под предлогом выноса раненого, группируясь около него, уходило от 4 до 10 человек".

Стремление уклониться от боя в некоторых людях настолько сильно, что встречаются случаи, когда человек сам себя ранит — для того только, чтобы уйти из боя. И эти случаи не редки. Вот что мы встречаем в письме профессора Боткина⁹¹, написанном им после неудачных штурмов Плевны.

"Склифасовский высказал печальное наблюдение, сделанное им в течение этих нескольких суток работы; оказывается, что очень легко, — по словам Склифасовского — можно составить целый полк из симулянтов, т.е. ранивших себя в пальцы по примеру Сербского войска... нельзя этому однако же удивляться; солдат видит в турках сильного и даже более сильного врага; турки защищены окопами и имеют огромное преимущество в оружии"... Характерно, что о саморанениях "не смели доложить".

91. "Письма с театра войны 1877-78 гг."

В этих же письмах Боткин следующими словами обрисовывает нашего солдата. "Надо знать, - пишет он к жене, - наших солдат этих добродушных людей, идущих под пулевым градом с такою же покорностью, как на учение, чтобы еще больше сжималось сердце при мысли, что не одна тысяча этих хороших людей легла безропотно, с полною верою в святое дело, за которое они так охотно, с такою готовностью отдают свою жизнь".

Мы нарочно приводим эту характеристику русского солдата, сделанную тем же человеком, на свидетельстве которого о симуляциях, мы ссылаемся. Мы видим таким образом, что это явление - не редкое исключение. Оно есть следствие - мучительности той драмы, которую приходится переживать человеку в бою и которую не всякий боец в состоянии перенести.

Уклонившиеся от боя под различными благовидными и неблагоприятными предложениями вовсе не составляют такое редкое явление - что об нем можно было бы умалчивать в военно-исторических исследованиях и не принимать во внимание в теории военного дела.

В воспоминаниях Девета мы встречаем следующие строчки:⁹²

"С нашей стороны в этом сражении⁹³ принимали участие, кроме 300 Гейльбронцев и 20 Кронштадтцев, еще 40-50 человек из Иоганнесбургской полиции под начальством капитана ван-Дам, которые подошли к месту сражения и храбро бились вместе с нами. Но из трехсот Гейльбронцев не все могли принять участие в сражении, так как многие оставались с лошадьми у подножия Горы, а некоторые, как в начале войны нередко случалось, оставались в защищенных местах и не желали оттуда уходить. Когда кончилось сражение я нарочно пересчитал своих людей и могу совершенно уверенно сказать, что нас, выигравших сражение, было не более двухсот людей. Наши потери были 4 убитых и 5 раненых".

Мы видим, следовательно, что хотя бур и представлял из себя идейного борца, защищавшего независимость горячо любимой им роди

92. "Воспоминание Хр. Девета: борьба буров с Англией". Перевод Е. Н. Половцевой, стр. 18.

93. У. Никольск.

ны - даже сравнительно незначительного напряжения опасности (что доказывается цифрами потерь) достаточно было, чтобы явилось довольно значительное количество уклонившихся. Но как велико бывает это число, когда опасность становится большой, можно заключить из примера, приведенного де Пиком в "Исследовании боя".

"Возьмем Ваграм, где его (Наполеона) масса не была отброшена; из 22.000 человек 3.000-1.500 дошли до позиции, одним словом дошли по назначению... Недостающие 19.000 выбыли из строя? нет: 7 из 22, одна треть (огромная пропорция) могли быть перебиты; 12.000 действительно не достает; что с ними случилось? они попадали, легли на пути, притворились мертвыми, чтобы не идти дальше"⁹⁴.

А ведь это были солдаты Наполеоновской армии, стяжавшей себе лавры, - той армии, слава которой прогремела по всему миру.

Когда инстинкт самосохранения начинает с силой говорить в душе бойцов, то слабые не выдерживают - и вот одиночные люди бегут - это трусы; но с увеличением напряжения опасности бегущих становится все больше и больше и наконец отрицательное стремление овладевает большинством.

Один из очевидцев атаки 14-ой дивизии с. Сандепу 13-го января 1905 г. - так описывает один из моментов этой атаки... "с холма стало заметно, что в дивизии появились отдельные люди, идущие назад; потом стали появляться отдельные группы и наконец на правом фланге отступление сделалось общим..."⁹⁵.

Уклонившиеся - это люди более слабые, - но пока храбрые еще держатся, войсковая часть или отряд еще живет. Этих храбрецов может быть немного, но благодаря им целое еще существует, а противник имеет дело с этим целым. Ему ведь не видно того, что происходит у другого. Бой с ним продолжается.

94. Де Пик, стр. 81.

95. Баженов. - Военный сборник N 4, - 1906 г., стр. 95.

Но может наступить минута, когда целое, т.е. вся войсковая часть отказывается от боя, когда она залегает и не в состоянии подняться или когда она отступает или даже панически бежит, когда даже те храбрые, которые долго противились инстинкту самосохранения, не выдержали внутренней борьбы и подчинились этому инстинкту. — тогда конец боя на лицо.

Вот характерный пример подобного конца боя.

Заемствуем из воспоминаний Девета про бой у Поплар-Грове.

"...Я вскочил на лошадь и поскакал во весь дух к позициям. И — о ужас!.. Какие горькие плоды несчастной сдачи Кронье пришлось мне собирать! Среди бюргеров распространилась паника. Англичане совсем еще не подошли так близко, чтобы нельзя было с успехом стрелять по ним и удержаться на позициях, а бюргеры уже пустились в дикое бегство, покидая великолепные укрепления. Не было сделано с их стороны даже ни малейшей попытки к удержанию позиций за собой. Это было бегство, подобного которому я не видел никогда, ни раньше, ни после. Несмотря на все наши усилия, ни я, ни мои офицеры не могли вернуть назад ни одного из бюргеров, убежавших в панике за повозками и орудиями. Я напряг все силы: загнал две лошади, на которых без отдыха скакал весь день взад и вперед, — и все напрасно"⁹⁶.

Это были те самые бюргеры, которые несколько дней спустя великолепно отстаивали позиции; по словам Девета, "их храбрость была достойна похвалы и, глядя на них, нельзя было поверить, чтобы это были те же самые бюргеры, которые в ужасе разбежались у Поплар-Грове"⁹⁷.

Вопрос об этом отказе от боя всей частью мы здесь не будем разбирать, т.к. это составляет одно из явлений коллективной психологии, о чем мы будем говорить в следующих главах. Укажем только здесь, что это явление в бою не редкое.

96. "Воспоминания Хр. Девета", стр. 68, 69.

97. "Воспоминания Хр. Девета", стр. 68, 69.

Таким образом, влияние отрицательного мотива в драме боя может привести к двум следствиям:

- 1) сначала к **отказу от боя отдельных лиц** (слабых).
- 2) к **отказу от боя всей части**.

Приводя выше выдержку из писем доктора Боткина, мы упомянули об его замечании, что о симулянтах скрывали и умалчивали. Эта заметка рисует обыденное отношение ко всем явлениям изучаемой нами категории: об уклонившихся, бежавших, паниках умалчивают, их стараются скрыть; а между тем от правды может только выиграть дело.

Силы человека ограничены; человеку присущи многие слабости. Но, ведь, в бою действуют люди со свойственными их природе слабостями. Для того, чтобы использовать все силы человека, нужно знать его свойства, как бойца, положительные, так в особенности и отрицательные. Нечего закрывать глаза на существующее. Все великие полководцы боролись с этими отрицательными проявлениями деятельности человека в бою, а для того, чтобы бороться со злом, нужно знать, в чем оно заключается. Пора бросить замазывание и скрывание, ведь это не поможет, — наоборот, повредит. Нужно, чтобы наука смелой и беспристрастной рукой сняла покров со всех явлений боя. Чтобы она показала нам бойца со всеми его слабыми, низкими сторонами его животной природы: что же делать. Это нужно прежде всего и для самой практики. Для того, чтобы знать орудие, в особенности когда это орудие крайне сложно, нужно познакомиться прежде всего со свойствами его.

Все военначальники, которым сопутствовала в боях победа, отлично знали слабые стороны солдата. Многие из них были не очень высокого мнения о храбрости обыденного человека.

"Из всех животных самое трусливое человек", пишет князь де-Линь⁹⁸.

Между тем знание действительности боя даст человеку возможность быть заранее подготовленным и принять меры для возможного парализования всех отрицательных явлений; ведь в этом-то и есть

98. Prince de Ligne. "Prejuges militaires", изд. 1895 г., стр. 87.

настоящее управление боем. Японцы открывали огонь по своим, когда атакующие части поворачивали назад; они расстреливали своих.

Чтобы получить жизненную картину, как сильно говорит в человеке инстинкт самосохранения и какое он вызывает сильное стремление человека уклониться от боя, — обратимся к военной истории.

**Пример:
бой
Скобелевского
отряда
30-го и 31-го
августа
1877 г. на
Зеленых
Горах.**

Бой Скобелевского отряда 30-го и 31-го августа представляет рельефный и в высшей степени интересный военно-исторический пример. На отряд генерала Скобелева возложена была исключительно трудная задача: произвести лобовой штурм укреплений Турецкой позиции, а именно редутов Кованлек и Исса-ага (Чертеж № 4. См. приложения). Сила и действительность огня тогдашнего оружия сама по себе уже предъявляла большие требования к нравственной упругости

войск, идущих на дневной штурм. Но эта атака затруднялась еще тем обстоятельством, что она представляла наступление как бы в мешок: с правого фланга она угрожалась турецкими траншеями на правом берегу Тученицкого оврага, с левой — группой Кришинских редутов.

Можно смело сказать, что это была одна из самых трудных наступательных операций, когда-либо предъявленных войскам.

Мы не будем здесь останавливаться на описании внешних форм боя; наше внимание будет обращено только на вопрос, интересующий нас, об уклонении от боя.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия обстановки, задача, предъявленная колонне генерала Скобелева, была выполнена.

В 4^{1/2} часа дня 30-го августа редут Кованлек был взят у турок, а в 6 часов того же дня был занят и другой редут Исса-ага.

Взятие этих редутов наносило страшный удар армии Османа-паша, так как эти редуты представляли стратегический ключ позиции турок (со взятием этих редутов единственный путь отступления Османа был под угрозой). Вполне понятно, что турки напрягали все свои силы, чтобы вырвать обратно эти редуты. Но отряд генерала Скобелева всю ночь с 30-го по 31-е августа продолжает героически держать захваченный им участок турецкой позиции.

Вследствие того, что в течение 31-го августа на всех прочих участках позиции Русские войска находились в полном бездействии, Осман-паша имел возможность напрячь все свои силы для того, чтобы вырвать обратно "Скобелевские" редуты. В течение 31-го августа турки производят пять энергичных атак. Совершенно не поддержанный остальными войсками, когда около 5 час. дня 31-го августа турки взяли обратно редут № 1 (Кованлек), генерал Скобелев приказал отступить.

Свой рапорт от 3-го сентября 1877 года начальнику Западного отряда армии, в котором генерал Скобелев излагает бой своего отряда 30-го и 31-го августа, он кончает следующими словами:

"В бою 30-го и 31-го августа вверенные мне войска блистательно еще раз доказали присущую нашей армии храбрость и непоколебимую стойкость".

"Господа офицеры и солдаты, воодушевленные присутствием на поле сражения своего Государя, сделали все, что от них зависело, чтобы вырвать у неприятеля победу".

"Сами турки, по иностранным телеграммам, сознаются, что направили 31-го числа против вверенных мне храбрых войск все свои резервы, и что нас удалось сбросить только после пяти неудачных атак".

"Вечная память павшим в неравном бою. Оставшиеся в живых вынесли сознание, что поддержали славу своих знамен".

Какое тяжелое испытание должны были выдержать войска генерала Скобелева, красноречиво показывают цифры потерь (Таблица, см. стр. 71) (здесь мы считаем также и войска генерала князя Имеретинского, отряд которого составлял резерв генерала Скобелева); мы перечисляем только пехоту.

Эта таблица сама говорит за себя. Сухими цифрами она свидетельствует о тех потоках крови, которые были пролиты на Зеленых Горах. Генерал Скобелев имел полное право сказать в своем донесении "что вверенными ему геройскими войсками были введены в дело все средства и употреблена вся присущая им энергия для достижения общего успеха".

Посмотрим, что делалось в тылу.

Упомянем только, что к 4^{1/2} часам дня, ко времени взятия редута Кованлек, в боевую часть введены были:

61-й Владимирский полк	3 батальона
62-й Суздальский полк	3 " "
6-й Либавский полк	3 " "
7-й Ревельский полк	3 " "
3-я Стрелковая бригада	4 " "

Итого: 16 батальонов.

Оставались в тылу:

8-й Эстляндский полк	3 батальона
5-й Калужский полк (очень слабого состава)	3 " "

Таблица потерь, понесенных пехотными частями отряда генерала Скобелева (и отряда князя Имеретинского) 30-го и 31-го августа 1877 года.

Название части.	В ы б ы л и и з с т р о я ⁹⁹ убитыми и ранеными				
	Командир части*).	Офицеры**).	Нижние чины.	% потерь	
				Офицеров	Ниж. чин.
2-я пех. дивизия.					
6-й Либавский	ранен	12	594	46	35
7-й Ревельский	ранен	14	861	59	51
8-й Эстляндский	контуз.	17	1.395	56	65
1-я бригада 16-й пех. дивизии	Команд. бригады убит.				
61-й Владимирский		36	1.073	56	49
62-й Суздальский	ранен	23	885	47	44
3-я Стрелковая бригада	Команд. бригады убит.				
9-й Стрелковый б.	убит	6	289	54	42
10-й "	контуз.	6	182		
11-й " "	ранен	2	175		
12-й " "	контуз.	8	121		

*) кроме одного все выбыли из строя

***) выбыли из строя почти все ротные командиры

Примечания:

1) 2-я пех. дивизия и 3-я Стрелковая бригада вели бой по Плевной 26, 27, 28 и 29 августа, а также участвовали 22-го августа в бою под Ловчей, где понесли довольно значительные потери;

2) В этой таблице не упоминается Калужский полк, так как он непосредственное участие в атаке не принимал.

⁹⁹ Цифры потерь взяты из "Истории войны" т. V, стр. 255, и из сочинения А. Н. Куропаткина "Ловча и Плевна", ч. II, стр. 519, 520, 527.

"Главной, неотложной задачей генерала князя Имеретинского" (начальника отряда, который должен был поддерживать отряд генерала Скобелева, - отряда фактически представлявшего резерв генерала Скобелева) "и его штаба были сбор и формирование в команды отступивших в тыл чинов Суздальского, Владимирского, Ревельского и Либавского полков и 3-й стрелковой бригады". "Сбор, формирование и отправка на передовую позицию к Скобелеву продолжались с 3-х часов пополудни 30-го по 5 часов пополудни 31-го августа"¹⁰⁰, т.е. с начала движения с 3-го гребня Зеленых Гор на штурм редутов и до конца боя.

"Значительной части отступивших достаточно было отдохнуть несколько часов и подкрепиться пищей, чтобы быть вполне годными к дальнейшему бою. Из Боготского лога, где были расположены кухни всего отряда и готовилась пища, многие из отдохнувших, не дожидая призыва, сами направлялись на передовую позицию. Это были наилучшие. Затем массу собирали, стоили, поручали офицеру, а за неимением унтер-офицеру, и отсылали вперед командами... провожатыми были иногда казаки из конвоя князя Имеретинского. Наконец, желая излагать беспристрастно картину боя, не умолчим и о тех нескольких сотнях нижних чинов, которые лежали, притаившись в различных ямках, рвах, и ушли далеко в тыл с целью уклониться от опасности и дальнейшего боя. Это были подонки отряда. Между ними находились настолько потерявшиеся люди, что ночью с тыла стреляли в воздух, тревожили всех, а может, и причинили потери"¹⁰¹.

Обратимся теперь к воспоминаниям генерала Паренсова¹⁰² (бывшего начальником штаба князя Имеретинского) - принимавшего деятельное участие в сборе уклонившихся от боя. Эта выдержка так интересна, что мы приведем ее почти целиком.

100. Куропаткин. "Ловча и Плевна", ч. II, стр. 490.

101. Куропаткин. "Ловча и Плевна", ч. II, стр. 490.

102. П. Паренсов. "Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального Штаба", ч. II, стр. 281-288.

"Под вечер, до наступления приближавшихся уже сумерек, князь Имеретинский поехал к Скобелеву. Стреляли спереди, стреляли слева, стреляли и справа из-за Тученицкого оврага, где атака нашего центра давно прекратилась, и турки, освободясь, получили возможность обратить огонь против Скобелева. Здесь я увидел скачущего нам навстречу, на быстром, но небольшом коне, Алексея Николаевича Куропаткина. "Куда, что?" - спрашиваю я. "Да надо собрать людей, не поможете ли". Понятно, что помогу; и я этим занялся".

"Собирая отсталых, рассыпанных на всем северном склоне третьего гребня и внизу его у Зеленогорского оврага, я наталкивался на чрезвычайно интересные картинки. Надо себе представить: довольно крутой скат, местами кусты, местами большие, отдельные деревья, а иногда и группы деревьев; наступающие сумерки, не то дым - не то туман, но еще видно, только все серо. И вот у дерева собралась кучка: кто стоит, прислонившись к дереву, кто сидит, а кто и лежит. По временам вспыхивает папироска. Подъехав совсем близко, различаю уже воротники: есть красные, синие, белые... При появлении начальства - все лежачее и сидячее встает, но встает не особенно быстро: нет этого мирного вскакивания. Прислонившиеся к дереву выпрямляются. "Что вы тут, братцы?" - "Заморились, ваше высокоблагородие". "Да уж, я думаю, отдохнули". Слышится довольно дружное: "точно так". Затем несколько слов с моей стороны, что нельзя же так ничего не делать, когда там, впереди - свои... и, наконец, вопрос: "а кто из вас тут старший?". Оглядываются, переглядываются и отвечают: "Да мы разные, разных полков". Но в это время этого разговора я успел разглядеть одного унтер-офицера, имевшего молодцеватый и даже веселый вид: "вот ты и будь за старшего". ... Слышится совсем уже энергичный ответ: "слушаю, ваше высокоблагородие". И вот эта кучка сама строится и идет быстро вперед".

"Другая сцена: несут раненого, несут четыре, шесть, а кругом хлопочут 20. Опять повторяется то же, и опять идет команда в бой".

"Чудное, бесподобное создание наш солдат, и все, что я скажу выше об отсталых и кучках, - не упрек. Человек в бою звереет, но, выйдя из пекла, зверь исчезает, человек возвращается к своему

настоящему образу. нервы начинают действовать и является то, что французы называют *la detente des nerfs*. Надо еще прибавить, что эти люди не ели, не спали, утомились физически, истомились нравственно и все же, по первому призыву — пошли. Можно, пожалуй, возразить, что и у начальников нервы; я думаю, что нервы нервам рознь. Начальник и вне пекла озабочен: распоряжается, приказывает, одним словом, занят, а затем у начальника, кроме всех общих и солдату свойств: долг, товарищество, самолюбие... есть еще: более широкая ответственность, честолюбие, надежда отличиться, выделиться — слава, начальник у всех на глазах, а тут? Что может быть тут из этих последних помянутых мною свойств, когда и смерть — то предстоит безвестная, когда и священник, отпевая сложенные в общую братскую могилу тела, возглашает: "имена их же, Господи, Ты веси".

"Так как большое количество людей ушло от редутов назад и многие бесцельно шатались по Зеленым Горам, князем, по возвращении его на второй гребень, были приняты меры для сбора отсталых, а также для того, чтобы не пропускать людей здоровых, идущих назад без дела. Был прямо устроен кордон, главное заведование которым возложили на начальника штаба 2-й дивизии, полковника Шестакова, собиравшего отсталых в команды и отправлявшего их вперед. Некоторые начальники частей, бывших впереди, по сколько им возможно было отлучиться, сами собирали отсталых своих полков. Майор Горталов, по своему почину, взял на себя собирать отсталых Владимирцев, толпившихся на скатах Зеленогорского оврага и в самом овраге; мера эта была безусловно полезна, так как люди охотнее слушались своего полкового начальства".

"Благодаря всем мерам по сбору отсталых, в 6-м часу вечера к генералу Скобелеву прибыли первые организованные подкрепления из семи сборных рот¹⁰², под начальством Суздальского полка подполковника Мосцегова (командир полка Длотовский был ранен), состоя-

102. Три сборные роты Либавцев, две сборные роты Суздальцев, сборная рота 12-го стрелкового батальона, сотня нижних чинов Ревельского полка.

щих из Суздальцев, Либавцев и Ревельцев, а вслед за ними прибыли 2^{1/2} роты, преимущественно Владимирцев, с майором Горталовым во главе".

Колонна подполковника Мосцегова была направлена генералом Скобелевым на штурм редута Исса-ага с юга, и в то же время команда в несколько сот человек бросилась из редута N 1-го на штурм, вдоль соединительной траншеи. Турки были до того потрясены всем предыдущим боем, в особенности потерей редута N 1-го, до того были надорваны нравственно, что не выдержали атаки всего каких-нибудь 10-ти сборных рот и после некоторого сопротивления, около 6-ти часов, были выбиты и бежали в г. Плевну.

Бывший начальник штаба ген. Скобелева и ближайший его помощник в этом бою утверждает, что "приведенные Горталовым Владимирцы, равно как приведенные подполковником Мосцеговым Суздальцы составили ядро обороны, около которого группировались за весь последующий бой команды остальных частей"¹⁰³.

В течение ночи генерал Скобелев при помощи лиц своего штаба и казаков конвоя собирал уклонившихся от боя нижних чинов различных частей. После 2-х часов усилий было набрано 600 человек нижних чинов при нескольких офицерах. Все вновь прибывшие становились в общий ранжир, неразбирая полков; из них формировались взводы и роты. С доведением силы сборного батальона до 1.000 человек явилась возможность сгруппировать нижних чинов по полкам, при чем нижние чины 3-й Стрелковой бригады составили отдельную сильного состава роту¹⁰⁴.

Князь Имеретинский тоже всю ночь собирал уклонившихся и утром 31-го августа прислал еще 1 сборный батальон, состоявший из людей разных частей, собранных ночью¹⁰⁵.

"Только благодаря сбору этих команд, пишет бывший начальник

103. "Ловча и Плевна". Генерала Куропаткина, ч. II, стр. 472. Курсив: автора.

104. Куропаткин, 487.

105. Паренсов, 321.

штаба Скобелева, и можно было продолжать бой 31-го августа на отбитых у турок позициях".

И вот, обращаясь к детальным описаниям боя генерала Куропаткина и генерала Паренсова - мы обращаем внимание на следующее:

В течение вечера 30-го августа генерал князь Имеретинский посылает генералу Скобелеву батальоны Эстляндского полка (3).

В описании дальнейшего боя мы встречаем упоминание об Эстляндском полку, остальные же полки участвовавшие в дневном бою 30-го августа, Владимирский, Суздальский, Ревельский, Либавский, 3-я Стрелковая бригада (Чертеж N 7 и N 8. См. приложения) представляются на поле сражения сборными ротами и командами. Мы приводим в доказательство чертежи расположения войск; чертеж N 7, показывает расположение войск в ночь с 30-го на 31-е августа, чертеж N 8, показывает расположение войск на рассвете 31-го августа. Мы встречаем на них указания на батальоны и роты Эстляндского полка, все же остальное это сборные батальоны, роты и команды.

Мы можем видеть отсюда, что покрывшие себя заслуженной боевой славой Владимирский, Суздальский, Ревельский и Либавский полки и 3-я Стрелковая бригада в полном смысле слова таяли. Они растаяли бы совершенно, если не та работа, которая кипела в тылу по сбору уклонившихся.

Бой 30-го и 31-го августа на Зеленых Горах представляет глубокий психологический интерес и в исследовании своем мы будем неоднократно к нему возвращаться.

Мы видели из описания его, как сильно в обыкновенном человеке стремление уклониться от опасности. Мы видели, как тают целые полки, и как раз в том бою, которым справедливо гордится Русская армия. Действия Скобелевского отряда 30-го и 31-го августа на Зеленых Горах составляет одну из самых славных страниц нашей военной истории. Тем более доказательным и рельефным примером служит этот бой для изучаемого нами вопроса, что этот бой представляет удивительный пример того крайнего напряжения нравственных сил

106. Куропаткин, 490.

бойца, на которое он способен когда им управляют выдающиеся военачальники и герои. Во главе отряда стоит такой начальник, как Скобелев, а в ряду частных начальников такие, как майор Горталов - навеки обессмертившие свое имя в Русской армии. Это были герои, перед которыми должно преклоняться; это были те немногие люди, которые имеют силу преодолеть чувство личного страха. Желание победы было в них настолько сильно, что мы видим пример, который составляет одну из самых славных страниц не только нашей родной военной истории, но военной истории всего мира.

"В 4^{1/2} часа пополудни 31-го августа, пишет в своем рапорте генерал Скобелев¹⁰⁷, турки двинулись в атаку несколькими линиями густых колонн; часть их направлялась в редут N 2, часть шла логом против редута N 1-й".

"Встреченные нашим огнем турки, не останавливаясь, продолжали движение вперед".

"Их колонны от огня развернулись и частью пришли в расстройство, но новые массы увлекали за собой впереди идущие и успех турок все становился очевиднее. Скоро более робкие из редута N 1 стали уходить вниз. За ними повалила масса из редута N 1 и только храбрейшие дождались появления турок в самом редуте и погибли в неравной рукопашной борьбе".

"Между этими последними пал и герой этих тяжелых дней - майор Горталов, изрубленный неприятелем".

Таким образом Горталов предпочел смерть поражению.

И вот с такими начальниками во главе в течение 32 часов идет бой. Бой тяжелый. Мера ужаса, которую способен перенести человек, превзойдена и он уходит из боя, уходит тысячами. Но герои остались на местах и отряд живет. Уклонившиеся от боя, придя в себя и возвратившись, видя геройство начальников, находят в себе мужество вновь вступить в бой.

Повторяем бой 30-го и 31-го августа редкий пример стойкости

107. Рапорт от 3-го сентября начальнику Западного отряда армии.

войск; но посмотрев, что делалось в тылу, мы видели, какими трудами давалось это геройство. Мы видели, как тяжело дается бойцу драма боя.

Психическое состояние человека в бою - это борьба двух противоположных стремлений ("победить" и "уклониться от опасности").

В настоящей главе мы рассматриваем психологию бойца с точки зрения борьбы двух стремлений - положительного стремления "победить врага" и отрицательного "избежать опасности". Эти два стремления можно назвать основными, так как, несмотря на всю чрезвычайную сложность драмы, переживаемой каждым бойцом - все мотивы деятельности человека в бою в конце концов и сводятся к этим двум основным. Вполне понятно, что каждое свойство бойца, даже самое незначительное, отражается на ходе драмы боя, благодаря чему эта драма переживается каждым бойцом по своему; но, несмотря на все многообразие, можно установить, что:

Психическое состояние человека в бою - это борьба двух противоположных стремлений.

Мы усиленно старались выяснить, насколько напряжение этой борьбы велико, насколько она затвывает все существо бойца, а главное - что она может закончиться отказом от боя.

Положительное стремление бойца "победить" вытекает из неизменной основной идеи боя, отрицательное же стремление бойца есть следствие инстинкта самосохранения, вечного свойства человеческой природы; в силу этого драма боя составляет неизменную, вечную часть боя. Ее мы найдем как в бою глубокой древности; ее мы найдем в боях настоящего времени; ее мы найдем и в боях далекого будущего.

Вполне понятно, что вся деятельность человека в бою должна рассматриваться в зависимости от этой драмы.

Роль внимания в этой борьбе: ограниченность внимания, деятельность человека определяется объектом, на который направлено внимание, значение отвлечения внимания, значение внезапности впечатления.

Но борьбу этих двух стремлений нельзя рассматривать, как борьбу механических сил. "Одним из характернейших свойств нашей духовной жизни является тот факт, что, находясь под наплывом все новых и новых впечатлений, проникающих в область наших чувств, мы замечаем лишь ничтожную часть их. Только часть полного итога наших впечатлений входит в наш, так называемый, сознательный опыт, который можно уподобить ручейку, протекающему по широкому дугу цветов"¹⁰⁸.

Область сознаваемого крайне ограничена - если сопоставить ее с обширной областью внешних воздействий на наши органы чувств и с массой постоянно вытекающих из нее впечатлений.

В сознание попадает только то, на что устремлено наше внимание¹⁰⁹.

Это свойство человека крайне существенно, так как благодаря ему, пока внимание человека направлено на какой-нибудь объект, воздействие прочих внешних факторов им не замечается, т.е. эти факторы для сознания человека как будто бы не существуют. Поэтому, если один из положительных мотивов завладеет сознанием бойца с достаточной силой - влияние инстинкта самосохранения может быть временно парализовано.

Отсюда видно - какое огромное положительное значение имеет

¹⁰⁸. Джемс. "Психология". Перевод И. И. Лапшина. Стр. 180, 5-е издание.

¹⁰⁹. Физиологически это объясняется так: никакое впечатление не может попасть в область сознательного опыта, если ему не удастся проникнуть по известному пути в мозговые полушария и вызвать там определенные физиологические процессы. Когда центростремительный ток проник в полушария и производит там известные действия, другие токи оказываются на время задержанными. Они могут как бы заглядывать из-за дверцы в область сознания, но впечатление, завладевшее в данную минуту последним, вытесняет их обратно. Таким образом, физиологически ограниченность сознания зависит, по-видимому, от того, что деятельность полушарий стремится постоянно быть объединенным и неразрывным актом, связанным то с одним, то с другим током, но всегда представляющим одно целое (Джемс, стр. 181, изд. 5).

для человека в бою **все, что отвлекает его внимание** от опасности, и обратно - какое огромное отрицательное значение имеет все что приковывает его внимание к инстинкту самосохранения.

Следствием ограниченности нашего сознания является то, что наши действия определяются тем объектом, на который направлено наше внимание¹¹⁰.

Поэтому драма боя так же как и вся драма нашей волевой жизни всецело зависит от едва заметного перевеса внимания, сообщаемого одной из борющихся за преобладание идей¹¹¹.

110. "Интерес объекта - вот главное условие, от которого зависит его способность вызывать или задерживать наши действия. В составе понятия "интересное" входит не только приятное и неприятное, но и болезненно-привлекательное, и неотвязчиво преследующее, и даже просто привычное, поскольку различные стороны последнего составляют попеременно объект нашего внимания: "то что интересует нас", и "то, на что направлено наше внимание", в сущности синонимы. Импульсивность идеи, по-видимому, заключается не в известности рода связи ее с путями моторного разряда (ибо все идеи находятся в том или другом отношении к некоторым путям моторного разряда), но скорее в некотором явлении, предваряющем действие, именно, в стремительности, с которою она способна привлечь наше внимание и сделаться господствующей в области нашего сознания. Как только она сделалась господствующей, как только другие идеи оказались не в состоянии занять ее место, связанные с нею по природе движения немедленно выполняются, иначе говоря, двигательный импульс необходимо следует за нею... И в инстинкте, и в эмоции, и в обыкновенном идеомоторном действии, и при гипнотическом внушении, и при болезненных импульсах, и при voluntas invita, импульс к движению сообщает просто та идея, которая в данную минуту овладела нашим вниманием. То-же самое наблюдается и в том случае, когда, стимулами к действию являются наслаждение и страдание: вызывая свойственные им "волевые действия", они в то-же время вытесняют из области сознания другие объекты мысли. То-же бывает и при возникновении в нашем сознании окончательного решения во всех случаях решимости. Короче говоря, нельзя указать такой случай, где господствующий в нашем сознании элемент мысли не являлся бы в то же время главным условием, от которого зависит проявление импульсивной силы. Еще очевиднее, что он является главным условием и для проявления задерживающей силы. Простое представление мотивов, неблагоприятствующих данному импульсу, уже задерживает последний; они налагают на известные поступки свое veto и тем делают невозможными действия, весьма привлекательные при других условиях. Какую бодрость и энергию почувствовали бы мы, если бы могли выкинуть из головы на некоторое время наши колебания, сомнения и опасения!". (Джемс, стр. 389, изд. 5).

111. Джемс, стр. 199, изд. 5

Драма боя не легко дается бойцу. В душе бойца долго происходит борьба, человек долго колеблется. Это состояние колебания в рассеянии внимания бойца. Боец находится в состоянии как бы прострации - в волевом же отношении переживает нерешительность. Конечно существуют различные степени подобного состояния¹¹².

Внимание может быть двух видов:

- 1) когда оно не сопряжено ни с каким внутренним усилием - т.е. рефлекторное или произвольное;
- 2) когда оно вызывается внутренним усилием бойца - т.е. произвольное.

Поводом для произвольного внимания бывает какое-либо чувственное впечатление очень сильное, большое и внезапное; либо таким поводом является инстинктивный стимул (побуждение) или восприятие, которое скорее по своей природе, чем по силе, воздействует на какое-нибудь приращенное нам стремление и в силу этого приобретает непосредственную привлекательность¹¹³. Вполне понятно, что все явления, которые служат мотивами для отрицательного стремления человека в бою, обладают последним свойством, так как

112. Считаю не безынтересным привести описание "рассеянного внимания" из психологии Джемса (стр. 181).

"Глаза бесцельно устремлены в пространство; окружающие звуки и шумы смешиваются в одно целое; внимание до того рассеяно, что все тело воспринимается сразу как бы одно целое" и "передний план" сознания занят каким-то торжественным чувством необходимости заполнить чем-нибудь пустоту времени. На гусклом фоне сознания чувствуется тем временем полное недоумение: мы не знаем, что нужно делать: вставать ли, одеваться ли, написать ли ответ лицу, с которым мы имели недавно разговор; вообще, мы стараемся сообщить движение нашей мысли, но в то же время чувствуем, что не можем сдвинуться с места: наша pensee de derriere la tete не в силах прорвать летаргическую оболочку, окутавшую нашу личность".

Это и есть крайний предел того, что мы называем рассеянным вниманием. Между этой крайностью и чрезвычайным напряжением внимания, когда человек настолько поглощается интересом минуты, что не ощущает даже сильной физической боли, - существует длинный ряд промежуточных ступеней.

Пример рассеяния внимания бойцов мы увидим дальше в описании атаки Новгородской сотни подполковника Селивачева. См. стр. 84 и 85.

113. Джемс, стр. 187, изд. 5.

воздействует на сильнейший из инстинктов, присущих человеческой природе. Поэтому для того, чтобы бороться с отрицательным стремлением, положительные мотивы должны быть очень сильны.

Психология учит нас, что для того, чтобы ощущение было для нас заметно, то есть могло бы привлечь наше внимание – оно должно представлять некоторый контраст с предшествовавшим. Говоря словами Гейдингга: "возникновение всякого ощущения предполагает не только определенный промежуток времени между данным и предшествующим раздражением в нервной системе, но и некоторую противоположность между ними". Нервный процесс не может совершаться при состоянии равновесия, но вызывается только внезапными изменениями нерва, протекающим с известной быстротой¹¹⁴. В силу этого общего закона всякое впечатление для нас тем сильнее – чем оно внезапнее, поэтому внимание наиболее сильно привлекается неожиданным, внезапным.

Неожиданность помогает впечатлению овладеть вниманием бойца – а следовательно, и определить исход переживаемой бойцом внутренней борьбы.

Отсюда очевидно, какое огромное значение имеет в бою внезапность.

Значение воли. Впечатление опасности порождает в бойце, как мы старались выяснить в настоящей главе, стремление отказаться от боя. Впечатление опасности, с увеличением ее, все с большей и большей силой старается проникнуть в сознание бойца и овладеть его вниманием. Если победа будет на стороне этих отрицательных для бойца впечатлений и они овладеют сознанием бойца – то боец подчинится отрицательному стремлению. Подобное овладение сознанием бойца представляет то, что мы назвали произвольным вниманием. Борьба бойца с этими отрицательными впечатлениями будет заключаться в том, чтобы внутренним

114. Воронежский. "Исследование основных условий боевых действий войск". Военный сборник N 2, 1906 г., стр. 85.

усилием удержать в своем сознании господство идеи победить противника, т.е. боец должен стараться произвольно направить свое внимание – вопреки впечатлениям, со страшной силой ломающихся в область его сознания.

Если мы обратимся к психологии, то увидим – что:

*Воля есть произвольное внимание*¹¹⁵.

*Весь подвиг волевого усилия заключается в том, чтобы вынудить у нас согласие на господство известной идеи в области нашего сознания*¹¹⁶.

Отсюда понятно, какое огромное значение имеет воля для деятельности человека в бою и отчего непременным свойством героя является не столько ум, сколько воля.

Уменьшение рассудочности бойца.

Рассматривая выше, на стр. 53, вопрос, как инстинкт самосохранения должен отражаться на деятельности человека, мы указали, что чувство страха вызывает уменьшение рассудочности.

Постараемся проследить теперь, как отражается это уменьшение рассудочности человека на деятельности его в бою. Сражающийся человек состоит из мяса и костей, говорит де Пик: у него есть тело и душа и как ни сильна эта душа, часто она не может подчинить себе тело до такой степени, чтобы плоть не восставала и не смущалась бы дух перед грозящим разрушением. Этот смущенный дух человека, его затуманенный рассудок, служат причиной, почему деятельность военачальника самая трудная из всех деятельностей человека. К несчастью, не смотря на то, что нельзя сказать, чтобы человечество было бы скупо на ту деятельность, которая дает материал для военной литературы – мы очень мало знаем о тех внутренних процессах и явлениях, которые происходят в душе человека под влиянием опасности.

"Нам кажется, что невнимание психологов к тем явлениям, которые происходят в душе человека под пулями и гранатами, или при

115. Джемс, стр. 390-396.

116. Джемс, стр. 393, курсив автора.

разрешении таких вопросов, какие пришлось решать, например Наполеону под Маренго или под Ватерлоо, лишало их по сегодняшнее время самых драгоценных фактов для изучения духовной деятельности человеческого организма. Могут заметить: почему же не занимались этим сами военные? По весьма простой причине: одни – по странному предубеждению, будто человек на войне должен быть не человеком, а героем, и что, следовательно, должно скрывать перед непосвященными те муки сомнений, колебаний, борьбы с инстинктом самосохранения, через которые неминуемо проходит в деле всякий военный; другие – потому, что, позируя перед обыкновенными смертными в роли Юпитеровых громовержцев, тшились и в своих сочинениях не представить работу своего ума и воли так, как она действительно происходила, хлопотали об одном только: о том, чтобы скрыть процесс этой работы; такими, например были Цезарь, Наполеон; читавшие сочинения их без труда убедятся в верности этого положения: подобные люди никогда не ошибаются; никогда не мучимы сомнениями; неудачам их виновато все, что угодно – небо, вода, земля, но никогда не они сами; третьи, наконец, и таких масса – не занимались тем, что происходит в душе человека во время боя, по той простой причине, что и сами-то едва помнят и сознают, что и как с ними происходило¹¹⁷.

Приведем одно из этих редких и откровенных самонаблюдений. Сделаны они человеком, который в описываемом им деле доказал свою безусловную храбрость, ведя свой батальон 3-го октября 1904 г. для атаки Новгородской (Путиловской) сопки.

"Заняв берег р. Шахе и дер. Сахоян¹¹⁸, части отряда начали подготавливать атаку ружейным огнем..."

"Люди полка заняли берег р. Шахе; большая часть офицеров была уже переранена; надо было перейти (Чертеж N 3, см. приложе-

117. Драгомиров. Разбор "Войны и Мира", стр. 5.

118. Это описание относится ко второй перебежке частей 22-й пех. дивизии от д. Сахоян до северного обрыва сопки (южный берег р. Шахе). О первой перебежке до д. Сахоян мы рассмотрели выше на стр. 54.

ния) на японский берег реки и укрепиться там засветло, ибо ночью легко было сбить направление. Я перебежал к людям и, крикнув "за мной", вошел в реку. Ясного отчета себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела – так сильно били по воде пули; по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди – неизвестно, быть может, и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведенных людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но, видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешел реку снова, перевел еще часть людей и вернулся за остальными¹¹⁹.

Описание подполковника Селивачева говорит само за себя.

Мы выделили только курсивом те выражения, которые подтверждают сделанный нами выше вывод. Подполковник Селивачев пишет, что он не сознавал, а чувствовал. Характерно тоже, насколько велико было рассеяно внимание нижних чинов; подполковнику Селивачеву пришлось дважды возвращаться обратно для того, чтобы перевести людей на другой берег р. Шахе.

Уменьшенную рассудочность бойца под влиянием впечатления опасности, мы можем проследить на одном свойстве стрелка, замеченном уже сотни лет и подтверждающемся в каждом бою.

Стрелок, пишет де Пик, инстинктивно спешит сделать выстрел, который может задержать пулю, предназначенную ему. И если огонь кивой, то это смутное рассуждение, хотя и не сформулированное в уме солдата, господствует со всей силой, всем могуществом инстинкта самосохранения, даже над храбрейшими и самыми твердыми солдатами, которые тогда стреляют зря; и большинство стреляют неупирая ружья в плечо¹²⁰.

Это свойство стрелка в бою остается неизменным во все времена.

119. Селивачев. "Петровцы на Путиловских сопках", стр. 21.

120. Де Пик. "Исследование боя в деревне и новейшие времена". Перевод Пузыревского. Изд. 2, стр. 106.

Вот, что пишет один из ротных командиров участник Русско-Японской войны.

"Управление в бою огнем - дело трудное. Люди стремятся сейчас же открыть огонь, как залягут, даже не дожидаясь приказа стрелять, указания цели, прицела, рода огня".

"Остановить такой огонь трудно, если люди не были основательно подтянуты раньше".

"Чем сильнее огонь противника и чем противник ближе, тем управлять огнем труднее, особенно при обороне. Настроение людей становится тревожнее, напряжение сильнее, опасность кажется ближе и словно растет с приближением противника".

"В силу всех этих причин так трудно в бою держать в руках управление огнем и вести выдержанную, обдуманную стрельбу".

"Ночью же все эти трудности еще больше возрастают - настроение у всех ночью особенно нервно; темнота, не видно ни неприятеля, ни своих, голоса не слышно, идешь вдоль цепи, спотыкаешься, падаешь, а бесполовая стрельба гремит без удержу, разливается по всему фронту; оттуда, со стороны неприятеля, начинают также ожесточенно палить, и в темноте ночи гремит оглушительная трескотня выстрелов иногда часами. Такую стрельбу остановить особенно трудно. Только что на одном фланге заставишь замолчать и пойдешь на другой, как уже на оставленном фланге опять трескотня".

"Спрашиваешь, кто стрелял? Слышали мое приказание не стрелять? Начинают оправдываться: - Это не у нас стреляли, во 2-м взводе. И тут-же кто-нибудь выстрелит. Можно подумать, что стреляют положительно произвольно"¹²¹.

Насколько рассудочность бойца, уменьшается свидетельствует один характерный факт: в эпоху когда ружья заряжались с дула, значительное число из ружей, подобранных после боя на поле сражения, оказывались заряженными по несколько раз.

Этим поколебленным нравственным состоянием бойцов объясняет-

¹²¹. Соловьев. "Указание опыта текущей войны на боевые действия пехоты; впечатления ротного командира", стр. 9, 10, 11.

ся огромная разница между стрельбой в бою и в мирное время на полигоне.

Кто не был поражен тем незначительным числом убитых и раненых по сравнению с огромными цифрами израсходованных в том же бою патронов и снарядов¹²².

Только что минувшая Русско-Японская война резко подтвердила страшное преимущество атаки над обороной, а между тем, принимая во внимание только материальные факторы боя, казалось бы верным совершенно обратное. Ведь оборона в материальном отношении имеет большие преимущества над атакующим, которому приходится наступать и, следовательно, подставляться под расстрел укрытого обороняющегося. Между тем наступление и при современной силе и развитии огня по совершенно открытому месту, при наличии некоторых условий, - оказывается возможным. Этими условиями являются психические факторы, а именно: когда неприятель нравственно потрясен и когда, как выше мы уже видели, даже совершенная машина становится почти бесполезной, так как лишается управляющего ею спокойного разума.

В приведенных примерах уменьшения рассудочности бойца необходимо оговорить, что известное влияние в этом направлении оказывают также и законы коллективной психологии, о чем мы будем говорить дальше. Но дело в том, что выбрать примеры, где влияние толпы было бы совершенно исключено, невозможно, так как бой уже с доисторических времен имеет дело с коллективным бойцом.

Уменьшение рассудочности бойца, являющееся следствием одностороннего ориентирования умственных способностей бойца на предметы страха, есть существенный элемент боя - который обыкновенно

¹²². Как пример расхода огнестрельных припасов в современных боях можно привести следующие цифры:

24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк израсходовал в боях у Ляндяня и Ляояна - 1.750.000 патронов, а в Мукденских боях 1.000.000 патронов;

3-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада израсходовала в бою у Ляндяня и Ляояна 17.500 патронов, а в Мукденских боях 10.500 патронов.

теорией военного искусства во внимание не принимается. Человек есть живое существо, инстинкт самосохранения которого господствует в известный момент над всеми остальными чувствами. Дисциплина и военное воспитание имеет целью побороть этот инстинкт. Но абсолютно достигнуть этого невозможно, можно достигнуть только известного предела, перейти который нельзя. Конечно нельзя отрицать тех блестящих примеров, когда преданность долгу и дисциплина вывели до величайшего самоотвержения; но если эти примеры блестящие, они тем не менее редки; если им удивляются, то это потому, что их считают исключением.

Определение того момента, когда человек теряет рассудок и когда мотивы его деятельности окончательно переносятся в область бессознательности (чувства, инстинкта) - составляет главную задачу науки исследующей бой.

Силу Римской тактики - составляло то, что человеческие свойства бойца были учтены.

Уменьшение рассудочности бойца ставит два неизменных условия.

1) **Крайнюю простоту всяких боевых действий** в сфере действительной опасности.

2) Все, чему обучается боец, должно быть им не только понято, а **настолько усвоено, чтобы превратиться в привычку**¹²³. Когда впечатления битвы затуманят разум бойца - привычка должна подсказать ему его действия. Следовательно, первое условие подготовки бойца это воспитание его, так как задачу воспитания и составляет "L'art de taire passer le conscient dans l'inconscient"¹²⁴.

123. Отсюда понятно, что военная подготовка, а следовательно, военное образование должны носить *прикладной характер*, так как именно прикладное обучение и содействует образованию привычек.

124. General Bonnal. "De la methode dans les Hautes Etudes militaires en Allemagne et en France", p. 35.

Мотивы деятельности человека в бою с увеличением опасности все больше и больше переносятся в область чувств и инстинктов.

Мотивы всякой деятельности человека лежат в области чувств и идей. Мы уже указывали в первой главе на главенствующее значение чувств в деятельности человека вообще. Обстановка же боя (опасность), как нам показало исследование, стремится уменьшить рассудочную способность бойца. Поэтому бой создает условия, в которых значение чувств в деятельности человека еще больше усиливается.

В главе первой мы уже говорили, что основы эмоциональной природы человека неизменны, а следовательно, если с течением боя деятельность бойца все больше переносится в эту область, то основы этой деятельности больше чем в какой-либо другой деятельности человека остаются неизменными с самых древних времен и по наши дни.

Внутренняя борьба, переживаемая бойцом, тоже переносится в область чувств. Бороться же со столь сильным инстинктом, как инстинкт самосохранения, может только очень сильное чувство. Понятно теперь, какое громадное значение для драмы переживаемой бойцом, имеют те чувства, на которые может опереться победное стремление бойца.

Патриотизм есть фундамент победного стремления бойца; он является результатом огромной созидательной работы для поля сражения.

В начале главы мы уже указывали, что основа победного стремления бойца лежит в сочувствии его идее войны.

Теперь же мы можем заключить, что, так как основа победного стремления бойца должна лежать в области чувств, то, следовательно, идея войны будет иметь значение не сама по себе, а только тогда, когда после очень медленной выработки она спустилась из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются главные мотивы наших поступков. Она составляет тогда некоторым образом часть характера народа и будет влиять на инстинктивное поведение. Когда идеи подверглись этой медленной выработке, то сила их очень значительна - так как они уже переходят в

область чувств.

Вот в этом бессознательном и лежит главное и наиболее прочное основание победного стремления человека в бой. Когда инстинкт самосохранения заговорит в бою с полной силой и когда парализованные разум и воля не в состоянии будут уже с ними бороться, то инстинкт самосохранения все же еще будет иметь противника - этим противником будет чувство.

Но для того, чтобы идея путем медленной выработки опустилась в область чувства, нужна работа многих поколений, работа целого народа, т.е. эта идея должна стать достоянием народного характера. Отсюда мы видим, что какая-нибудь идея войны, - религиозная, политическая, экономическая, - она будет иметь силу только тогда, когда она национальна.

Вот почему нельзя не согласиться со взглядами Густава Лебона, который в одной из своих статей, помещенной в *Revue Scientifique*, рассматривает военную борьбу народов, как следствие их характеров.

Итак, чтобы идея войны получила достаточную силу, она должна основываться на национальном чувстве, т.е. на патриотизме или составлять непосредственную составную часть его; так, например: все войны Рима в основе имели идею универсальной империи, патриотизму же Римского гражданина была присуща идея всемирного господства.

Таким образом, стремление бойца к победе есть всецело производная из чувства патриотизма.

Вот почему всякой эпохе возвеличивания, какого бы мы ни взяли государства, предшествует эпоха огромной внутренней работы, направленной к созиданию национального самосознания¹²⁵.

125. По словам всех знатоков Японии, патриотизм есть единственная истинная религия японцев. Германский военный агент при японской армии, подполковник Гетч говорит, что японец смотрит на смерть в бою, как на счастье. Его мечта попасть в число тех героев, имена которых записаны в храм Шохонша.

Но этот патриотизм есть плод величайшей работы. Японский народ, начиная с низшей школы и кончая университетом, воспитывается в строго патриотическом духе. Ему системати-

Идея, ставшая достоянием народного характера, предстает что-то непобедимое и ее следствия распространяются со стремительностью потока, которого не удержит никакая плотина. Тогда-то вспыхивают те великие события, которые создают исторические перевороты. "Не учеными, не художниками и не философами основывались новые религии, управляющие миром, ни те громадные империи, которые простирались от одного полушария до другого, ни те великие религиозные и политические революции, которые перевернули Европу, но людьми, достаточно поглощенными известной идеей, чтобы пожертвовать своей жизнью для ее распространения. С этим ничтожным в теории, но очень сильным на практике, багажом кочевники аравийских пустынь завоевали часть древнего греко-римского мира и основали одну из величайших империй, какие когда либо знала история. С подобным же нравственным багажом - преданностью идее - героические солдаты Конвента победоносно отражали коалицию вооруженной Европы"¹²⁶.

Стремление бойца "победить" находится в мирное время, если можно так выразиться, в потенциальном состоянии; подробно тому как каменный уголь, развивающий при соединении с кислородом огромную энергию, - до того, как огонь прикоснется к нему, хранит свою энергию в скрытом состоянии; но эта энергия, согласно закону вечности энергии - есть следствие накопления ее в доисторические времена огромными лесами; так точно и стремление бойца к победе есть следствие гигантской созидательной работы всего народа. В этом нельзя не видеть акта величайшей справедливости Провидения. Народ всей своей жизнью подготавливает победу в бою.

Стремление бойца "победить" является нравственным капиталом, который скоплен всею предыдущей жизнью народа и вложен в душу

чески прививают здоровый национальный эгоизм и уважение к военным доблестям. Армия, как самое яркое олицетворение государственной идеи, пользуется в Японии чрезвычайной популярностью. Призыв молодого японца в солдаты справляется в его семье, как праздник. Отличия, приобретенные на войне, считаются лучшей рекомендацией и в гражданской жизни. (Мартынов. "Из печального опыта минувшей войны").

126. Густав Лебон. "Психология народов и масс", стр. 114.

каждого бойца. Этот капитал, как мы уже говорили, собирается кропотливыми трудами многих поколений, представляет из себя синтез всей социальной их работы. Он получает свое непосредственное выражение в чувстве патриотизма народа вообще, в каждой же войне, в частности, в преданности идее этой войны, в бою же - в стремлении бойца победить противника.

На основании сделанного нами исследования, мы считаем себя в праве утверждать, что народы с мало развитым чувством патриотизма при столкновении с нацией с сильно развитым самосознанием - обречены на поражение.

Война и бой есть борьба за существование народов. Железным же законом борьбы за существование является то, что выживает сильнейший. Вот почему непреходящий признак сильного народа есть развитое национальное самосознание. Это доказывается всей политической культурных и сильных государств, проникнутой идеей беспощадного эгоизма, пример - Германия, Англия, Америка, Япония.

Мужество, как антитеза страха, есть второе из "положительных" чувств бойца. Чувство патриотизма составляет, таким образом, фундамент победного стремления бойца, в бою оно подвергается испытанию, причем экзамен производится инстинктом самосохранения (чувством страха). Вполне понятно, что мужество, как антитеза страха есть второе из положительных чувств, на которое опирается "победное" стремление бойца.

Чрезвычайное значение мужества для бойца столь очевидно, что доказывать это не нужно.

Оно также зависит от национальных свойств бойца. Мужество зависит также от национальных свойств бойца - в силу этого наличие его тоже обуславливается социальными факторами. Следовательно, и в этом отношении победа подготавливается народом задолго еще до битвы. Интересным примером служит в древнем мире Спарта, где все государственное устройство и жизнь были приурочены к одному - развитию в гражданах мужества.

Главную составную часть мужества составляет "чувство мощи".

Мужество является очень сложным духовным состоянием и в прямом смысле слова не может быть названо чувством. Главную составную часть так называемого "мужества" составляет чувство мощи.

Во всех сферах человеческой деятельности, говорит Снегирев, чувство мощи имеет "весьма большое влияние, всюду возбуждая и повышая его деятельность и энергию"¹²⁷.

Влияние этого чувства на деятельность человека совершенно противоположно проявлениям чувства страха:

- 1) Умственная деятельность человека повышается.
- 2) Значительно повышается также и энергия его.

Принимая во внимание, что противовесом страха являются: физическая бодрость, энергичный темперамент, сила воли и ума, не дающая развиться чувству бессилия и содействующая устранению нерешительности - необходимо признать, что чувство мощи, усиливая указанные данные или содействуя их работе, является главнейшей эмоцией, помогающей человеку в борьбе с чувством страха¹²⁸.

Чувство страха является началом разлагающим энергию, а поэтому поселяет, как мы видели, нерешительность, неуверенность; чувство мощи или, как называет Бэн, эмоция силы¹²⁹ неразрывно связано с энергией, с уверенностью в своей силе, с уверенностью в успехе.

Поэтому все, что увеличивает веру в успех, увеличивает также чувство мощи, обратно все что подрывает эту уверенность, подрывает чувство мощи.

Вот почему такое страшное значение имеет вера войск в свою непобедимость. Интересным примером в этом отношении может служить работа Суворова в области моральной подготовки войск, которая главным образом была направлена к развитию этой уверенности бойцов в себе.

127. "Психология", стр.455.

128. Корф. "О воспитании воли военно-начальников". Журнал Общества Ревнителей военных знаний, 1906 г. Книга 1-я, стр.17.

129. Бэн. "Психология", стр.278.

"Вы - чудо богатыри! вы витязи! вы Русские! неприятель от вас дрожит" - говорил он войскам в трудные минуты¹³⁰.

Наиболее характерным примером может служить операция Суворова в Итальянскую кампанию (1779 г.) против Макдональда, завершившаяся трехдневным боем на р. Тидоне и р. Треббии. Она потребовала величайшего напряжения войск и вполне справедливо может быть причислена к самым редким и замечательным военным подвигам¹³¹. Моро (командовавший Французской армией против Суворова со стороны Генуэзской Ривьеры) называл впоследствии марш Суворова к р. Треббии верхом военного искусства. Направленная Суворовым на Макдональда армия, после переправы через р. Бормиду, спустя 36 часов (с 10 час. вечера 4-го июня до 10 час. утра 6-го - прибытие Меласа на поддержку Отта) достигает уже р. Тидоне, т.е. проходит 80 верст, затем вместо отдыха вступает прямо в бой и одолевает сильнейшего по числу противника.

Суворовым были приняты все меры на случай неудачи.

Из Кастеджио все обозы, кроме самых необходимых повозок, были отправлены на левый берег р. По (Чертеж № 9. см. приложения) через мост у Мецано-Корти, обеспеченный предмостным укреплением с 1 батальоном и 4 орудиями¹³². У д. Парпанзе устраивался мост через р. По с предмостным укреплением, назначенный официально для движения укреплений с левого берега По от Края; истинное же значение моста - путь отступления на случай неудачи, когда Суворову, конечно, не было бы уже надобности возвращаться в Александрию¹³³.

Ясно сознавая все невероятные трудности предпринятой операции, Суворов старается внушить войскам полную уверенность в победе, психологически необходимую для повышения духа бойцов (чувство мощи) к совершению предстоящего богатырского подвига.

130. Рассказы старого воина, стр. 130.

131. Орлов. "Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году". стр. 201.

132. Орлов. стр. 193.

133. Орлов. стр. 205.

Накануне боя у Тидоне он отдает следующий приказ.

Приказ по армии¹³⁴.

"Неприятельскую армию взять в полон. Влиять твердо в армию, что их 27.000, из которых только 7.000 французов, а прочие всякий сбор реквизионеров.

Казачи колотить будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут пардон, или бить шамад.

Казачам самим в атаке кричать балезарм, пардон, жетелезарм и сим пользуясь, кавалерию жестоко рубить, а на батареях быстро пускаться, что особливо внушить.

Казачам, которым удобно испортить на р. Таро мост и тем захватить отчаяние - с пленными быть милосерду - при ударах делать большой крик, и крепко бить в барабан; музыке играть где случится, но особливо в погоне, когда кавалерия будет колотить и рубить, чтобы слышно было своим.

Их генералов, особливо казаки и прочие, примечают по кучкам коло них; кричать пардон, а если же не сдаются убивать".

"Суворов"

Александрия 5/16 июня.

Этот приказ поражает нас своею силой. Не смотря на то, что Суворов ясно отдавал себе отчет в трудности положения, что доказывалось всеми теми мерами на случай неудачи, которые были им приняты, и о которых мы выше упоминали, тем не менее каждая строчка приказа говорит войскам о непреклонной уверенности в полной и решительной победе.

Изложенное выше представляет только отдельный факт, характеризующий деятельность Суворова, который всегда особое внимание обращал на повышение в бойцах уверенности в своих силах, веры в успех. Преследование великим стариком слова "ретирада" не было его чудачеством, а продуманным приемом воспитания войск.

Чувство мощи в большой степени зависит от факторов боя, а поэтому чувство мощи в значительной мере зависит и от искусства ведения боя (управления боем).

То, что главною составною частью мужества является чувство мощи, имеет крайне важное следствие в вопросе ведения боя. Дело в том, что чувство мощи зависит от внешних факторов боя. В самом деле - все, что повышает в человеке уверенность в своей силе, повышает и чувство мощи.

Обратимся для пояснения к какому-нибудь военно-историческому примеру.

134. Орлов. стр. 192.

Лучшего в этом отношении мы не можем сделать, как вернуться к описанию атаки 1-ой бригады 2-ой пехотной дивизии Заречного редута в бою под Ловчей.

На стр. 60 мы прервали описание остановкой наступающих у мельницы, возьмем теперь продолжение.

"Начало было сделано, и толпа у мельницы стала таять, продвигаясь вперед по одиночке и кучками. До линии неприятельских траншей оставалось около 1.200 шагов. По наступающим сыпался свинцовый град, но наступление все продолжалось. Сзади подходили товарищи по полку и Либавский полк, правее бежали Ревельцы и стрелки 3-й бригады с двумя офицерами, левее (Чертеж № 2. см. приложения) двинулись извивающаяся лентой две стрелковые роты Казанцев, еще левее были видны густые массы строившихся для боя войск. Каждый из наступавших, оглядываясь назад, видел эту массу своих, видел близость поддержки - и вера в успех росла в сердце каждого...

Там и сям падают солдаты, падают офицеры, но это уже не могло остановить наступающих.

К общему удивлению, огонь турок, по мере приближения к ним, не становился смертоноснее. Было очевидно, что неприятель сам поколеблен¹³⁵. Вот, турки, не выдержав наших, бросили свои первые ложементы и бежали. Вид отступающего врага придавал нашим новые силы. "Ура" становилось громче и громче. Добежав до линии первых ложементов, наши приостановились и заняли их.

Впереди высился сильной профили редут - последнее убежище турок, а перед ним еще одна линия ложементов. Неприятель не прекращал усиленной, но, казалось, мало действительной стрельбы. Очень многие турки стреляли, положив ружья на скат бруствера и не высывая из-за него головы, т.е. не целясь.

Собравшись у первой траншеи в числе нескольких сот человек, наши снова крикнули "ура!" и бросились вперед. Десятки упали, но остальные бежали вперед. Вторая линия траншеи уже близка! Вот

135. Вспомним здесь сказанное на стр. 86, 87, 88.

сейчас начнется рукопашная схватка, но... и на этот раз нет. Турки оставили ложементы и частью бежали в редут, частью к дороге в Микре. В редуте происходила суета. Вот показалось из него несколько групп всадников, конвоировавших какой-то отряд. "Орудия увозят!" раздались крики, и люди, уверенные в победе, сделали последнее усилие. В одиночку, со всех сторон, карабкались наши солдаты и офицеры на бруствер редута. Одна толпа обожала редут с выхода и загородила дорогу туркам, имевшим намерение отступить. Внутри шло избиение сопротивляющегося неприятеля. Угол редута между бруствером и траверсом у выхода был завален горою трупов и живых людей, лежавших друг на друге рядом¹³⁶.

Вышеприведенная выдержка дает нам прекрасное описание того, как чувство мощи может повышаться под влиянием факторов боя (в данном случае сознание поддержки, вид поколебленного неприятеля, его отступление). Следовательно, чувство мощи зависит также и от искусства ведения боя, управления боем.

Зависимость внутренней борьбы, переживаемой бойцом, от искусства ведения боя.

В настоящей главе мы видели, какое громадное значение имеет для бойца драма, переживаемая им в бою. Она захватывает все его существо, задевая даже самые затаенные его чувства, желания и мысли. Она господствует в его сознательном и бессознательном существе. Само собою понятно, насколько важно выяснение вопроса - в чем выражается вообще зависимость внутренней борьбы, переживаемой человеком в бою, от искусства ведения боя.

Из основной идеи боя - силой подчинить себе волю противника, вытекает, что управление боем ставит себе задачей:

- I. повысить "победное" стремление в своих войсках и подорвать это стремление в неприятельских;
- II. повысить "отрицательное" стремление в неприятельских бойцах и парализовать его в своих войсках.

136. Куропаткин. "Ловча и Плевна". ч. I, стр. 172.

С этих точек зрения мы и рассмотрим интересующий нас вопрос - в чем выражается влияние искусства ведения боя на драму переживаемую человеком в бою.

Мы уже видели, что основа победного стремления создается еще до поля битвы кропотливой работой всего народа. Но на поле сражения в руках у полководца имеется одна крайне существенная данная, а именно - *внушение бойцу чувства мощи* (главный противник страха).

Чувство мощи повышается, как выше мы говорили, уверенностью в своей силе.

Эта вера в свои силы создается также и до поля сражения. Чувство мощи может составлять черту народного характера. Например - неотъемлемую часть духовного уклада римлянина составляла вера в свое превосходство.

Воспитание войск (пример - деятельность Суворова), так называемые традиции, тоже способствуют привитию бойцу еще в мирное время чувства мощи.

Вера в своего полководца, в его непобедимость создает в войсках веру в свою мощь. Выше мы привели приказ Суворова перед боями на рр. Тидоне и Треббии. Благодаря ореолу победы, которым окружено было имя нашего великого полководца, его приказ перед одной из труднейших минут деятельности войск под его вождением, мог начинаться словами: "Неприятельскую армию взять в полон". Вполне понятно, что не этот приказ создавал чувство мощи бойца, так как для того, чтобы верить этому приказу, нужно было, чтобы эти слова шли от Суворова. Здесь первой причиной является та вера в непобедимость своего чудо-вождя, которая присуща была Суворовским чудо-богатырям.

Мы не будем здесь рассматривать вопрос, как повышается уверенность бойца в своей силе вообще, и обратимся к вопросу более частному, который нас интересует: как повышается чувство мощи на самом поле битвы?

Если до боя полководец может влиять на бойца, обращаясь к его разуму, то в самом бою, когда рассудочность бойца уменьшается под влиянием опасности (и под влиянием массы, как мы увидим далее), управление должно обращаться непосредственно к чувствам

бойцов.

Вполне понятно, что при подобных условиях наиболее верный путь это: **дать бойцу почувствовать поддержку его соратников.**

Полагаем, что не безынтересно привести одно наблюдение из мира животных, показывающее, как отвага (чувство мощи) растет в зависимости от того, есть ли уверенность в поддержке товарищей. Известен факт, что смелость животного возрастает от того, что оно окружено товарищами, и уменьшается в прямой зависимости от большей или меньшей изолированности его¹³⁷.

Значение взаимной поддержки давно уже оценено в военном искусстве.

Здесь нужно оговорить, что взаимной поддержке или, выражаясь более общим словом, *солидарности*, очень часто придается в теории военного искусства механическое значение, а именно в смысле суммирования сил. Мы пока останавливаемся только на психологическом значении солидарности, т.е. что *солидарность* повышает в бою уверенность в своих силах, а следовательно, чувство мощи: относительно механической точки зрения мы будем говорить далее. Пока же в доказательство того, что механическое понимание солидарности, во всяком случае, не исчерпывает всего значения ее, мы приведем пример из практики Суворова.

Великий полководец, и в то же время великий сердцевед, приказал при штурме Измаила нашей артиллерии стрелять во все время штурма, причем с той минуты, как наши штурмовые колонны закроют свою артиллерию, последней стрелять холостыми.

С механической точки зрения, это nonsense.

С психологической имеет огромное значение; это есть действительное проявление взаимной выручки, так как для душевного состо-

¹³⁷ Форель в своем исследовании жизни муравьев говорит: "Тот же муравей, который даст себя убить десять раз, когда окружен товарищами, оказывается очень робким и избегающим малейшей опасности, когда он удалился на двадцать метров от своего гнезда". Forel. Les fourmis, стр. 249.

Форель делал следующие опыты: он взял семь муравьев из двух армий полевых муравьев, уже вступивших в бой, четырех из одного и трех из другого лагеря, и поместил их в один сосуд. Все семь муравьев, ранее раздраженные, дравшиеся друг с другом, сделались друзьями.

яния бойца важна не сама поддержка, а убеждение в ней, чувствование ее.

Приводя выше описание атаки в бою под Ловчей 1-й бригады 2-й пехотной дивизии Заречного редута, мы выделили курсивом слова автора-очевидца.

"Каждый из наступающих, оглядываясь назад, видел эту массу своих, видел близость поддержки, и вера в успех росла в сердце каждого".

В примере атаки 16-го августа 1870 г. 11-й Прусской бригады с. Флавины мы видели, что 35-й пех. полк залег на высоту у с. Вионвилль. Он мог быть поднят и двинут в атаку только тогда, когда почувствовал поддержку своей артиллерии и увидел атаку рядом направленной 12-й Прусской бригады, которая дебушировала из с. Вионвилль.

Подобных примеров можно было бы привести в каждом бою великое множество и не перечисление их служит доказательством. В данном случае мы только напомнили приведенные выше примеры.

Механическое значение наиболее может быть применено к сосредоточению сил, массированию бойцов. Сосредоточение сил есть ничто иное, как частный случай проявления солидарности. Откладывая пока, как мы только что говорили, оценку механической точки зрения на бой, постараемся доказать, что даже в этом частном, с первого взгляда если можно так выразиться, наиболее механическом случае, сущность дела тоже психологическая.

Лучшим примером для анализа в этом отношении может служить штурм Скобелевым 30-го августа 1877 г. редутов Кованлек и Исса-ага. Чрезвычайно трудные условия атаки указаны были выше. Напомним только, что мужеству русского солдата предстояло богатырское испытание.

К 3-м часам пополудни расположение наших (Чертеж N 5. см. приложения) войск на левом фланге было следующее:

В боевой линии в 650-700 саженях от турецких редутов, на северном скате третьего гребня Зеленых Гор, расположены были 8 батальонов (Владимирский и Суздальский полки, 9-й и 10-й Стрелковые батальоны).

В ближайшей поддержке у них, за третьим гребнем, стояло пять

батальонов (Ревельский полк, 11-й и 12-й Стрелковые батальоны). Далее в тылу за 2-м гребнем находилось еще 5 батальонов (два батальона Эстляндского полка, Либавский полк - 12 рот).

Остальная часть пехоты, была расположена: 2^{1/2} роты Либавцев за правым флангом у Тученицкого оврага; со стороны Кришинских редутов атака прикрывалась батальоном Эстляндского полка; 1 батальон Калужцев обеспечивал тыл, заняв д. Брестовац; два батальона Калужцев находились за первым гребнем Зеленых гор.

Густой туман еще наполнял отделявшую нас от турок ложину, но очертания редутов были довольно хорошо видны, а непрерывный огонь турок обозначал линиями дыма положение турецких окопов.

Чтобы достигнуть редутов, нашим войскам предстояло спускаться около 450 саженей по пологому, покрытому виноградниками северному скату третьего гребня в Зеленогорскую ложину. По дну ее, в обрывистых берегах, недоступных для артиллерии без разработки их, протекал ручей, через который вел только один мостик. Перебравшись через ручей, надлежало подниматься 200 саженей по скату значительной крутизны, разделанному весьма тщательно в обширную эспланаду перед двумя сильной профили редутами, венчавшими гребень высоты, с которого вел к ручью помянутый выше скат. Эти редуты связывались между собой траншеею в 250 саженей длины.

Примерно, в 60 саженях от линии редутов и траншей шла линия ложементов.

С левого фланга атака угрожалась группой Кришинских укреплений, с правого фланга турецкими укреплениями на противоположном берегу Тученицкого оврага. Ко всему этому нужно прибавить черпаемый огонь турок и тогда станет ясным, что из себя представляла Плевна с южной стороны в 3 часа дня 30-го августа.

Ровно в 3 часа повел Скобелев свой знаменитый штурм. Владимирцы, Суздальцы и стрелки 9-го и 10-го батальонов поднялись с занимаемых мест и двинулись вперед.

Общее направление было указано так: Владимирцы атакуют редут Кованлек (N 1), Суздальцы редут Исса-ага (N 2) и соединительную траншею, стрелки, составляя правый фланг наступления, оберегали его со стороны Плевны и Тученицкого оврага, поддерживая в то же время атаку Суздальцев.

Наступление наших войск было встречено усилившимся огнем турок.

Для того, чтобы верно передать психологическую картину боя, обратимся к описаниям двух участников этого боя: ген. Паренсова и ген. Куропаткина.

"С третьего гребня видно было, пишет генерал Паренсов¹³⁸, как бодро наши пошли вперед: перебегают, спустились в овраг и скрылись в сгустившемся на ручье тумане. После нескольких минут томления, туман и пороховой дым разорвались от ветра и стали видны только жидкие цепи, ползущие вверх по голому, как каток, точно выбритому, глинистому, скользкому скату. Как это часто бывает отдельные лица и группы людей выскакивали вперед, но масса приостановилась - и залегла".

"В случаях, подобных описанному, т.е. когда часть, пущенная вперед, не дотянула, остановилась и залегла, как всегда с беспорядочной стрельбой, почти нет возможности поднять эту массу без какой-нибудь особой двигательной силы, без толчка сзади. Требовалось одушевить эту массу, которая замерзла, оживить влитием свежей части".

Генерал Скобелев приказывает Ревельскому полку поддержать атаку (Чертеж N 6, см. приложения).

Огонь турок лился непрерывно.

Через несколько минут на противоположном голом скате показались густые цепи Ревельцев; к ним примкнули остальные. Чувство поддержки придало силы ослабевшим.

Свежая волна подхватила ослабевшую.

"Продвинулись все почти до половины голого подъема - и остановились даже передовые; ясно, что не в моготу. Каких-нибудь 400-500 шагов осталось - но дальше невозможно. Остановились и залегли на голом скате, совсем открыто. Остановиться в таком положении, лечь, беспорядочно отстреливаясь на месте, понятнее, чем бежать; хуже и в смысле собственных нервов и в смысле непод-

138. Паренсов, т. II, стр. 257.

вижности цели; но это уже рассуждение, а тут воздействовало не рассуждение или обсуждение положения и шансов; прямо силы больше не было".

"А турки все палят; можно уж бить на выбор".

"Чувствовалось, что Ревельцам не продвинуться дальше"¹³⁹.

Измотанные нравственные силы бойцов требовали немедленной поддержки, иначе волна наступающих войск - ослабевшая, истомленная, покатится "уже не вперед, а назад".

В резерве для продолжения боя под рукою у генерала Скобелева имелось только 5 батальонов, (11-й, 12-й Стрелковые батальоны и 12 рот Либавцев, пододвинутых князем Имеретинским к третьему гребню Зеленых Гор).

Генерал Скобелев направляет в атаку свой последний резерв. Новая волна подхватывает ослабевшую. Либавцы и Стрелки молодецки двинулись вперед и стали в свою очередь карабкаться по скату. Достигнув наших передовых частей, изнемогавших под губительным огнем, они слились с ними и начали продвигать вперед¹⁴⁰. Новая волна подхватила ослабевшую.

Здесь мы прервем описание штурма, так как о дальнейшем мы будем говорить в следующих главах.

Изложенного нам кажется достаточным для того, чтобы:

а) пояснить психологическое значение массирования;

б) не предпрешая вопроса с механической точки зрения, считать доказанным, что сосредоточение сил имеет психологическое значение для боя. Изнемогающий во внутренней борьбе боец под впечатлением опасности нуждается в поддержке извне, эта поддержка дается ему вливанием в боевую часть свежих частей, вера в свои силы у ослабевшего бойца вновь повышается, увеличивается чувство мощи, победное стремление бойца вновь всплывает в колеблющемся равновесии драмы, переживаемой человеком в бою.

Итак, чувство мощи повышается сознанием своей силы: на поле

139. Паренсов, т. II, стр. 260.

140. Куропаткин, ч. II, стр. 461.

же битвы эта уверенность в своих силах повышается различными проявлениями **солидарности**.

Вполне понятно, что с нарушением проявления солидарности связывается ослабление чувства мощи. Поэтому все, что помешает солидарности усилий неприятеля - уменьшит и его победное стремление.

Но кроме того, чувство мощи неприятельского бойца будет уменьшаться всяким проявлением мощи с нашей стороны. Проявления солидарности с нашей стороны сами по себе уже подрывают веру в свои силы у неприятеля.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о повышении и понижении отрицательного стремления бойца. Ясно, что отрицательное стремление бойца исключительной своей причиной имеет - чувство страха. Сила же страха зависит от *силы* и *внезапности* впечатления.

О силе впечатления мы не будем распространяться. Она в бою на лицо, так как смерть царствует на полях битв. Вся настоящая глава и была посвящена выяснению силы впечатления опасности и ее влияния на деятельность человека в бою.

О причине того, почему внезапность увеличивает в значительной степени силу впечатления, мы говорили выше (стр. 82 и 83); неожиданное с большей силой привлекает наше внимание и следовательно овладевает нашим сознанием; поэтому все неожиданное и непонятное всегда более пугает человека, чем то, что он ожидает и знает.

Слово испугать само в себе подразумевает внезапность.

"Человеческий дух боится неизвестного гораздо более, нежели сильного, чему можно привести много примеров из истории и из опыта. Стоит вспомнить всадников Кортца, или же страх, обнаруживаемый дикарями перед пароходами, или рассказ о иерихонских трубах и литаврах, или столь страшную для римлян боевую песню германцев, и т. п. У грубых людей присоединяется еще влияние все преувеличивающей фантазии, господствующей у необразованных еще больше, чем у образованных"¹⁴¹.

141. Гелльвалд. "История культуры", стр. 101.

Под влиянием обстановки боя (опасности) деятельность бойца все более переносится в область чувства и инстинкта, рассудочность его уменьшается; в силу этого воздействие на бойца неожиданности с течением боя все возрастает.

В военном искусстве значение неожиданности давно уже оценено.

"Чтобы ни было, говорит Ксенофонт, приятное или страшное, чем менее оно предвидено, тем приятнее оно, или страшнее. Это лучше всего показывает война, где всякая внезапность порождает ужас даже среди очень мужественных"¹⁴².

"Все, что неожиданно производит громадное впечатление" (слова Фридриха Великого¹⁴³).

Удивить, говорит Суворов, - это победить.

Поэтому для того, чтобы усилить чувство страха, главным средством является **внезапность**.

Значение внезапности, повторяем, давно уже оценено в военном искусстве, и возражений против первенствующего значения ее мы не встретим. Внезапность выражается: во внезапных нападениях, в быстром сосредоточении сил к определенному пункту, в быстром сосредоточении огня на определенном участке местности, в применении новых технических средств войны и т. п.; она имеет применение во всякой деятельности, относящейся к бою.

Уменьшение отрицательного стремления бойца прежде всего достигается уменьшением самой опасности.

Действительная опасность для своих войск может быть уменьшена уклонением войск от опасности, а именно применением к местности, созданием прикрытия для бойца (фортификация, предохранительное вооружение).

Вполне понятно, что хотя подобное уменьшение размеров действительной опасности составляет одну из важнейших задач военначальника, но оно достижимо только до весьма ограниченной степени. В самом деле, если противник продолжает вести бой, то опасность

142. F. Foch. "Des principes de la guerre". p. 274.

143. F. Foch. "Des principes de la guerre". p. 274.

продолжает существовать и если мы сами желаем победить, то достигнем этого конечно не уклонением от опасности.

Выше мы указывали, на значение внезапности. Ограждение своих войск от неожиданностей уменьшит отрицательное стремление бойца.

Из изложенного мы видим, что искусство дает в руки полководца возможность до некоторой степени уменьшить впечатление опасности. Оно будет выражаться в возможном сбережении войск от впечатления опасности - т.е. **в экономии духовных сил бойцов.**

Обратимся теперь к рассмотрению другого способа выполнения военно-начальником задачи уменьшить отрицательное стремление бойца. А именно рассмотрим следующий вопрос: если уничтожение опасности не достижимо, то нельзя ли уничтожить проявление в бою инстинкта самосохранения.

Но изменить природу человека нельзя и поэтому, казалось бы, что полководцу невозможно выполнить эту задачу. Но если прямая борьба с инстинктом самосохранения невозможна, то возможна борьба косвенным путем, а именно *путем отвлечения внимания*. Мы выше говорили уже, что внимание, устремленное на какой-нибудь объект, стремится стать исключаящим все прочие влияния.

Для пояснения нашей мысли приведем пример из практики Суворова - хотя и не относящийся непосредственно к бою, но чрезвычайно рельефно рисующий нашу мысль.

Когда его армия совершала свой знаменитый переход от Александрии к р. Тидоне, для чего, как мы уже говорили, потребовались почти сверхчеловеческие усилия, он применил следующий прием.

В войска были розданы 12 французских слов, написанных русскими буквами. Суворов приказал всем солдатам наизусть выучить их на походе, предупредив, что будет спрашивать. На походе, когда начальники замечали упадок энергии и сил в людях, сейчас же офицеры, фельдфебели и унтер-офицеры принимались читать слова; к ним все подтягивались и заучивали читаемое¹⁴⁴. "этим, повидимому, же-

144. "Рассказы старого воина", 129.

дали развлечь и занять людей, зная, что этим отвлекается внимание от наблюдения над упадком собственных сил и от физической усталости"¹⁴⁵.

Мы не будем здесь исследовать способы и приемы отвлечения внимания, но мы укажем, что все они сводятся к одному - к *занятию бойца какой-либо деятельностью*.

Отвлечение внимания бойца сосредоточением его посредством внутреннего усилия - есть проявление воли бойца (произвольное внимание).

О значении воли мы уже говорили.

В настоящей главе мы установили вывод, что обстановка боя, с развитием его, представляет все более и более благоприятные условия для господства в деятельности бойца произвольного внимания и что овладеть сознанием бойца стремится с все возрастающей силой инстинкт самосохранения.

Мы уже неоднократно говорили о значении чувств в деятельности человека и, что для борьбы с инстинктом самосохранения нужно искать опору в области чувств, следовательно, и в борьбе из-за овладения вниманием нужно дать бойцу надежную опору в этой же области.

И вот единственным и верным средством для отвлечения внимания бойца от инстинкта самосохранения, это будет **деятельность бойца**. Пассивное, бездеятельное положение человека в бою способствует тому, что внимание бойца сосредоточивается на инстинкте самосохранения¹⁴⁶. Всякое же деятельное стремление к какой бы то ни было цели характеризуется: *сосредоточением внимания на преследу-*

145. Гершельман. "Нравственный элемент в руках Суворова", стр. 56.

146. Этим объясняется то, что указывалось в воспоминаниях офицера Мецской армии (стр. 63), что уклоняющихся от боя, по его наблюдению, значительно больше в подержках пассивно находящихся под огнем, чем в цепи; этим также объясняется инстинктивное стремление бойца какой-либо деятельностью заглушить в себе чувство страха, что служит одной из причин, заставляющих стрелка возможно скорее открыть огонь.

мом объекте, это сосредоточение может достигать такой силы, что будет иметь следствием полное забвение самого себя¹⁴⁷.

Бэн в своей психологии указывает, что деятельное стремление к достижению цели порождает и само обуславливается эмоцией деятельности. В силу этого мы видим, что даже когда рассудительность бойца уменьшится и даже совсем исчезнет, то и в этом случае сосредоточение внимания на предмет цели будет иметь место, так как оно будет основано на чувстве.

С течением боя инстинкт самосохранения говорит в человеке все сильнее и сильнее. Эмоция же деятельности увеличивается по мере приближения к цели. Таким образом, эмоция деятельности, увеличиваясь тоже с течением боя, представляет и в этом отношении благоприятные условия.

Итак мы видим, что если непосредственно уменьшить инстинкт самосохранения нельзя, то в руках полководца зато имеется средство, в значительной степени парализующее влияние этого инстинкта.

Это средство есть **деятельность бойца**, т.е. привлечение бойца к активному участию в бою.

Активному участию человека в бою прежде всего благоприятствует захват инициативы действий, следовательно наступление, во-вторых, предоставление каждому бойцу известной свободы действий (частная инициатива) в определенных высшим управлением рамках.

Значение деятельности в значительной мере увеличивается еще тем, что эмоция деятельности в своем развитии вызывает усиление чувства мощи - а следовательно - непосредственно повышает также победное стремление бойца.

Таким образом, мы видим, что усиление чувства мощи достигается, кроме проявлений солидарности, еще привлечением бойца к деятельности.

Исследование свойств человека, как бойца, до изучения этих

147. Бэн. 291.

свойств в связи с законами коллективной психологии, позволяет нам установить следующие основные условия искусства ведения боя в психологическом отношении:

- 1) **деятельность.**
- 2) **солидарность.**
- 3) **внезапность.**
- 4) **экономия духовных сил.**

Эти основные условия есть производные от неизменных свойств человеческой природы, а потому они представляют требования, предъявляемые искусству ведения боя, столь же неизменные, как и природа человека.

Значение военного воспитания.

В заключение настоящей главы необходимо указать на то громадное значение, какое имеет военное воспитание в деле подготовки бойца.

Задачами подготовки бойца в мирное время, на основании изложенного в настоящей главе, являются:

1) привитие бойцу привычек, которые могли бы поддержать его в борьбе с инстинктом самосохранения:

- а) для усиления солидарности: дисциплина, любовь к части, товарищество, воинская честь и т.п.
- б) способность к самостоятельной деятельности;
- в) привитие бойцу привычки к опасности и находчивости;

2) усвоение всего необходимого для деятельности человека в бою так прочно, чтобы работа бойца в сражении могла бы быть выполняема и при уменьшенной его рассудочности, т.е. *автоматически*.

Все эти задачи могут быть выполнены только воспитанием. Поэтому, можно сказать, что военный человек - **должен быть прежде всего военно-воспитанным.**

Что такое толпа.

Под словом *толпа* подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какая бы ни была их национальность, профессия или пол и какие бы ни были случайности, вызвавшие это собрание, но с психологической точки зрения это слово получает совершенно другое значение.

При известных условиях собрание людей представляет особые черты и свойства. Поэтому, в психологическом смысле слово *толпа* получает значение собрания людей, подчиняющегося особым законам.

Без сомнения, одного факта случайного нахождения вместе многих людей недостаточно еще для того, чтобы это собрание приобрело характер толпы в психологическом смысле слова, для этого нужна наличность некоторых условий.

В известные моменты, например, даже шести человек достаточно, чтобы образовать толпу в психологическом смысле слова, между тем как в другое время сотни человек, случайно собравшихся вместе, при отсутствии необходимых условий, не образуют подобной толпы.

Духовное единство толпы.

"Психологическая" толпа имеет свои особенные черты, хотя временные, но совершенно определенные. Нельзя смотреть на толпу, как на собрание некоторого числа людей, недостатки и достоинства которых суммируются. Между тем, это мнение разделял даже Спенсер, который определял толпу, как сумму или, вернее сказать, среднее умственных и нравственных качеств составляющих ее индивидов¹⁴⁸.

Тут ближе подходит не механическое представление, а химическое. Подобно тому, как в химии от соединения двух газов можно получить жидкость, так точно и свойства индивидов толпы не просто механически суммируются. Исследования по коллективной психологии

148. Спенсер. "Психология", VII.

показывают, что индивидуумы, составляющие толпу, приобретают как бы коллективную душу, которая заставляет их чувствовать, думать и действовать, как единое одухотворенное существо; и хотя они могут быть несходны между собой ни по уму, ни по свойствам характера и др., но в действиях их получается полное единство. *Сознательная личность теряется, моральные и умственные особенности индивидуума исчезают, и он становится зависящей частицей одного целого одухотворенной толпы.*

Потеря индивидуальности выражается тем полнее, чем больше собрание людей перешло в "психологическую" толпу, и при полном объединении толпа может представить чувства столь преувеличенные в том или другом направлении, что составляющие ее люди кажутся потерявшими всю свою индивидуальность.

Люди хотя и очень рознятся по своей культуре и своему воспитанию, но имеют одни и те же чувства, инстинкты и страсти.

В психологически объединившейся толпе обобщающим элементом будет не разум, а чувства и инстинкты.

Густав Лебон справедливо говорит, что "между великим математиком и его сапожником может существовать целая бездна с умственной точки зрения, но с точки зрения характера разница эта часто оказывается нулевой и ничтожной"¹⁴⁹.

В чрезвычайно рельефной форме развил эту мысль М. Нордау¹⁵⁰ (парадоксы).

Соедините двадцать или тридцать Гете, Кантов, Гельмгольцев, Шекспиров, Ньютонов и т. д., пишет он, и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Рассуждения их, может быть, будут различны от суждений обыкновенного собрания (хотя нельзя поручиться за это), но, что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания. Почему же? По той причине, что каждый из двадцати или тридцати указанных лиц.

149. Густав Лебон. "Психология народов и масс", стр. 167.
150. Глава III.

помимо свойственной ему оригинальности, делающей его особенной личностью, носит в себе унаследованные свойства рода; это последнее делает его похожим не только на соседа по собранию, но на каждого неизвестного прохожего, которого вы встречаете на улице. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными свойствами, которые составляют определенную, однородную величину, предположим, равную x , величину, к которой у личностей, стоящих выше средней нормы, прибавлена еще другая величина, различная сообразно индивидуальности, которую в силу этого нужно определять различно: например, равной b , c , d и т.д. Раз установив это положение, мы получим в собрании из двадцати человек, положим, все гениев, — 20 x и только 1 b , 1 c , 1 d и т.д. Несомненно, 20 x перевесят отдельные b , c , d . Это значит, что свойства человеческого рода перевесят индивидуальную личность, и картуз работника вполне покроет шляпу доктора и философа, т.е. личная индивидуальность будет побеждена.

Восприимчивость человека к внушению. Объединение собрания людей в психологическую толпу является результатом *восприимчивости человека к внушению*.

Внушение есть воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психо-физических состояний без участия личного сознания внушаемого лица¹⁵¹.

Внушение играет огромную роль в социальной жизни человека, гораздо большую, чем ему до сих пор отводят в исследованиях общества. Дело в том, что действие внушения ничуть не связывается обязательным образом с особым состоянием душевной деятельности, известным под названием гипноза, как то доказывают случаи осуществления внушения, производимого в бодрствующем состоянии. Более того, внушение, понимаемое в широком смысле слова, является

¹⁵¹ Бехтерев. "Внушение и его роль в общественной жизни". Изд. 2, стр. 24.

одним из способов воздействия одного лица на другое при обычных условиях жизни.

В виду этого внушение служит важным фактором общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но и всех вообще лиц, изучающих социальную жизнь и законы ее проявления.

Два вида внушения уже давно подмечены в общественной жизни, — это подражательность и нравственная зараза.

Человеку присуще стремление подражания. "Эта способность подражания, говорит Бордье, как диффузия в среде, наполненной газом, стремится уравнивать все части социальной среды, разрушить все оригинальное, сравнять все особенности эпохи, страны, города, замкнутого круга друзей. Каждый человек предрасположен к подражательности, но эта способность достигает своего апогея в собраниях людей¹⁵².

Несомненная и бесспорная истина, что способность человека к подражанию является одной из наиболее развитых способностей его природы. Достаточно взглянуть вокруг нас, чтобы убедиться, что социальный мир есть не что иное, как сцепление сходств, происшедших от подражания во всех видах, — в моде, в привычках, в послушании, в образовании, воспитании, — подражания произвольного и подражания в силу рефлекса¹⁵³. "В явлениях подражательности, говорит доктор Эбрар, находится что-то таинственное, какое-то притяжение, которое лучше всего сравнить с бессознательным и всевластным побуждением, заставляющим нас, почти без нашего ведома повторять то, чему мы были свидетелями, и что произвело глубокое впечатление на наши чувства и воображение. Этот факт настолько общий и всем известный, что мы все в большей или меньшей степени подчиняемся его влиянию. Существует известного рода очарование.

¹⁵² A. Bordier. "La vie des societes". Paris 1888, стр. 76 (Сигель, 28).

¹⁵³ G. Tarde. "Les lois de l'imitation". Paris. 1890. гл. I.

от которого не в состоянии защитить себя слабые люди"¹⁵⁴.

Нравственная зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить. Как звук музыкальной ноты, говорит Ленин¹⁵⁵, заставляет колебаться ту же ноту на деках, которые будучи способны издавать эту ноту, находятся под непосредственным влиянием изданного звука, так и проявление известного чувства, страсти, вызывает подобный же инстинктивный элемент чувства, направляет его к деятельности, заставляет его, так сказать, колебаться у всякой отдельной личности, способной по своему нравственному складу более или менее живо испытывать это инстинктивное чувство.

Большинство трактующих затронутый вопрос полагало возможным объяснить этой метафорой, хотя и не глубокой, но удачно найденной, освещающей гипотезу нравственной заразы, не только самые простые, естественные и постоянные случаи подражания, но также случаи наиболее редкие и странные, настоящие эпидемии, которые время от времени развиваются под влиянием того или другого явления¹⁵⁶. Таким образом, включились в область нравственной заразы эпидемии самоубийства, следовавшие за каким-нибудь знаменитым самоубийством, сильно заинтересовавшим и взволновавшим общественное мнение¹⁵⁷; точно также нравственной заразой объясняли все преступления, следовавшие за каким-нибудь ужасным преступлением, о

154. Ebrard. Le suicide considere au point de vue medical philosophique etc. Глава 7-я.

155. Despine. De la contagion morale, стр. 13.

156. Сигеле. "Преступная толпа", 34.

157. Сила заразительности в самоубийстве более очевидна, быть может, чем в других сферах. Известен случай, когда 15 инвалидов в 1772 г. последовательно вешались, в очень короткий промежуток на одном и том же крючке, находившемся в очень темном проходе здания. Сигеле, 34. Примечание 1-е.

котором прокричали все газеты. Политические и религиозные эпидемии, стремительно увлекавшие тысячи людей, иногда целые народы, вслед за пламенной речью вдохновенного оратора, приписывались тому же нравственному заражению.

Еще с большим основанием мы имеем право приписывать заразе непредвиденные и с первого взгляда непонятные движения толпы.

Вполне понятно, что эти два явления, подражательность и нравственная зараза, хотя большею частью и рассматриваются, как обособленные факторы, на самом деле есть не что иное, как проявления той же восприимчивости человека к внушению.

Восприимчивость к внушению (подражание, нравственная зараза) обуславливает, таким образом, объединение людей и есть поэтому тот деятель, который стремится превратить собрание людей в толпу, подчиняющуюся психологическому закону духовного единства.

С своей стороны, условия толпы увеличивают восприимчивость человека к внушению. С своей стороны, сами условия, в которых находится человек в толпе, чрезвычайно благоприятствуют внушению. Единство места, времени, непосредственное сношение способствует обмену впечатлениями и чувствами почти с быстротой молнии.

Но кроме того, благоприятствуют еще сами свойства, которые становятся присущими человеку по мере того, как он превращается в индивида толпы. Сознательная личность утрачивается, т.е. "я" субъекта стремится исчезнуть. Очевидно, что внушение может проявляться легче всего, когда влияние "я" субъекта уменьшено. Это и будет соответствовать внушению субъекту, находящемуся в гипнозе, т.е. в наиболее благоприятных для внушения условиях.

Поэтому внушение в толпе получает страшную силу.

Таким образом, мы видим, что человек по мере того, как сливается с "душой" толпы, все более и более становится восприимчивым к внушению; эта же способность обуславливает превращение его в индивида толпы. Поэтому толпа, вступившая на путь психологического объединения, автоматически толкается затем к нему своими собственными свойствами.

Всякое собрание, как бы оно не было организовано, может обратиться в психологическую толпу.

Выше мы говорили, что под словом "психологическая" толпа понимаем собрание людей, подчиняющееся закону психологического единства, и что индивидуумы, составляющие толпу, приобретают как бы коллективную душу, заставляющую их чувствовать и думать, как единое одухотворенное существо.

Единство толпы или то, что представляется душой толпы, объясняется, следующим образом.

"Неоспоримый психологический закон, говорит Сигеле¹⁵⁸, что интенсивность возбуждения возрастает в прямом отношении к количеству лиц, которых оно коснулось в одном месте в одно время".

Объяснение этому явлению дает Эспинас на примере того, что происходит в собрании, где говорит оратор.

Допустим, что ощущение, испытываемое оратором, может быть выражено цифрой 10, и при первых его словах, при первом блеске его красноречия он передает не менее половины своего возбуждения слушателям, которым, пусть, будет 300. Всякий реагирует аплодисментами и удвоенным вниманием, и в результате получается то, что называется сенсацией. Это движение будет ощущаться всеми сразу, потому что слушатель занят аудиторией не менее, чем оратором, и его воображение властно поражается зрелищем трехсот людей, охваченных возбуждением, зрелищем, которое не может не произвести в нем, вследствие восприимчивости человека к внушению (нравственная зараза), действительного волнения. Допустим, что он воспринял только половину этого возбуждения, и посмотрим на результаты. Полученное им впечатление должно быть выражено уже не цифрой 5, но половиной пяти, умноженной на 300, т.е. 750.

Если применить тот же закон к тому, кто стоит и держит речь этой затаившей дыхание толпе, его внутреннему возбуждению будет соответствовать не цифра 750, но произведение 300 на 750/2, так как он является фокусом, в котором сосредоточиваются полученные от него впечатления этих глубоко взволнованных людей.

¹⁵⁸. "Преступная толпа", опыт коллективной психологии; изд. 1893 г., стр. 63.

Конечно, в виду произвольности взятых цифр Эспинасом и других погрешностей, определение величины возбуждения является далеко не точным, но верность общего хода мысли дает приблизительное понятие о нарастании впечатлений в толпе.

Очевидно, что наиболее увеличивается напряжение тех свойств человека, которые являются общими для большинства; напомним приведенное нами выше объяснение, отчего обобщающим элементом в психологической толпе являются чувства.

Таким образом, наиболее свойственные всем людям чувства не только просто суммируются, но, кроме того, в значительной степени увеличиваются в своем напряжении.

Вследствие этого основным свойством индивида толпы является **значительно увеличенная эмоциональность (чувство) и крайне уменьшенная рассудочность**. Наблюдения над явлениями коллективной психологии вполне подтверждают это.

Из этого основного свойства вытекают все специальные свойства, которые характеризуют толпу, а именно: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенная чувствительность и т.п.

Но это как раз те свойства, которые наблюдаются у существ, принадлежащих к низшим формам эволюции, как то: дикарей и детей.

В силу вышеизложенного, можно сказать, что *психологический механизм перехода собрания людей в психологическую толпу заключается в понижении человеческих качеств индивида, так сказать, в озверении*.

На лестнице душевных явлений - явления чувства занимают первую ступень; затем следуют умственные и, наконец, волевые явления. Эволюционируя в обратном порядке, мы начинаем с утраты воли, потом разума и, наконец, инстинктов, тем более проявляющихся, чем полнее потеря первых двух свойств. Индивид, душевные свойства которого сведены к свойствам чувства, является, очевидно, бессознательным, односторонним, впечатлительным, изменчивым, импульсивным, легковерным; всякие воззвания, образы, все достояние нашей чувственной жизни легко влияют на него.

Это именно те свойства, которые, как мы только что говорили, исследования по коллективной психологии считают специальными

свойствами толпы.

Индивид толпы лишается всякой воли и поэтому попадает под абсолютное влияние того, кто захочет им управлять, а также внешних впечатлений. Сила, которую получает внушение в толпе, способствует немедленному обмену чувств, которые поэтому становятся всеобщими, почему получается единство чувствований толпы. Стремление, вследствие импульсивности, немедленно перейти к действию создает единство действия.

Допуская эту теорию, мы должны допустить и вытекающее из нее следствие.

Всякое собрание, будь оно импровизированное (случайное) или заранее организованное, может обратиться в психологическую толпу. Измысливать средства для невозможности образования психологической толпы бесполезно, потому что толпа может образоваться везде, необходимы только известные условия.

Какие условия могут считаться благоприятными для превращения собрания людей в психологическую толпу.

Изучение этих условий составляет важнейшую задачу коллективной психологии, которая еще мало разработана.

Попробуем посылить установить, хотя бы в самых общих чертах, природу этих условий.

Во-первых, все, что уменьшает рассудочные и волевые способности человека, вполне понятно, является благоприятными условиями для объедине-

ния индивидов в толпу. Сознательная личность индивида исчезает, исчезает вместе с этим и его индивидуальность. Значение чувств увеличивается, а последние и составляют спайку индивидов толпы.

Во-вторых, все, что односторонне ориентирует мысли, в особенности же чувства. Благодаря этому получается объединение, которое и составляет характерную черту психологической толпы.

В-третьих, все, что влияет на усиление восприимчивости человека к внушению, так как внушение есть тот фактор, который обуславливает соединение людей в толпу.

Таким образом, мы установили три условия:

1) Уничтожение главнейших препятствий к слитию индивидуумов в толпу, то есть уничтожение их индивидуальности (разум и воля).

2) Объединение индивидуумов единым чувством или инстинктом.

3) Увеличение восприимчивости человека к внушению, т.е. усиление взаимодействия чувств.

Бой представляет условия крайне благоприятствующие явлениям коллективной психологии.

Теперь обратимся к рассмотрению, какие условия представляет в этом отношении бой.

Для наших выводов будем пользоваться, как послылками, выводами, установленными в преддущей главе.

1) *Боевая обстановка стремится парализовать рассудочные способности бойца.*

Это как нельзя лучше способствует исчезновению сознательной личности, что является одним из благоприятных условий для образования "психологической" толпы.

2) *Овладеть сознанием бойца с все большей и большей силой стремится инстинкт самосохранения.*

Это имеет следствием ориентирование чувств и мыслей бойцов в определенном направлении, что составляет тоже одно из условий для объединения толпы в одно духовное целое.

Влияние боевой обстановки в этом отношении тем сильнее, что инстинкт самосохранения принадлежит к одним из сильнейших факторов в эмоциональной природе человека. Чувство страха, как показывает исследование общественной жизни, составляет один из сильнейших объединителей толпы в психологическое целое¹⁵⁹.

3) *Внутреннее состояние человека в бою есть борьба двух противоположных стремлений.*

В силу этого, в тех случаях, когда положительное стремление одержит окончательно верх над отрицательным, оно тоже послужит ферментом для полного объединения толпы. Ведь бороться со столь сильным инстинктом, как инстинкт самосохранения, может только

¹⁵⁹. Интересным примером в этом отношении может служить эпидемия, известная под названием "Большого страха", которой подвергся центр Франции во время великой революции. - См. Кабанес и Л. Насс, "Революционный невроз", стр. 10-18.

чувство, обладающее крайним могуществом. Поэтому сама победа положительного стремления над отрицательным тоже будет иметь следствием одностороннее ориентирование чувств и мыслей бойцов, т.е. объединение их в психологическую толпу.

4) *Внутренняя борьба, переживаемая бойцом, в силу своей напряженности, имеет следствием то, что до окончательного волевого кризиса большая часть бойцов находится в состоянии нерешительности, внимание их рассеяно, разум затуманен, т.е. в состоянии духовной пассивности; это состояние соответствует психическому состоянию человека в гипнозе.*

Подобное состояние представляет самые благоприятные условия для внушения. Очевидно, что внушение может проявляться легче всего в том случае, когда оно проникает в психическую сферу, при отсутствии сопротивления со стороны "я" субъекта или, по крайней мере, при пассивном отношении последнего к предмету внушения.

Таким образом, духовное состояние человека в бою представляет самую благоприятную почву для усиленной восприимчивости человека внушению, а последнее есть главный деятель в объединении толпы в одно целое.

Итак, мы видим, что бой представляет условия, в которых психологический закон духовного единства толпы может проявиться с наибольшей силой.

Группы бойцов, как бы прочно они ни были организованы, все более и более стремятся превратиться в психологическую толпу, причем с течением боя (т.е. с увеличением опасности) стремление это все увеличивается.

Поэтому конец боя мы в праве считать областью, где всецело господствуют явления коллективной психологии, и где объединение бойцов в психологическую толпу достигает своего апогея.

В заключение настоящей главы, мы не только можем подтвердить замечание E. Ferri¹⁶⁰,

¹⁶⁰ Стр. 351, примеч. "Nouveaux Horizons", 2-е изд. (цитировано у Сигеле "Преступная толпа", стр.15).

что между психологией, изучающей человека, и социологией (а следовательно, и наукой, изучающей бой) нужно поместить коллективную психологию, но мы должны еще больше выделить значение этой науки для исследования боя.

Явления общественной жизни подчиняются законам коллективной психологии, бой же создает особо благоприятные условия для господства явлений этого характера. А отсюда следует, что, так как ни одна из областей человеческой деятельности не представляет в этом отношении более благоприятных условий, то коллективная психология для собственного своего развития должна прежде всего обратиться к явлениям боя. Употребляя общепринятый термин "военные науки", можно сказать, что коллективная психология должна быть наиболее "военной наукой", чем все прочие.

**Цель
настоящей
главы.**

В предыдущей главе мы доказали, что бой стремится всякую группу бойцов, будь она организованная или импровизированная, превратить в психологическую толпу. Боец под влиянием обстановки боя все более и более сливается с окружающей его массой бойцов; теряя свою индивидуальность, он становится неотделимой частью этой массы.

Если мы говорили выше, что деятельность человека в бою редко рассматривалось с точки зрения влияния на нее опасности, то еще реже исследователи считались с природой явлений толпы.

Между тем опасность и масса — вот две главные данные, которыми определяется духовная деятельность человека на поле брани. В главе II мы рассматривали деятельность человека под влиянием опасности; в настоящей главе мы постараемся изучить деятельность бойца в зависимости от этих двух данных.

Но в самом начале главы мы считаем нужным подчеркнуть следующее: степень превращения отдельной личности в индивида толпы (массы) имеет великое множество градаций. Все, на что мы будем указывать, как на свойства *массового бойца*, — *присуще бойцу в большей или меньшей степени в прямой пропорциональности к тому, насколько он слился с массой. Когда это слияние полное, то свойства массового бойца выражаются наиболее резко.*

**Основное свойство
"массового" бойца —
крайне увеличенная
эмоциональность
(чувства) и сильно
уменьшенная
рассудочность.**

Главное свойство индивида, слившегося с толпой, это — *крайне увеличенная эмоциональность и сильно уменьшенная рассудочность.* Когда объединение индивида с толпой достигает полной силы, когда люди составляющие толпу сливаются с ней настолько, что толпа принимает характер единого существа с единой волей, всецело подчиняющегося закону духовного единства толпы, тогда рассудочность толпы падает до нуля, преувеличение же чувствований возрастает до высшего напряжения.

В главе II мы выяснили, что под влиянием опасности рассудочность бойца уменьшается, и все большее значение в деятельности

человека получают чувства и инстинкты. Таким образом, увеличение значения чувств и инстинктов в деятельности бойца подталкивается *не одной, а двумя причинами*, а потому оно должно идти ускоренным темпом.

Следствия вытекающие из этого основного свойства: Рассмотрим теперь, какие следствия вытекают из основного свойства массового человека, действующего на поле битвы.

1) Импульсивность и изменчивость "массового" бойца.

Исследования по коллективной психологии указывают, что толпа (психологическая) почти исключительно управляется бессознательным. Ее действия гораздо более подчиняются влиянию спинного мозга, нежели головного, и в этом отношении индивид толпы приближается к первобытным существам. Совершенные толпою поступки могут быть превосходны сами по себе, но, так как ум не руководит ими, то индивид толпы действует сообразно случайностям. "Массовый" боец, как индивид толпы, служит игралищем всех внешних возбуждений и отражает все их перемены; он, следовательно, рабски покоряется импульсам, которые получает.

Отдельный индивид может подвергаться тем же возбуждениям, какие действуют на него в толпе, но, изолированный от толпы, он уже подчиняется рассудку и может противостоять влиянию этих возбуждений. Физиологически это можно выразить так: изолированный человек обладает способностью подавлять свои рефлексy, тогда как индивид толпы этой способности не имеет¹⁶¹.

Поэтому "массовый" боец немедленно воплощает в действие полученные им возбуждения. Он бежит вперед или назад, но непременно бежит.

Различные импульсы, которым повинуются массовый боец, могут быть, смотря по характеру возбуждений, героическими или трусливыми, но они всегда настолько сильны, что никакой личный интерес, даже инстинкт самосохранения, не в состоянии их подавить.

¹⁶¹. Густав Лебон, стр. 174.

Из импульсивности "массового" бойца вытекает, что в те минуты боя, когда закон духовного единства толпы получает полную силу, — боец:

1) стремится немедленно воплотить в действия полученные им возбуждения;

2) он служит игралищем всех внешних побуждений и отражает все их перемены, т.е. рабски покоряется тем импульсам, которые получает;

3) в массовом бойце, как в индивиде толпы, нет преднамеренности: он может последовательно переходить от одного совершенно противоположного чувствования к другому, но всегда он находится под влиянием возбуждения минуты.

При этом надо заметить, что, если все желания бойца, ставшего индивидом психологической толпы, какого бы характера они ни были, всегда бывают очень страстными, то они продолжают весьма недолго; толпа неспособна проявить настойчивую волю.

Так как возбудители, действующие на бойца на поле брани, могут быть совершенно противоположного характера, то отсюда вытекает необыкновенная изменчивость "массового" бойца. Человек, ставший индивидом толпы, может последовательно пройти всю школу противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под впечатлением минуты. Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю.

В минуту решительной атаки часть, брошенная на штурм и победоносно приближающаяся к своей цели, вдруг вследствие какого-нибудь внезапного впечатления поворачивает назад и бежит от неприятеля, который уже близок был к поражению, причем это предельвается без всякой преднамеренности, под впечатлением минуты.

"Подъем на сопку был в высшей степени трудным", пишет подполковник Селивачев, описывая атаку 88-го пех. Петровского полка на Новгородскую сопку¹⁶², 3-го октября 1904 г.

¹⁶² Селивачев. "Петровцы на Путиловской сопке", стр. 21. Эта выдержка составляет продолжение описания, приведенного нами на стр. 85.

"Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса, "толпа в образе колонны", впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — "японцы бьют" поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымались наверх".

"На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность".

"Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что, поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию".

"Но, слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку".

Знание этого свойства массового бойца крайне существенно для искусства ведения боя. Благодаря этой изменчивости массового бойца так трудно руководить последними минутами боя.

Отсюда очевидно значение в период полного напряжения боя того, что называется в военном искусстве "случайностью". Но это господство для управления боем "случайности" есть свойство явления колебаний толпы, явления вполне нормального с точки зрения науки. Поэтому мы видим, что само признание наукой, исследующей бой, господства случайности для управления боем в известные минуты боя не может быть причиной упразднения науки о войне и теории военного искусства. Но кроме этого нужно еще указать, что, как показывает военная история, в одних войсках чаще слышно "ура", а в других "пропали". Для полководца, начальствующего над войсками, это может являться иногда случайностью, но, связав бой со всей предыдущей социальной жизнью народа, мы, наверно, найдем причины, обуславливающие известные предрасположения бойца.

При бессознательных действиях человека особую силу приобретают унаследованные им привычки (которые, собственно говоря, при долгой передаче из рода в род и образуют инстинкты) или традиции, привитые ему воспитанием. Но вполне понятно, что первые имеют преимущественное значение. Эти врожденные привычки бойца есть прямое следствие социальных факторов (народного характера, условий социальной жизни и т.п.). Этим бой, как явление общественной

жизни, тесно связывается со всей предшествующей войне жизнью народа¹⁶³.

Свойства "массового" бойца кроме того, что широко вводят в период боя, когда господствуют законы коллективной психологии, элемент случайности для управления боем (но не для науки), отражаются весьма существенно еще и в другом отношении. Уменьшенная рассудочность бойца и преувеличенная сила его чувств требуют, чтобы управление бойцом основывалась непосредственно на его чувствах. Поэтому те высшие начальники, которые во время боя не находятся с ним непосредственно рядом, хотя в начале боя и имели на него влияние, так как могли обращаться к душе бойца через посредство его разума, мало по-малу с течением боя утрачивают на него всякое влияние, если, конечно, непосредственно рядом с ним не присутствуют. Таким образом, управление бойцами с течением боя постепенно ускользает из рук высшего начальника и постепенно переходит все к младшим начальникам, и конец боя - это уже сфера непосредственного командования.

163. Следует ли сожалеть о том, что толпа никогда не управляется рассудком? Мы не решились бы утверждать это. Вряд ли голос рассудка мог бы увлечь человечество на путь цивилизации и сообщить ему ту горячность и смелость, которую вызвали в нем химеры. Без сомнения, эти химеры, дочери бессознательного, были необходимы. Каждая раса заключает в своей духовной организации те законы, которые управляют ее судьбой, и, быть может, она повинуетя именно этим законам, движимая роковым инстинктом, во всех своих побуждениях, даже повидимому самых безрассудных. Иногда нам кажется, что народы подчиняются тайным силам, подобным тем, которые заставляют жолудь развиваться постепенно в дуб и вынуждают комету двигаться по своей орбите.

То небольшое, что мы можем узнать об этих силах, мы должны отыскивать в общем ходе эволюции народа, а не в отдельных фактах, из которых слагается, повидимому, эта эволюция. Если же принимать во внимание только такие изолированные факты, то может показаться, что историей управляют самые невероятные случайности. Разве это не вероятный факт, например, что несколько арабских шаек, вышедших из пустынь, в состоянии победить самую большую часть старого греко-римского мира и основать империю, еще более великую нежели империя Александра? Разве не невероятно также, что из старой иерархической Европы какой-то безвестный артиллерийский поручик мог царствовать над множеством народов и королевств.

Предоставим, следовательно, разум философам, но не будем требовать от него слишком большого вмешательства в дело управления людьми. Не при помощи рассудка, а всего чаще помимо него народились, такие чувства, как честь, самоотверженность, религиозная вера, любовь к славе и к отечеству, - чувства, которые были до сих пор главными пружинами всякой цивилизации. Густав Лебон "Психология народов и масс", стр. 245, 246.

2) Преувеличение чувств и односторонность "массового" бойца.

Преувеличенная чувствительность и уменьшенная рассудочность массового бойца выражаются в том, что каковы бы ни были чувства его, хорошие или дурные, они получают чрезвычайную силу.

Преувеличение чувства обуславливается тем, что это самое чувство, передаваясь, как мы говорили в главе III-ей, очень быстро посредством внушения (нравственной заразы) соседям, вызывает всеобщее сочувствие, которое и содействует увеличению в значительной степени его силы.

Явление паники может послужить нам лучшим доказательством этого преувеличения чувств, которое, как мы утверждаем, свойственно "массовому" бойцу. Нужно указать впрочем, что паника принадлежит к числу тех военных явлений, о которых военная история не любит распространяться. Между тем паника - явление далеко не редкое. Поэтому паника должна была бы послужить предметом самого тщательного исследования. Понимать причины ее должен каждый военачальник, чтобы суметь предотвратить ее, насколько это возможно. Инстинктивное разрешение сложных вопросов жизни это удел гениев. Только они могут в мгновенный срок божественным предвидением познать природу явления и поступить так, чтобы направить течение этого явления согласно своему желанию. Пришел, увидел, победил, - вот девиз их по отношению к каждому вопросу, с которым им приходится встречаться. Один взмах меча Александра Македонского разрушает Гордиев узел, который не могли развязать поколения. Но это, повторяем мы, удел гения. Средний человек, средний начальник, - а имя им легион, и ими-то создается жизнь, особенно в настоящую эпоху, - не обладая даром божественного предвидения, вынуждены расчленивать свою работу познания явления и управления им. Они обязаны в тех случаях, когда результат затрагивает интересы государства, трудом и временем восполнить то, что отделяет их от гения. Вот от чего пора посвятить явлениям паники самые тщательные исследования.

"Я видел значительное число случаев паники, пишет генерал Трошю, некоторые из них имели ужасные последствия. А между тем нет явления более частого на войне, о котором в военной истории

менее говорится"¹⁶⁴.

Военная история в лучшем случае посвящает панике несколько строчек и упоминает о ней как бы мимоходом, совершенно не указывая подробностей; обыкновенно упоминают только о случаях паники, происшедших у неприятеля; о своих замалчивают.

Кто знает например во Франции, что в ночь, предшествовавшую Аустерлицкому сражению, на следующий день после Сольферино, в вечер после Ваграма, имели место паники во Французских войсках.

"Умалчивание о панике само собой объясняется, говорит генерал Трошю, противник не преминувший бы воспользоваться ее, большею частью не знает о ней, а реляции своих, вполне естественно, умалчивают. Но зло, о котором не говорят, не есть зло предотвращенное. Таким образом, о предотвращении паники думают только тогда, когда она случится, т. е. когда уже ничего нельзя сделать"¹⁶⁵.

"А между тем верное описание того беспорядка, который встречается в критические минуты на поле битвы, представило бы драгоценный источник для размышления и изучения тех лиц, которые призваны к чести командовать". Это справедливое замечание находится в описании Французского генерального штаба сражения 18-го августа 1870 г. (*Revue d'Histoire*).

Нельзя не обратить внимания на беспристрастное отношение некоторых немецких писателей, которые дополнили официальное описание войны, изданное германским генеральным штабом, описав случаи паники, имевшие место в победоносных германских войсках в войне 1870-1871 гг.

В настоящее время известны те случаи паники, которые имели место в прусских войсках 18-го августа 1870 г. в окрестностях Правелотта.

Упоминаемая *Revue d'Histoire* тоже вступила на этот путь. Она беспристрастной рукой старается сорвать покрывало с тех явлений войны, о которых обыкновенное мнение считает полезным умалчивать.

164. *L'Armée Française en 1867*, p. 246.

165. *L'Armée Française en 1867*, p. 247.

Она показывает, что в эту несчастную для французов кампанию не раз паника охватывала ряды бойцов.

Период революционных войн и войн Империи, с 1792 по 1815 г. (24 года), заливший кровью Европу, начался двумя случаями паники французов около Лилля в 1792 г. и кончился паникой у Ватерлоо 18-го июня 1815 года. Не следует думать, что в интервале между этими событиями паника была явлением редким. Полковник Вовилье (*Vauvilliers*) пишет, что после терпеливого расследования этого вопроса, он нашел упоминание о 300 случаях в течение этих 24 лет, считая только важнейшие.

Вот, для примера, краткое перечисление главнейших случаев паники, имевших место в войну 1870-71 гг.

14-го августа	1870 г.	Пруссаки: паника девяти рот около Ловалье, сражение при Борни.
18-го августа	1870 г.	Французы: паника кавалерийской дивизии Клерамбо, сражение при С. Прива.
18-го августа	1870 г.	Пруссаки: три случая паники в войсках правого фланга, вечером в день сражения при С. Прива.
19-го сентября	1870 г.	Французы: паника батальона Зуавов в Шатильоне под Парижем.
10-го октября	1870 г.	Французы: паника в дивизии Мартино-Дешене, 15-го корпуса, вечером дня сражения у Артене.
5-го декабря	1870 г.	Французы: паника у Мотт-Беврон (отступление 1-ой армии от Луары на Вьерзон).
9-го декабря	1870 г.	Французы: паника дивизии Моранди у Шамбор.
28-го декабря	1870 г.	Французы: паника 17-го корпуса около Шатоден.
11-го января	1871 г.	Французы: паника в сражении при Мансе.
29-го января	1871 г.	Французы: паника дивизии Торнтон у Шаффуа.

1-го февраля 1871 г. Французы: паника в 18-м корпусе около форта Жу¹⁶⁶.

Здесь представлено вовсе не полное перечисление случаев паники, приведены только главнейшие из тех, о которых встречается упоминание. О скольких же случаях паники не упоминается!

Минувшая война, так больно отразившаяся в сердце каждого русского человека, не представляет исключения.

Напомним случаи паники после Тюренчена, Цзиньчжоу, Хайчена, Ляояна, Мукдена. Они были и у японцев, как например, после Цзиньчжоу и под Порт-Артуром.

"Паника, пишет Трошю, так же стара, как история; это доказывается самим словом паника, заимствованным из греческой мифологии¹⁶⁷. Во всех армиях были случаи паники, во всех армиях, могу сказать, они будут. Молодые войска, конечно, более подвержены им, чем войска обстрелянные; степень впечатлительности их характера тоже обуславливает панику, но ни одна часть войск в известный час не избегнет этой участи¹⁶⁸.

Таким образом, паника вовсе не есть явление исключительное. Ее проявление в более или менее резкой форме явление заурядное.

"Паника, пишет Бональ, которая вдруг охватывает часть войск, имеет в основе большую часть лишь воображаемую и ничтожную опасность. Но, чтобы она имела место, нужно, чтобы часть войск перед этим была сильно нравственно потрясена. В действительности, замечено во все времена, что паника чаще в конце боя или на следующий день после боя, чем в другие минуты".

Мы привели нарочно эти слова известного исследователя войны, генерала Боналя, чтобы подтвердить наши выводы; мы ведь утверждали, что обстановка боя стремится превратить каждого бойца в индивида толпы или, как мы условно назвали, в "массового" бойца, свойства же последнего - преувеличенные чувства и тенденция к

166. Daudignac. "Les realites du combat", p. 77-81.

167. Появлением толпе бога Иана объяснялся панический страх (примечание генерала Трошю).

168. "L'armee Francaise en 1867", p. 249.

крайностям.

Для того, чтобы дать картину этого преувеличения чувств, являющегося свойством массового бойца, приведем описание одного из случаев паники, произошедших на правом фланге прусских войск в сражении 18-го августа 1870 года.

На правом фланге немецких войск находилась 1-ая армия (Чертеж N 10, см. приложения). Части ее вступили около полудня в бой. После нескольких попыток, в начале 4-го часа дня, они захватывают ферму Сен-Гюбер. Затем войска 1-ой армии пытаются продвинуться вперед, но все их попытки терпят неудачу. Генерал Штейнмец приказывает II корпусу поддержать атаку.

Но пока со стороны немцев делались распоряжения для исполнения этого приказа, французы вдруг оживились. Вновь загремели батареи; часть французских войск двинулась в атаку. Это произвело страшное замешательство в расстроенных нравственно и физически истощенных боем немецких войсках; началось беспорядочное, неудержимое отступление, уподобляемое немецкими писателями "горному снежному обвалу". Ужас овладел тысячными толпами легко раненных и здоровых солдат, уклонившихся от боя, и искавших убежища в овраге ручья Манс¹⁶⁹.

Немецкая артиллерия на высотах Гравелотта встретила огнем наступление французов. Но с высоты Гравелотта нельзя было определить, продолжается ли атака французов или остановилась за восточной опушкой леса. Пока на артиллерийской позиции пребывали в неопределенности, вдруг по всему фронту, к югу от большой дороги, из западной опушки леса показались группы пехоты. В первое мгновение невозможно было определить, кто это были, свои или враги. Но вскоре убедились, что это была немецкая пехота, охваченная паникой. Люди, обезумевшие от страха, бежали на немецкую артиллерию. Артиллерийские офицеры выехали вперед; обнажив сабли, они

169. Михневич. "Война между Германией и Францией 1870-71 гг.", стр. 472; "Франко-немецкая война 1870-71 гг.", составлена военно-историческим отделением Прус. Генер. Штаба, перевод Риттера и Маслова, ч. 1, стр. 565.

старались образумить беглецов, грозя, что прикажут стрелять по ним из орудий¹⁷⁰.

Но ничто не помогало. Человек в таком состоянии не способен рассуждать. Не имея возможности их собрать и остановить, приложены были все усилия направить их за фронт артиллерии. Но это было невозможно. Охваченные ужасом, беглецы направлялись прямо на немецкие пушки. Энергичные крики артиллеристов не могли привести их в себя. Только уже очень далеко за артиллерией они остановились; офицеры всех родов оружия и всех чинов от лейтенанта и до генерала приложили для этого все свои усилия. Между тем часть французской пехоты, которая перешла в наступление, была не сильнее бригады; наступавшие французы не только не дошли до опушки леса, но, как доказывает расположение их убитых, атаковавшая часть остановилась в 225 шагах к востоку от опушки леса, после чего повернула назад и в беспорядке бежала на свою главную позицию. Немцы не могли этого сразу определить; они не знали, что только один огонь их артиллерии разбил порыв атакующего врага; ферма Сен-Гюбер поэтому неприятелем не была обратно отбита¹⁷¹.

В описании боя у Гравелотта мы встречаем указания еще на два довольно значительные случая паники в немецких войсках¹⁷². Мы не будем долее задерживать внимание читателя описанием этих двух, так как по внутренней своей картине они тождественны с только что описанным: *чувство страха получает такое напряжение, что человек совершенно лишается рассудка.*

Итак, мы видим, что, когда чувство страха овладевает массовым бойцом, оно выражается в такой интенсивной форме, которая в изолированном человеке встречается редко.

Это служит непосредственным доказательством того свойства индивида толпы, которое мы назвали *преувеличением чувств и одно-*

170. Hoenig. "24 heures de strategie de Moltke", p. 257, 258, 259, 260.

171. Hoenig. "24 heures de strategie de Moltke", p. 261.

172. Hoenig. "24 heures de strategie de Moltke", p. 265-268, 289-292.

торонностью.

Но, признавая это свойство "массового" бойца, мы должны признать и другое его следствие, а именно, что, если боец под влиянием массы способен на величайшую низость, трусость, то, с другой стороны, он способен также и к величайшему героизму, самоотвержению и к самым высоким добродетелям, при чем массовый боец значительно более способен к ним, нежели единичный.

История, действительно, убеждает нас, что, вызывая у индивида толпы чувство патриотизма, религиозности, легко его привести к полному самопожертвованию. История богата примерами. Только толпа способна к проявлению величайшего бескорыстия и величайшей преданности. Как много раз толпа умирала за какое-нибудь верование, слово или идею, которые она сама не понимала.

Итак, если боец под влиянием массы часто делается игрой низких инстинктов, то он вследствие этого же влияния способен проявить примеры высочайшего героизма, бескорыстия, абсолютной преданности химерическому или реальному идеалу в такой степени, в какой они редко встречаются даже у самых мужественных и нравственных людей. Эти качества массовый боец прилагает к делу бессознательно.

"Не будем слишком сетовать о том, что толпа управляется бессознательными инстинктами и совсем не рассуждает. Если бы она рассуждала иногда и справлялась бы со всеми непосредственными интересами, то, быть может, никакая цивилизация не развилась бы на поверхности нашей планеты, и человечество не имело бы истории¹⁷³.

Но кроме того, что следствием преувеличения чувств толпы является то, что толпа редко руководствуется личными интересами, тогда как личный интерес чаще всего служит важнейшим двигателем поступков отдельных индивидов, нужно указать еще на одно крайне существенное следствие.

Чувство мощи превращается в толпе в веру в свое всемогущество. Это и служит главной причиной того, что массовый боец спосо-

174. Густав Лебон. "Психология народов и масс", стр. 194.

бен к гораздо большему мужеству, чем одиночный. Теперь мы полнее можем понять психологическое значение массирования войск: оно - 1) увеличивает чувство мощи бойца сознанием поддержки, силы, а - 2) заставляет чувство мощи достигнуть страшной силы. Но последнее, напомним опять, есть средство обоюдоострое, так как масса способна, как мы видели выше, также и выказать величайшую трусость.

Итак, если в умственном отношении "массовый" боец понижается, то в области чувств под влиянием толпы он может подняться очень высоко или спуститься очень низко, но непременно впасть в крайность.

Поэтому у бойца в известные минуты боя могут обнаружиться самые дурные инстинкты, которые подавляются им самим в себе, когда он изолирован. Это и является причиной легкости, с которой самые добродушные солдаты совершают ненужные жестокости.

Преувеличение чувств массового бойца имеет огромное значение в драме, переживаемой им в бою. Благодаря тем свойствам, которые приобретает индивид толпы, колебания его между теми двумя основными стремлениями, борьба между которыми и составляет то, что мы назвали драмой боя, - становится гораздо большими. Боец предается одному из этих стремлений (положительному - "победить", отрицательному - "уклониться от опасности"), с той чрезвычайной страстностью, на которую способен только индивид толпы.

Пример. Обратимся к военной истории. Мы приводим здесь выписку из очень интересного документа - воспоминания майора Квитко, документа замечательного описанием внутренней стороны боя. Это описание представляет самонаблюдение над тем, как боец под влиянием боя все более и более превращается в индивида толпы, как вместе с этим исчезает его сознательность, и он приобретает те свойства, которые мы охарактеризовали словом импульсивность; наконец, это описание дает рельефную картину того преувеличения чувств, о котором мы только что говорили, причем в данном случае власть над бойцом захватывает не инстинкт самосохранения, а чувство мощи, которое, достигнув наивысшего напряжения, вызывает безудержное, стихийное бегство вперед; боец в экс-

тазе стремится вперед к победе, во что бы то ни стало.

Приводимый пример (Чертеж N 11, см. приложения) относится к штурму 1-ой бригадой 5-ой пехотной дивизии Гривицких редутов 30 августа 1877 года.

"Было сыро, холодно, дождь моросил с утра".

"Но вот из-за бугра появился бригадный командир, храбрый генерал Родионов, заслуживший уже георгиевский крест под Никоподем. Он шел пешком. - Поздравляю вас с делом, обратился он к нам, с Богом, вперед, ребята!"

"Все встали".

"Как лежали люди в беспорядке, так и хлынули вперед, одни забегая на гору, другие подвигаясь неторопливо".

"Стоять, закричал Родионов, - что это за орава, в порядке идти. Живо построились и подравнялись люди в ротах и двинулись опять, но уже в совершенном порядке".

"Только что мы выбрались на первую площадку, редут сразу окутался дымом и огласился ревом орудий и перекатного ружейного огня. Одновременно и все другие неприятельские батареи, не видевшие нас до тех пор, накинудись на нас с ожесточением".

"Я оглянулся назад - мы перебежали одною длинною волнистою линией; впереди и в рядах были офицеры; за нами, как пастух, наблюдающий за своим стадом, шел генерал Родионов, не поспевавший за бегущими. Площадка начала усеиваться на каждом шагу телами падающих, но это уже сзади, впереди только победа и слава. Бегом спустились мы в овраг, там стало тише, только шрапнель звенела ежесекундно в вышине, обсыпая нас чугунным градом".

"Когда пришлось подниматься по крутому скату оврага к позиции, занятой нашею ротой, первый пыл остыл, солдаты приостановились, не доходя до гребня. "Отдохни, ребята", раздался кстати голос генерала".

"Прошло пять томительных минут; скорее бы все это кончилось, думалось каждому; то были самые тяжелые минуты, нервное возбуждение дошло до крайних пределов, выдержать долго такое настроение было невозможно; обязанность начальника в таком случае - поддерживать словом или примером дух своих подчиненных и не пропустить того мгновения, когда реакция может их обессилить. Но генерал Ро-

дионов сроднился с солдатом: он чувствовал, что тот переживает в эти минуты, и, когда настало время, он громким, спокойным, слышимым для всех голосом, проговорил: "Теперь пора; с Богом, вперед ребята".

"Солдаты поднялись, стали медленно всходить на гребень, подаваясь вправо, пригнув головы, как бы откладывая еще на мгновение необходимость вступить под огонь страшного редута. Вдруг опять разразилась стихшая на минуту гроза, орудийная и ружейная пальба слились в один общий гул - чудовищный рев ада, вооружившегося для защиты избранного клочка земли".

"Наши дрогнули, одни попятнулись назад, масса кольхнула влево, не решаясь идти вперед; в это мгновение Шлиттер¹⁷⁵ шагнул к редуту, и все двинулось за ним".

"Наши солдаты бежали, держа ружья на переверс; они редели с каждым пройденным шагом, не слышно было их торжествующего "ура"; непрерывный грохот выстрелов смешивался со стоном свинцового града, пронизывавшего воздух".

"Пороховой дым застал всю площадку; мы бежали в темно-сером тумане; кругом ничего не было видно".

"Мы бежали вперед, не замечая тех, что спотыкались и ложились сзади скорченными трупами. Один из первых пал Шлиттер, пала большая часть офицеров, но теперь могучий, стихийный порыв не мог уже быть остановлен ничем. Бежавшие рядом со мною останавливались, вступали с кем-то в борьбу; то были волчьи ямы с засеженными турками, но никому до них не было дела, все бежали все вперед и вперед, изо всех сил, как будто на перегонки. Дым густым слоем скрывал все вокруг, оглушительный рев наполнял воздух; бежал я в каком-то чаду, с одним лишь сознанием, что этот ад может прекратиться только тогда, когда мы добежим до места; сквозь серый туман дыма не видно, откуда грозит опасность, не страшно, и, если бы не падали один за другим бегущие рядом, то не было бы и сознания опасности. Бежали мы, должно быть, не более минуты, но этот короткий промежуток времени длился столько, сколько может длиться время для падающего с высоты. В начале мы окунулись в свинцовый

¹⁷⁵ Полковник Шлиттер был командиром Архангелогородского полка.

вихрь, как бросаются в холодную воду, потом нас охватил чад, порыв, стремление вперед, и это стремление было так сильно, что могло быть остановлено только истощением или смертью".

"Я боялся опоздать к взятию редута; сквозь облако порохового дыма не было видно, далеко ли наши впереди; я силился только догнать двух солдат, скрывавшихся в серой мгле, и чуть не обрадовался, когда один из них упал, а другой исчез куда-то, как будто провалился сквозь землю и, действительно, провалился: я сам едва удержался на краю глубокого черного рва, открывшегося вдруг под ногами. Остановившись на мгновение, я огляделся. За рвом поднималась высокая насыпь, на гребне которой суетливо стреляли в нас турки; один из них, громадного роста, в белой чалме, пригнулся ко мне; раздался выстрел, блеснул огонь, и пуля просвистела около уха. Слава Богу, промах, мелькнуло у меня в голове, и я прыгнул в ров; там была не то возня, не то борьба; я торопился туда, наверх внутрь укрепления, чтобы не быть из последних; наверно там шел уже настоящий бой, один на одного, как бы рыцарей средних веков, а не бойня из-за угла, где не видно, откуда налетает смерть".

"В рукопашном бое о револьвере не думается, с малолетства привыкли для самозащиты действовать кулаками и, вероятно, потому доверяем более силе удара, чем действию огнестрельного оружия. Я вынул шашку и стал карабкаться по скату рва; мне помогали солдаты руками и прикладами. Земля мокрая, скользкая, так что с трудом взобрался я к основанию вала. Предо мною была высокая насыпь, но левее обвалилась земля; то была амбразура, а за нею опять дым, выстрелы; вероятно - наши уже там. В два прыжка очутился я против дула орудия, а с третьим опрокинул подвернувшегося мне турецкого солдата. Один турок, с исковерканным от ужаса или злобы лицом, бросился ко мне. Моя шашка свистнула, и протянутая ко мне рука, перерубленная пополам, повисла на сукне его мундира. Только тут заметил я устремившихся на меня со всех сторон турок, одних турок; наших в редуте не было. Я был совершенно один. Признаюсь, ужас охватил меня. Отмахиваясь шашкой, я вскочил на пушку, как на ступень, чтобы сквозь амбразуру выбраться назад к своим, и при этом крикнул, что было мочи: "сюда, братцы, сюда, выручайте", но наши уже лезли в укрепление. В этот миг что-то ударило меня в

грудь, и я упал под орудие. Падая, я видел, как хлынули ко мне турки, но в то же время услышал, над собою русское победоносное "ура". Голова закружилась, я более ничего не видел, но почувствовал, что несколько рук меня схватили; я старался укунить поднимающих меня, боролся отчаянно, думая, что то турки хотят меня увести; я силился крикнуть: "помогите, спасите, братцы", но голос у меня исчез, как бывает во время страшного сна; наконец я понял произносимую около меня знакомую речь: "свои, ваше высокородие, свои". Радость дала мне силы прийти в себя, в редуте были только наши. С участием смотрели мне в лицо солдаты: молодой прапорщик, бывший в передовой роте, тоже здесь: он обнимает и целует меня. Так весело, так радостно, если бы только не так болела грудь, если бы не было того клокотанья под мышкой, как усиленный бой большого сердца. "Вы ранены?" спрашивают меня офицеры. Я сам не знаю, рана ли это или контузия. Под мундиром, расстегнутым во время бега, рубашка с правой стороны вся в крови, но я владею, хотя и слабо, правой рукой и дыхание освободилось, значит - рана или контузия не опасна".

Из вышеприведенной выдержки воспоминаний майора Квитко мы можем заметить, как по мере приближения к редуту стихийность боя увеличивается: как боец все более и более превращается в индивида толпы и, наконец, совершенно сливается с массой, приобретая все положительные и отрицательные качества "массового" бойца.

Изменчивость, которая свойственна ему, заставляет полководца стараться возможно долее удерживать бойца от окончательного превращения его в индивида толпы. С другой стороны, единственный человек не способен к такому героизму, как индивид толпы; поэтому наступает в бою минута, когда это превращение становится необходимым. Вполне понятно, что желательно возможно ближе подвести к неприятелю более или менее сознающего бойца с тем, чтобы, уже на коротке, выпустить его в массу на противника, как пулю в упор. Это тем более нужно, что, как мы уже указывали, если все проявления в деятельности индивида толпы отличаются крайнею страстностью, заставляют его забывать все, даже инстинкт самосохранения, то, с другой стороны, проявления эти не могут быть долги - толпа не способна проявить упорную волю.

Понимая природу явлений войны, генерал Родионов делает все, чтобы возможно долее задержать окончательное превращение бойца в "массового". Но, когда настала решительная минута, генерал Родионов со словами: "теперь пора, с Богом вперед", бросает массу на редут. Бессознательность индивида толпы великолепно передана в дальнейшей части выдержки.

И вот, несмотря на руководство выдающегося и опытного начальника, несмотря на высокий нравственный элемент атаковавших войск, ибо Архангелогородский и Вологодский полки заслужили в войне 1877 и 1878 гг. славное боевое имя, - несмотря на это, вследствие указанных нами выше свойств массового бойца (изменчивость) встречается такая минута:

"Наши дрогнули, одни попятнулись назад, масса колыхнулась влево, не решаясь идти вперед"...

Но что же двинуло эту массу вперед. Не голос, не управление того выдающегося военачальника, как генерал Родионов, решили в этот бессознательный период боя участь его, а личный пример командира Архангелогородского полка.

"Покойный Шлиттер, пишет в своих воспоминаниях генерал Паренсов, был огромного роста, выдающегося роста, очень крепкого сложения, весьма внушительной наружности, уже украшенный Георгием за отличие на Кавказе. Даже в Преображенском полку он выделялся своим ростом и своей фигурой; можно себе представить, каким гигантом выглядел он среди маленьких армейцев. И вот этот гигант, тоже опытный боец, оценивает положение: когда "наши дрогнули... попятнулись назад", он "шагнул к редуту", - и результат налицо: "все двинулись за ним"¹⁷⁶.

Здесь мы подошли к другому свойству массового бойца, а именно - необыкновенной податливости его внушению (нравственной заразе).

176. Паренсов, ч. II, стр. 135.

3) **Необыкновенная податливость "массового" бойца внушению.**

Мы уже говорили, что одно из свойств индивида толпы это *необыкновенная податливость внушению*. Мы тоже указывали выше, что во всякой толпе *внушение становится заразительным*, и этим объясняется *быстрое ориентирование чувств и мыслей в определенном направлении*. Первое формулированное внушение тотчас же передается, вследствие заразительности, всем индивидам, и немедленно возникает соответствующее настроение. Вследствие импульсивности бойца, идея, овладевшая умом, стремится сейчас же выразиться в действии. "Массовый" боец под влиянием внушений так же легко панически побежит, как и совершит какой-нибудь высший акт самоотвержения, — все будет зависеть от природы возбудителя, а не от тех отношений, которые у изолированного индивида существует между внушенным актом и суммой рассудочности, противодействующей его выполнению.

Относительно значения внушения на поле битвы мы встречаем очень интересное указание у генерала Трошю в его "L'armee Francaise en 1867" (стр. 254). Генерал Трошю говорит, что энергия и находчивость некоторых маршалов поднималась и падала в зависимости от того, был ли близко Наполеон, или отсутствовал.

В своей статье "Наполеон" генерал Драгомиров описывает прием Наполеона, который он применял в минуту духовного напряжения боя для массового внушения.

"Столкновение начиналось обыкновенно часов около пяти утра. Наполеон, избрав себе недалеко от резерва место, с которого открывался большой кругозор на поле битвы, следил за ее ходом, прогуливался, разговаривал с приближенными, принимал донесения, посылал приказания, а когда нужно, и выговоры, давал подкрепления только тем, которые, он знал, даром не попросят; но чаще в них отказывал. Дело с разными перипетиями тянулось таким образом до 4-х часов пополудни. Тогда он садился верхом, и все знали, что это значит: готовился *coup de collier*. В резерве раздавалось восторженное *Vive l'Empereur!* которое перелетало в боевые линии, покрывало все боевые голоса, и когда доносилось до противников, у них сердце падало, ибо ожидался удар по всей линии, а кто же знал, где и как он обрушится".

Таким образом, в ту минуту боя, когда, после одиннадцати-двенадцати часовой подготовки назревал психологический момент боя, когда начинает господствовать в деятельности бойцов закон толпы, когда боец превращается в существо, лишенное индивидуальности, зависящее всецело от того толчка, который будет дан ему извне или внушением, — Наполеон простым, но постоянно практикуемым приемом в связи с тем необычайным успехом, который всегда сопровождал его военные предприятия, внушал всем бойцам тот экстаз, на который только способна толпа. Этим же приемом он внушал неприятельскому бойцу, после одиннадцати, двенадцати часового нравственного и физического истощения, который под влиянием обстановки боя, тоже превращался в индивида толпы, идею чего-то страшного, которое сейчас же обрушится на него, что легко приводило его к панике¹⁷⁷.

Одним из наиболее сильных доказательств верности нашего утверждения о необыкновенной податливости массового бойца внушению служит давно уже замеченное явление, что в критические минуты боя особенное значение приобретает личный пример. Последний есть не что иное, как внушение (нравственная зараза). Примеров этому можно привести бесчисленное множество.

В введении мы говорили, что практическое знание во всякой отрасли знания первоначально шло впереди науки; поэтому, обратившись к военной истории, мы увидим, что все военачальники, заслужившие на полях брани почетное место в истории, — все практически знали это свойство бойца и пользовались им. Они знали, что успех в бою требует умения увлечь, фанатизировать солдата. А для этого лучшее средство в минуты психологического напряжения боя — это личный пример. Храбрость начальника заразительна. Она электризует массы и вселяет в них страсть к победе, доходящую до экстаза. Возьмем один из эпизодов боя 30-го августа под Плевной, который служит нам основным примером.

Когда 30-го августа, двинувшиеся с 3-го гребня Зеленых Гор

177. Драгомиров. "Четыре очерка. Наполеон"; стр. 164, 165.

на турецкие редуты, батальоны, несмотря на поддержку Ревельским полком, остановились в 400-500 шагах от неприятеля. генерал Скобелев приказал, как мы уже говорили на стр. 105, находившимся у него в резерве Либавскому полку и 11-ому и 12-ому стрелковым батальонам поддержать атаку.

Эти пять батальонов подтолкнули боевую линию вперед (Чертеж N 6, см. приложения). Но это движение сначала довольно энергичное и быстрое, пошло затем "все медленнее"¹⁷⁸.

К довершению трагичности этого "все медленнее", в эту критическую минуту свежие силы турок, вышедшие из Плевны в пространстве между редутами Исса-ага и г. Плевной, перешли в наступление. Это наступление, весьма энергичное, обрушилось на наш правый фланг, благодаря близости обеих борющихся сторон и укрытиям, представляемым городом и строениями его окраины, - почти внезапно.

"Известно как поражает всякая неожиданность, пишет генерал Паренсов¹⁷⁹, тем более страшная. Известно также, как влияет на войска удар во фланг, обход... и если принять во внимание психическое состояние, напряженность нервов, а следовательно, до высшей степени доведенную впечатлительность, находившихся на этих страшных скатах, наших войск, то станет понятно, что настала минута критическая. Настала та минута, когда или все назад, самовольно, без команды, стихийно... или переворот, подобный тому, какой был при штурме Гривицких редутов, появление отдельных героев, всех за собою увлекающих".

Для описания дальнейшего самое лучшее повторить рассказ начальника штаба генерала Скобелева, бывшего непосредственно рядом с ним.

"Дрались в рукопашную. Наш правый фланг приостановился; фронт и левый фланг были тоже близки к остановке".

178. Куропаткин. "Ловча и Плевна", часть 2-я, стр. 461.

179. Паренсов, т. II, 262.

"Успех боя окончательно заколебался. Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв, - самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня на половине ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно, спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далека в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала его. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута. Минута эта настала: генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окунулся".

"Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, спустился, или вернее, скатился, к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту N 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, - настолько Скобелев был уже популярен между войсками. Отступавшие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним, на смерть. Его громкое: "вперед ребята", придавало новые силы. Турки, занимавшие ложементы перед редутами N 1, не выдержали, оставили их и бегом отступили в редуты и траншею между ними".

"Вид отступающих от ложементов турок воодушевил еще более наших. "Ура", подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линии. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшиеся, охрипшие от крика, наши войска за Скобелевым все лезли и лезли вперед. Двигались нестройными, но дружными кучками различных частей и одиночными людьми. Огонь турок точно ослабел, или действие его, за захватившею всех решимостью дойти до турок и все возрастающую уверенность в успехе, стало менее заметным. Казалось, в рядах турок замечалось колебание. Еще несколько тяжелых мгновений, и наши передовые ворвались с остер-

венением в траншею и затем: в 4 часа 25 минут пополудни, в редут N 1-й¹⁸⁰.

Чрезвычайная податливость бойца, превратившегося в индивида толпы, внушению (нравственной заразе) имеет крайне важное следствие. Во II главе мы указывали, что увеличение напряжения опасности в бою заставляет все большее и большее число бойцов отказываться (уклоняться) от боя. Но это уклонение от боя при том чрезвычайном предрасположении к нравственной заразе, которая присуща бойцу, утратившему свою личность, легко может заразить всех бойцов, даже самых храбрых. Таким образом, *отказ отдельных людей превращается в отказ всего целого*, что есть конец боя и поражение.

Но этим не ограничивается влияние разбираемого свойства бойца. Всякий бой состоит как бы из целой серии рядом происходящих боевых столкновений, назовем их очагами боя. И вот под влиянием нравственной заразы чувство мощи или чувство страха легко может передаваться из одного очага боя к другому; *в силу этого победа или поражение на одном пункте в минуты, когда боец до известной степени приобрел уже свойства индивида толпы, охватывает всю боевую линию, т. е. становится общим.*

4) Болезненное развитие воображения у "массового" бойца.

Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая стремлением скорее перейти к действию, уподобляясь тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, чрезвычайно легковерна. Невероятность для нее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычайная восприимчивость солдата ко всяким слухам в бою. Солдат самый неразвитый, когда дело доходит до боя, жадно прислушивается ко всем толкам, которые ходят в армии, — это гр. Толстой подметил весьма верно в своем романе "Война и Мир".

Как у всех существ неспособных к рассуждению, воспроизводительная способность воображения индивида толпы очень развита,

¹⁸⁰. Куропаткин. "Ловча и Плевна", часть 2-я, стр. 462.

очень деятельна и очень восприимчива. Живя почти исключительно чувствами, толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, вследствие преувеличенных чувств, по своей живости почти равняется реальным образам. Толпа до некоторой степени напоминает спящего, рассудок которого временно бездействует, и в уме которого возникают образы чрезвычайно живые, но эти образы скоро рассеялись бы, если б их можно было подчинить размышлению. Вызванный в воображении толпы образ вызывает другие, которые вследствие ее уменьшенной до крайности рассудочности не имеют часто никакой логической связи с первым. Толпа совсем не отделяет субъективного от объективного; она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемыми ей фактами. Казалось бы, что искажения, которые претерпевает какое-нибудь событие в глазах толпы, должны иметь разнообразный характер. Но ничуть не бывало. Под влиянием заразы эти искажения имеют всегда одинаковый характер для всех индивидов. Первое искажение, созданное воображением одного из индивидов, служит ядром заразительного внушения. Для впечатлительного человека достаточно бывает случайного незначительного сходства, какой-нибудь подробности, внешним образом напоминающей другое лицо, предмет или явление, для того, чтобы ему показалось, что это именно и есть то лицо, предмет, явление. Вызванное представление становится, таким образом, ядром для дальнейшей кристаллизации.

Для толпы, не способной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует ничего невероятного. Вследствие же преувеличенного развития чувств и тенденции непременно впасть в крайность именно невероятное всегда более всего поражает толпу и действует на нее.

Отсюда мы видим, что если внезапность, вообще имеет огромное значение в деятельности отдельного бойца, то с превращением бойца в индивида толпы она получает еще большее значение.

Наиболее рельефное выражение болезненного развития воображения — это галлюцинации.

Известны исторические примеры коллективных галлюцинаций. К числу таких относится, между прочим, видение небесной рати одним отрядом русских войск перед Куликовской битвой, видение крестосносцами закованной в латы и нисходящей с неба небесной рати под

предводительством св. Георгия, Димитрия и Теодора, видение светлого рыцаря на Елеонской горе, махающего крестом, во время штурма Иерусалима, известное видение креста на небе с надписью "сим победишь", испытанное Константином Великим и его свитой перед началом решительной битвы и мн. др.

Когда господствует в группе лиц то или другое настроение, и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица, особенно с психической неуравновешенностью, легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мысли, которые тотчас же путем невольного внушения словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

Особенно поучительным в этом отношении, по сопутствующим обстоятельствам, нам кажется, рассказ очевидца, переданный в "Разведчике" и цитированный у Бехтерева в его книге "Внушение и его роль в общественной жизни", массовой галлюцинации, случившейся в ночь со 2 на 3 июня в Андиганском гарнизоне вскоре после известной резни 18 мая.

"Андиганский гарнизон изнемогал под бременем все возрастающих трудностей караульной службы. Арестованные росли в числе с каждым часом: конвойная служба и дальние разведки поглощали ежедневно всю андиганскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма к близившемуся моменту казни; бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своих святых, своих коноводов и вожаков, причем многочисленным толпам головорезов, казалось, легко было бы стереть с лица земли андиганскую горсточку русских людей.

Если тем, кто знал полностью андиганские обстоятельства, положение рисовалось далеко не в розовом свете, представьте себе тех, до которых все это достигало в раздутых до химеричности формах, и вы себе легко представите состояние темной солдатской среды.

Особенно усердными поставщиками разных нелепостей в солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась в Андигане тревога, была темная-пре-темная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовал дождь, кажется, с

грозой.

Вновь прибывшие стрелки были расположены в казармах и в лагерях. Казармы тогда еще слабо освещались внутри, а бараки почти так же, как в роковую ночь 18 мая, т.е. весьма скудно. Все остальное пространство и города, и окрестностей тонуло в густейшем мраке.

Было за полночь. Солдаты и в казармах и лагерях спали вповалку, крепко держа ружья и ощупывая в просонках патроны. Тишина царствовала поистине удручающая и томящая.

Вдруг откуда-то издалека долетел какой-то неясный шум, заставивший всех нас вздрогнуть, а через секунду ужаснуться, а потом ахнуть, ибо шум все рос, рос... вот - уже это гомон толпы, вот вырываются отдельные дикие крики, потом целые снопы криков, визгов, воплей.

Потом ко всему присоединилось "ура", сначала редкое, потом громкое, потом громовое... победное "ура". "Ура" все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдруг затрещала ружейная пальба. Свидетель пришел в лагерь, когда еще один дневальный, приложившись, пускал последний заряд в догонку убежавшему врагу. В эту минуту все остальные люди стояли, уже построившись в своих бараках-навесах, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорил, куда он палил и сколько раз, но откуда пошла стрельба и тревога, никто толком не знал, ни в лагерях, ни на постах.

Между тем причиной ложной тревоги было то, что раненный в бреду вскочил и с воплями пустился бежать; после того повскакивали также и все остальные раненные.

Охотничья команда, ближайшая к лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и с криками "ура" бросилась на выручку своих раненых.

Это всколыхнуло лагерь. Люди стали вскакивать, напяливать на себя что попало, загалдели, заорали. Гаркнули "ура", которое, разрастаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнейших уголков гарнизона.

Потом кто-то бухнул в темноту из винтовки, и массовая галлюцинация выросла во всей своей красе, - все видели, слышали и

стреляли врага. Люди сделались глухи на секунды к голосу начальников, к сигналам.

К счастью все обошлось без потерь, если не считать нескольких ушибов и царапин¹⁸¹.

Случаи галлюцинации в деятельности человека как бойца не составляют редкости, в особенности в конце боя; наоборот, они должны представлять явление заурядное. То, что об них упоминается крайне редко в военно-исторических исследованиях, объясняется, во-первых, тем общим стремлением военных исследований обойти молчанием вопросы, соприкасающиеся с духовным элементом, а, во-вторых, тем, что галлюцинация, вследствие чрезвычайно благоприятных условий, представляемых боем, овладевает всеми участниками и что все участники вполне убеждены в реальности ими виденного.

Подобно тому как под понятием внушения нельзя понимать непременно внушение в гипнозе, так как последнее является только крайней формой внушения, тогда как внушение в менее резкой и менее полной форме есть непрменный участник всякого сношения между людьми, — так точно и галлюцинации, т.е. когда человек видит и слышит то, что в полном смысле слова не существует, — есть только наиболее крайняя форма галлюцинаций. Но еще до этого самого крайнего проявления, галлюцинации могут быть, так сказать, не полные, т.е. человек видит предметы или явления в искаженном виде. Вот подобные явления есть, как мы утверждаем, непрменный спутник боя. Это утверждение мы считаем в праве сделать по следующим основаниям. Принимая во внимание свойства индивида толпы, посмотрим, какие условия считаются наиболее благоприятными для галлюцинаций. Обратимся к книге Бехтерева: "Внушение и его роль в общественной жизни".

"Особенно благоприятными условиями для такой передачи, являются, господствующие в сознании многих лиц, идеи одного и того же

181. Бехтерев. "Внушение и его роль в общественной жизни". стр. 46-49

рода, одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно¹⁸².

Условия, представляемые боем, как нельзя более соответствуют вышеприведенным строкам. Поэтому мы считаем себя в праве заключить, что даже случаи чистой галлюцинации в боевой деятельности человека — явления далеко нередкие.

Чем, как не явлениями подобного рода, можно объяснить иногда на первый взгляд совершенно непонятные паники, напр., паника имевшая место в французских войсках после Ваграма¹⁸³.

Припоминая все вышеизложенное о чрезвычайно развитом воображении коллективного человека, об уменьшенной его рассудочности и, вследствие этого, нелогичности представлений, о стремлении его непременно впасть в крайность, и приняв во внимание условия боя, способствующие все большему и большему слиянию человека с толпой, мы считаем в праве установить закон: массовый боец учитывает исключительно воображаемые величины, которые не соответствуют действительным; его представления всегда грешат крайностью.

Поэтому "массовый" боец никогда не имеет представления о действительной опасности в бою. Когда его внимание привлечено опасностью, он всегда преувеличивает ее, он во власти иллюзий и галлюцинаций, причем, чем ближе к концу боя, тем более велико отклонение воображаемой опасности от действительной. Вот почему маршал Саксонский говорит, что при преследовании разбитого неприятеля можно гнать "avec de vesicles".

Крайнее развитие воображения есть слабость массового человека, но также и в этом его страшная сила: действительная опасность может быть фактически очень велика, но, если она не будет действовать на его воображение, то "массовый" боец не обратит на нее внимания, и она в полном смысле слова не будет для него существовать¹⁸⁴.

184. "Эпидемия инфлуэнцы, унесшая несколько лет тому назад в Париже около 5.000 жертв, очень мало подействовала на народное воображение. Эта настоящая гекатомба не выразилась какими-нибудь явственными образами, и на нее указывали лишь еженедельные статьи.

182. Бехтерев. "Внушение и его роль в общественной жизни". стр. 43.

183. General Dandignac. "Les realites du combat", p. 84-86.

Таким образом, не факты (опасность) сами по себе поражают воображение масс, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, если можно так выразиться, сгущаясь, эти факты представили бы такой поразительный образ, который мог бы всецело овладеть воображением толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот значит и обладает искусством ею управлять. Эта сила и слабость массового бойца была известна всем великим полководцам. В этом отношении удивительный пример представляет Наполеон. "Никогда еще со времен Александра и Цезаря ни один человек не умел лучше Наполеона действовать на воображение толпы", это говорит в своем классическом труде по психологии толпы Густав Лебон¹⁸⁵.

"Наполеон знал эту страшную силу, орудовал ею, как никто"¹⁸⁶.

тистические отчеты. Но какой-нибудь крупный несчастный случай, вроде, например, падения Эйфелевой башни, причем погибло бы не 5.000 человек, а всего 500 человек, но за то одновременно и в общественном месте, непременно подействовал бы гораздо сильнее на воображение толпы. Предполагаемая гибель одного трансатлантического парохода на том основании, что о нем долго не получалось известий, сильно поразило воображение толпы, между тем как официальные статистики указывают, что в одном только 1894 году погибло 850 парусных судов и 20 паровых. Эта гибель судов гораздо более важная, если смотреть на нее с точки зрения потери человеческих жизней и товаров, нежели гибель трансатлантического парохода, не произвела ровно никакого впечатления на толпу". Густав Лебон. "Психология народов и масс", стр. 204.

185. Густав Лебон. "Психология народов и масс", стр. 205.

186. Как пример из практики Наполеона, можем привести случай сражения при Лонато (5-го августа 1796 года). Это сражение происходило на весьма закрытой местности, по которой войска были разбросаны. Бонапарт со свитой и небольшим конвоем случайно наткнулся на 4.000-ную колонну австрийцев, от которой к нему подъехал офицер, с требованием сдачи: "Знаете ли вы, с кем говорите. Я - главнокомандующий, за мной вся армия. Как вы смеете... Доложите начальнику вашей колонны, что я требую от него немедленной сдачи; если оружие не будет положено через пять минут, я прикажу расстрелять всех до единого". И оружие владут и сдаются. Ложь, высказанная должным тоном, стала для австрийцев за целую армию, несуществующее - за действительное. Зачем, в самом деле, подлинная армия, когда добротный противник дает вам ее в собственном его воображении. Правда, дает благодаря страшной силе внушения. Можно

пишет Драгомиров, в деле подчинения воли миллионов людей его одиночной воле, и орудовал сознательно. Первым качеством полководца считает он "холодную голову", т.е. способность "не делать себе картин", как выражается он на своем языке, другими словами, способность не подчиняться, воображению, не делать из мухи слона"¹⁸⁷.

Особенную силу воображение получает в последние минуты боя когда свойства "массового" бойца всецело поглощают индивидуальность.

Как пример, вспомним один из первых опытов только что упомянутого великого полководца, а именно Арколе.

В последний день боя (17 ноября), когда наступил психологический кризис боя, Бонапарт продельвает совершенно театральную феерию, учитывая, что после трехдневного боя воображение неприятельского бойца уже возросло до чрезвычайной силы. Одновременно с фронтальным боем, он приказывает начальнику гидов, Герколю, двинуться со взводом отборных всадников и трубачей по закрытым и топким местам для нападения на левый фланг и тыл австрийцев. Трубные звуки, раздавшиеся в тылу, подействовали на воображение австрийцев так же точно, как если бы это был серьезный отряд, и они отступили, чтобы не быть отрезанными от своего пути отступления этим "сильным и опасным", отрядом¹⁸⁸.

Господствующая роль воображения имеет такое же важное значение и для положительного стремления бойца.

себе представить, сколько нужно было иметь в подобном положении самообладания, каким актером быть, чтобы не изменить себе ни взглядом, ни мускулом, ни интонацией голоса. Как после этого не сказать, что воображение есть нос, за который легко водить толпу. Даже в практике Наполеона это, кажется, единственный пример действия на воображение вооруженной чужой массы одним только словом, и пример более замечательный, что он относится к эпохе, когда Бонапарт еще не мог приобрести полного обаяния, которое впоследствии производил на противников, Драгомиров. "Четыре очерка. Наполеон", стр. 166.

187. Драгомиров. "Четыре очерка. Наполеон", стр. 167.

188. "Арколе. "Психологический очерк одного из первых опытов великого полководца. Извлечение из немецкого сочинения". С.В. А. Агапеев, стр. 27.

Сознание поддержки вызывает в бою увеличение чувства мощи. Но вследствие чрезвычайно развитого воображения имеет значение не сама поддержка, а воздействие на ее воображение. Равномерная, постоянная поддержка боевой линии "пакетиками" не будет иметь желаемого следствия, так как не будет ничего говорить воображению. Подход резервов в прежние времена, когда это допускалось условиями оружия, с музыкой и знаменами имеет за собой глубокий психологический смысл.

Болезненно развитое воображение "массового" бойца, - воображение, которое рисует ему картину не соответствующую действительности, дает нам право дополнить здесь те выводы, которые мы уже сделали во II главе: *массовый боец лишен правильного критерия оценки размеров оказываемой ему поддержки; в силу этого, механическая точка зрения на значение сосредоточения сил в бою - не применима.*

Общая сводка: На вышеприведенных страницах мы старались выяснить те свойства, которые присущи бойцу, находящемуся под влиянием массы. Мы видели, как существенны те изменения, которые вносит закон духовного единства толпы в деятельность человека, когда он теряет свою индивидуальность и становится нераздельной частью целого "толпы".

Крайнее увеличение чувств и крайнее уменьшение рассудочности, сказали мы, есть главное свойство толпы, а отсюда ее импульсивность, чрезвычайное увеличение силы чувства, обязательная тенденция к крайностям, необычайная податливость внушению, легковерие, предрасположение к галлюцинациям и иллюзиям, болезненно развитое воображение, восполняющее всю область разума.

Мы постарались выяснить, как эти свойства отражаются на деятельности человека в бою.

Импульсивность. Импульсивность заставляет бойца стремиться немедленно воплотить полученные им возбуждения в действие; вследствие этого является *скоротечность* всяких действий бойца в период боя, когда законы массы главенствуют.

Сила чувств и тенденция к крайностям.

Сила чувств и тенденция к крайностям превращает чувство мощи в экстаз, в веру в свое всемогущество, чувство страха - в панику; поэтому превращение бойцов в психологическую толпу может привести или к такому сильному и могучему проявлению победного стремления, на которое одиночный человек совершенно не способен, или к позорному, паническому бегству с поля битвы, на которое одиночный человек тоже не способен.

Податливость внушению.

Податливость внушению создает крайне благоприятные условия для нравственной заразы; чувство мощи или чувство страха от одного человека легко передается другим бойцам, от одного очага боя к другим, в силу чего победа или поражение в одном пункте легко превращаются во всеобщие.

Легковерие, предрасположение к галлюцинациям, иллюзиям и болезненно развитое воображение.

До крайности развитое воображение, совместно с легковерием толпы и предрасположением ко всякого рода иллюзиям, делает то, что представление об опасности, когда оно владеет воображением массы, всегда значительно больше действительной, что и составляет слабость коллективного бойца; но это же свойство дает массе страшную силу: когда в ее сознание проникает вера в свою силу, то представление об этой силе всегда значительно больше действительной. Следовательно, в минуты боя, когда коллективная психология проявляется с наибольшей силой, для деятельности человека в бою получают значение исключительно воображаемые величины, не соответствующие действитель-

ним, и всегда *зрешщие крайностью*.

Кризис боя.

В начале главы мы уже напоминали вывод, сделанный в предыдущей главе, что обстановка боя представляет условия, благодаря которым боец все более и более утрачивает свою личность и превращается в индивида толпы, или, как мы условно назвали в "массового" бойца. Свойства же "массового" бойца ставят, как мы только что видели, совершенно особые условия для его деятельности. Если внутреннюю сторону боя до момента полного превращения бойца в индивида толпы можно уподобить психологическому брожению, то период боя, когда объединение бойцов в психологическую массу совершилось, когда с полной силой проявляется закон духовного единства толпы, можно назвать *кризисом боя*.

Нам кажется, что более подходящего названия найти нельзя.

Период боя до его кризиса в психологическом отношении тоже есть область явлений коллективной психологии; но разница в этом отношении с кризисом боя весьма значительна. Человек подчиняется воздействию массы и в начале боя — это вне сомнения, но это воздействие доходит, сравнительно с кризисом, * до незначительного предела: индивидуальность бойца не поглощена совершенно массой, боец переживает тяжелую внутреннюю борьбу. Между тем во время кризиса боя боец внутренней борьбы уже не переживает, он тотчас же подчиняется тем импульсам, которые получает.

Драма боя, как мы говорили об этом в главе II-ой, заставляет отдельных людей отказываться от боя. Слабые не в состоянии выдержать, плоть говорит в них слишком сильно, и они уклоняются от боя. Но идея "спасти себя" не имеет еще объединяющей силы. Еще в душе сильнейших и храбрейших стремление к победе уравнивает отрицательное. В минуту же психологического кризиса боя всякое чувство, независимо от того, носит ли оно положительный или отрицательный характер, героическое ли оно или представляет проявление низкой трусости, — это чувство общеобязательно для объединившихся в толпу индивидов, так как толпа всецело подчиняется закону духовного единства. Отсюда видно, что характерная черта кризиса боя — это его *решительность*.

Период психологического брожения может продлиться очень долго. Это, конечно, зависит от предела нравственной упругости, которая присуща данному бойцу, и от напряжения опасности. Толпа возбуждена, но сила,двигающая ее, как бурное море, еще не получила импульса; котел находится под давлением, но паровой кран еще не открыт; куча пороха лежит на виду, но еще никто не извлек искры, чтобы взорвать ее. Наконец, обстановка боя дает толчок — порох взрывается. Происходит кризис боя. Вполне понятно, этот кризис *скоротечен*. В самом деле, ведь свойством "массового" бойца является немедленное воплощение в действие всякого возбуждения, с другой же стороны, толпа неспособна к проявлению настойчивой воли, — а если в кризисе боя не будет достигнута немедленно победа, то последует поражение.

Рассудочность человека в бою под влиянием опасности уменьшается, но все-таки она может быть не вполне уничтожена, в кризисе же боя рассудочность бойца падает до нуля, но зато сила чувств, вследствие податливости массового бойца внушению, получает страшное напряжение. В силу этого кризис боя носит совершенно *стихийный* характер. Бессознательность бойца, страшная сила чувства, которую способен проявить только индивид толпы, придают явлениям кризиса боя силу и характер стихии.

Итак, характерными чертами кризиса боя являются:

Решительность.

Скоротечность.

Стихийность.

В эпоху, когда метательное (огнестрельное) оружие, вследствие своего примитивного устройства, не играло той важной роли, какую оно играет в современных сражениях, боевые столкновения производились к компактных строях, и поле битвы было крайне ограниченных размеров. Поэтому, если сражение и представляло несколько очагов боя, то, во всяком случае, число их было крайне ограниченное, и эти очаги боя кроме того были столь близки друг от друга, что кризис в одном из них (т.е. частный) легко превращался в общий; присутствие значительных сосредоточенных масс ускоряло и облегчало наступление кризиса и в то же время вызывало *чрезвычайно резкое выражение кризиса боя*.

С усовершенствованием огнестрельного оружия бой все более и более расплзался в пространстве.

Прежнее компактное расположение войск превратилось, если можно так выразиться, в "пунктирное"; занятие позиции основывается на занятии ряда опорных пунктов, которые составляют основу боевого расположения. Эти опорные пункты распределены не только по фронту. Поле современного сражения обнимает целый район, усеянный опорными пунктами, причем фронт позиции или главная линия обороны обозначается только тем, что эти опорные пункты расположены чаще.

В силу подобного расчленения, само сражение распадается на значительное число боевых очагов, как в пространстве, так и во времени, - очагов, иногда удаленных друг от друга. Но, по мере развития боя, по мере того, как он становится все упорнее, в дело вводится все большее число войск, очагов боя образуется все больше, а промежутки между ними уменьшаются. Влияние опасности и массы становится все сильнее и сильнее. Наконец, наступает минута, когда психологически почва настолько подготовлена, что малейший толчок неминуемо вызовет кризис; чаша страдания, переживаемого бойцом, настолько переполнена, что нужна только последняя капля, чтобы содержимое пролилось.

Этим толчком в подобную минуту общего назревания боя послужит кризис в одном из очагов боя.

Влияние свое в этом случае частный кризис может развить двумя путями: 1) путем непосредственной заразы, что при все большем и большем сближении очагов боя вполне возможно; 2) путем подрыва или повышения чувства мощи: известие о победе или поражении на одном из пунктов, в особенности, если в сознании бойцов существует убеждение о важном значении этого пункта (хотя бы даже предвзятое, - это безразлично, ибо массовый боец живет в области миражей), представляет собою впечатление достаточной силы, чтобы дать этот толчок в психологически назревших очагах боя. Частный кризис разрастается таким образом в общий для всего боя.

Огнестрельное оружие заставило бой развернуться на значительное протяжение, и в современных боях мы не увидим уже столь значительных масс, сосредоточенных на крайне ограниченном пространстве. Но это не может иметь следствием отсутствие кризиса боя.

И шести человек, говорили мы выше, достаточно, чтобы образовать при известных условиях одухотворенную толпу. Бой же представляет в этом отношении особенно благоприятные условия; опасность действует на бойца тождественно, как и масса. Отсутствие столь значительных сосредоточенных масс будет иметь следствием только то, что кризис боя выразится не столь резко, как в прежних боях.

Свойства "массового" бойца, которые, как мы видели, придают совершенно особый характер деятельности человека в бою, - должны, очевидно, тоже отразиться и на военном искусстве.

В кризисе боя потрясающее впечатление в одной точке передается всей боевой линии; поражение или победа в одной точке легко делаются общими.

Из этого закона духовной деятельности бойца ближайшим выводом является уже давно установленный великими практиками военного искусства принцип частной победы: **необходимо победить неприятеля в решительную минуту (кризис боя), в решительной точке.**

Но кроме того, из свойств кризиса боя вытекает еще одно существенное условие для искусства ведения боя. Если во II-ой главе мы установили, что исследование деятельности и свойств отдельного человека в бою предьявляет военному начальнику требование возможного сбережения духовных сил бойца, конечно, в границах, допускаемых основной идеей боя, то в кризисе боя, свойствами которого являются скоротечность и решительность, вполне понятно, не может быть вопроса об экономии сил, а, наоборот, основным условием является полное напряжение сил. Таким образом, установленное нами, в числе четырех основных условий искусства ведения боя в психологическом отношении, - условие экономии духовных сил нужно дополнить так: **экономия духовных сил в подготовительный период боя и крайнее напряжение в кризисе боя (решительный период боя).**

В заключение, мы считаем нужным сделать оговорку. Очень часто, как показывает военная история, сражение прекращается полководцем до общего кризиса, только под влиянием частного кризиса в одном из пунктов, которому военному начальнику придает значение, но это, вполне понятно, нисколько не меняет наших выводов.

Г Л А В А У.

**Каждый бой
кончается
отказом от
боя одной из
сражающихся
сторон.**

Боец вступает в бой с желанием победить. Опасность, присущая бою, стремится заставить человека *отказаться от боя*.

Изучая значение для деятельности человека в бою психологической стороны боя, мы видели, как отказ от боя выражается прежде всего в отказе отдельных людей, — это слабые духом бой-

цы; они уклоняются, уходят из боя.

По мере сближения с противником и увеличения опасности, бой психологически все более назревает. Это назревание боя выражается, как мы видели, в том, что боец все более и более приобретает те свойства, которые мы назвали в прошлой главе свойствами "массового" бойца. Когда это превращение бойца в индивида психологической толпы уже достигло известной степени, наступает психологический кризис боя.

И вот этот психологический кризис боя непременно завершается тем, что одна из дерущихся сторон отказывается от боя; причем это уже не отказ отдельных лиц, а отказ массовый, отказ толпы, приобретенной коллективную волю. Этот отказ есть действие произвольное, — он есть непереносимое следствие свойств массового бойца в минуту психологического кризиса. Боец сдает напору сильного впечатления, которое, вследствие преувеличенных чувств и чрезвычайно развитого воображения, в эту минуту имеет значительно большую силу, чем при нормальных условиях. Упавшая до нуля рассудочная способность бойца, лишает его в действиях задерживающей силы, разума и боец подчиняется немедленно полученному им извне импульсу. Охваченный победным стремлением, массовый боец способен проявить, как мы уже говорили, такой высокий героизм, порыв самоотвержения, на который не способен отдельный человек, но этот победный порыв не может длиться долго, — толпа неспособна проявить настойчивую волю. При способности массового бойца впасть из одной крайности в другую без всяких переходов, всякое новое впечатление опасности легко обращает победоносную толпу в панически бегущее стадо.

Вследствие всего этого, если одна из сторон устояла достаточно долго, то другая неминуемо подчиняется отрицательному стремлению: она *отказывается от боя*.

Этот отказ от боя, повторяем, есть действие произвольное. Боец, подчинившийся всецело власти страха, панически бежит; когда же, будучи окружен врагами; он не имеет возможности бежать, то отказавшись от победы, он даже не защищает самого себя, ужас парализует все его действия.

Таким образом каждый кризис боя непременно кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон.

Мы упоминали уже, что военная история показывает, что в многочисленных случаях еще до общего кризиса сражения один из полководцев решает прекратить бой и отступает; очевидно, что в подобных случаях конец боя тоже заключается в отказе от боя. Поэтому мы можем сделать следующий вывод:

Каждый бой кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон.

Чтобы подтвердить наш заключительный вывод, обратимся к военной истории.

Для действительного научного доказательства нам нужно взять такое сражение, которое доведено было бы до общего кризиса. В силу этого, наиболее удобно обратиться к одному из древних боев, так как, вследствие кучности построений и столкновения сосредоточенных масс, общий кризис в них выражался особенно резко; простота же внешних форм, цельность боя, облегчают анализ явлений боя.

**Пример:
сражение
при Каннах.**

Возьмем сражение при Каннах¹⁸⁹.

Армия Аннибала стояла лагерем на левом берегу р. Ауфиды, близ развалин г. Канн. По прибытии консулов, Варрон в день своего командова-

189. Источники: 1) Де Пик, "Исследование боя в древние и новейшие времена", стр. 14-25; 2) Hennebert, "Histoire d'Annibal", t. III, p. 147-167; 3) Тит Ливий, "Римская история от основания города", т. III, кн. XII, 45-50, перевод под редакцией Адрианова, стр. 124-130; 4) Полибий, "Всеобщая история", III, 113-118, перевод Мищенко, стр. 368-375.

ния выдвинул римскую армию вперед и расположил ее в 6 верстах от Аннибала на том же берегу р. Ауфиды.

В один из дней, будучи очередным главнокомандующим, Варрон вывел свои войска из лагеря, переправил на другой берег р. Ауфиды, где он считал местность более удобной для развертывания римской

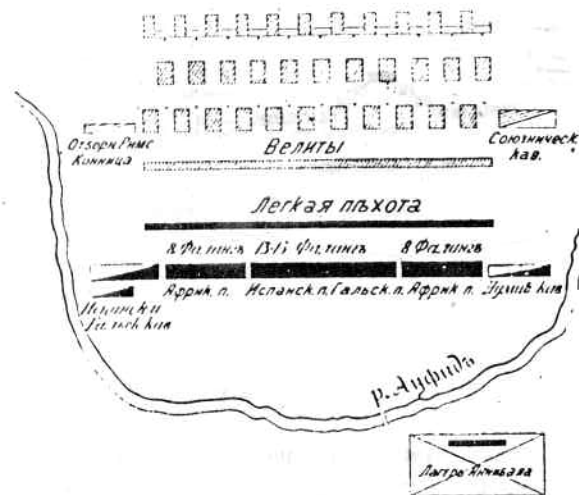
Чертеж N 12. - Схема общего расположения сторон.

армии, и под прикрытием легкой пехоты начал строить боевой порядок.

На правом крыле, примкнув к р. Ауфиду, стала римская конница (2.400 чел.); потом расположились римские и союзные легионы; левое крыло составляли 4.800 человек конницы союзной и экстраординарных войск. Всего в римской армии было:

Пехоты 70.000.
Конницы 7.200.

Аннибал, заметив движение римской армии из лагеря за р. Ауфид, послал туда балеарских пращников и всю легкую пехоту и под прикрытием их перевел туда же свои войска и построил их в боевой порядок. Пехота Аннибала построилась в малые фаланги (по 1 т.ч. каждая); в центре стала галльская пехота, справа и слева от нее испанская (галльской и испанской пехоты было 13-15 фаланг); на флангах поставлена была самая лучшая, африканская пехота, по 8 фаланг с каждой стороны. Слева к пехоте примыкала испанская и

Чертеж N 13. - Боевое построение сторон.

галльская конница (8 т.) под начальством Аздрубала; на правом фланге расположена была нумидийская конница (2 т.). Всего в карфагенской армии было:

Пехоты 40.000.
Конницы 10.000.

Африканская пехота была вооружена по римски, так как Аннибал снабдил ее оружием, отнятым у римлян в предшествующих боях. Испанцы и галлы имели щиты, сходные между собою, но мечи их были весьма различного вида. У первых они могли колоть и рубить, тогда как галлы могли только рубить, и притом на некотором расстоянии.

Действия открылись легкими войсками, которые с той и другой стороны находились перед фронтом армий. Эта первая зязязка боя велась с равным успехом для обеих сторон. Но как только подошла испанская и галльская кавалерия левого крыла, бой разгорелся. Энергично атакованная кавалерией Аздрубала, римская конница опрокинута, обращена в бегство, и преследуемая, беспощадно истребля-

Чертеж N 14. Положение 1-е

лась. В то же время нумидийцы, наездившая перед левым римским крылом, удерживали его перед собой. Нерешительное положение на левом римском крыле прекращается в ту минуту, когда римская конница увидела у себя в тылу приближающийся новый отряд неприятельской кавалерии. Это был Аздрубал. Обратив в бегство конницу правого римского крыла, он повел подкрепления к нумидийцам. Союзническая кавалерия, не приняв атаки, бросилась в бегство. Аздрубал для преследования ее направляет нумидийцев. Таким образом, римская армия не имела больше правого и левого крыла.

Но участь боя решалась в столкновении тяжелой пехоты. Одновременно с конницей крыльев боевых порядков противников наступали и их центры, т.е. тяжелая пехота. Легкая пехота, прекратив бой, отступила: карфагенская - во 2-ую линию, а римская - на линию триариев.

Аннибал повел наступление своей армии уступами из центра.

У римлян манипулы принципсов вошли в интервалы между гастатами, и они всем фронтом двинулись в атаку на карфагенян. Некоторое время испанцы и галлы твердо держались и храбро сражались с римлянами, но вскоре они уступили напору тяжелых легионов и начали отступать. Увлеченные успехом, римские манипулы бросаются вперед.

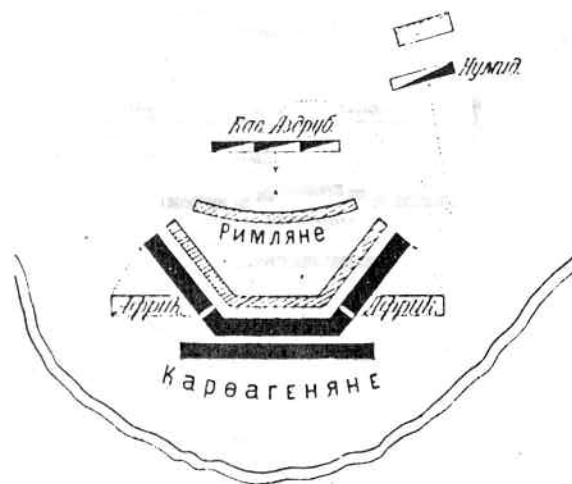
Чертеж N 15. Положение 2-е.

Но так как у карфагенян вступила в бой одновременно не вся линия, а дело началось в центре, где галлы и испанцы образовали перед фронтом род выступа, то римляне, увлеченные успехом, в погоне за галлами теснились к центру, где неприятель подавался, "и умчались так далеко вперед, что с обеих сторон очутились между тяжелооруженными ливиянами (африканцами), находящимися на флангах"¹⁹⁰.

Тогда африканские фаланги перешли в наступление. Они сделали захождение плечами и начали теснить перед собой римлян. В центре же римляне продолжали энергично теснить галлов и испанцев.

Между тем Аздрубал, покончив с конницей римлян и поручив преследовать ее нумидийцам, сам устремился на помощь своей пехоте. Разделив свою конницу на части, он атаковал римскую пехоту с

¹⁹⁰ Полибий, "Всеобщая история" III, 115, 8, перевод Мищенко, стр. 370.

Чертеж N 16. Положение 3-е.

тыла. "Подошедши к римским легионам с тыла и тотчас разом в нескольких пунктах направивши на них ряды своей конницы, Аздрубал ободрил ливиян (кареагенян), а на римлян навел смущение и ужас"¹⁹¹. Это и был общий кризис боя. С этой минуты сражение было проиграно.

Римская армия понесла в этот день страшное поражение: более 40.000 пехоты и 4.000 конницы было убито¹⁹², в том числе консул Павел Эмиль, проконсул Сервилий, бывший магистр конницы Фабий Мануций, 21 трибун, 30 сенаторов; успевшие спастись около 14.000 человек заперлись в Венуции и Канузии. Потери Аннибала равнялись 5.700 человек. Результат для Римлян поистине ужасающий. Римская армия пролила целые реки крови.

¹⁹¹ Полибий, "Всеобщая история" III, 116.8, перевод Мищенко, стр. 372.

¹⁹² Согласно Титу Ливию, 48 т., согласно Полибию, 70 т.

Закончив с описанием фактической стороны боя, обратимся к анализу внутренней стороны его.

Легкая пехота завязывает бой, но настоящее сражение начинается столкновением римской конницы с Аздрубалом. Это столкновение окончилось победой Аздрубала.

Чертеж N 17. Положение 4-е.

"Большая часть римлян, пишет Полибий, осталась на месте, защищаясь до последней крайности". В результате, мы видим, что из 2.400 человек римской конницы почти все истреблены конницей Аздрубала, не потерявшей при том и 200 человек, ибо вся кавалерия карфагенян потеряла за весь день только 200. Невольно напрашивается вопрос: как это может быть, что одна из сторон, при этом безусловно доблестная, - ибо римляне, утверждаем мы, имеют полное право быть так названы, - защищаясь до последней крайности, уничтожается в числе более 2000 человек и при этом не наносит неприятелю почти никакого урона (менее 200 человек)?

Как это объяснить?

"Тем, говорит в своем классическом труде Де Пик¹⁹³, что бо-

¹⁹³ Стр. 20.

льшая часть погибла и не помышляя о том, чтобы заставить дорого заплатить за свою жизнь, что она бежала вовремя схватки первой шеренги и получала безнаказанно удары сзади".

"Слова Полибия: "большая часть осталась на месте, защищаясь доблестно до последней крайности", освещены задолго до Полибия; побежденные утешаются мыслью о своей храбрости, а победители никогда не оспаривают их. Галльские и римские всадники, каждые отдельно, выказали достаточно храбрости, сталкиваясь с фронта. За этим усилием следует ужасное, гнетущее чувство близкого боя; римские кавалеристы, которые, за спиной сражавшихся пешком¹⁹⁴, могли видеть вторую линию галлов на конях, — не выдерживают более. Страх очень скоро заставляет их сесть на коней и повернуть назад к бездействующим шеренгам, которые предадут своих товарищей и самих себя, как бегущее стадо баранов, в руки победителей.

Вот конец одного из частных кризисов боя.

Другой частный кризис боя, на левом римском крыле, заканчивается отказом от боя даже до столкновения; союзническая кавалерия не принимает атаки, прибывшего на помощь к нумидийцам Аздрубала, и бежит с поля битвы.

Теперь перейдем к бою римских легионов.

Мы видели, как римляне, увлеченные первоначальным успехом, клином врезались в боевой порядок карфагенян и как, с своей стороны, были сжаты, как клещами, африканскими фалангами. Чье положение лучше геометрически? Нам кажется, сказать трудно: ведь прорыв боевого расположения противника сам приводил очень часто к победе. Дело не в факте прорыва, а в его психологическом значении, т. е. в том значении, которое он имел в данном случае для духа бойца. По самому своему построению, карфагенские войска как бы свыкались уже с мыслью о возможности прорыва. Между тем для римлян этот успех в центре послужил тем возбудителем, который прев-

194. Римская кавалерия спешила для боя.

ратил легионы в психологическую толпу; этот частичный успех послужил тем ферментом, который ускорил общий кризис в рядах римских воинов. Здесь не сами клещи, образованные африканцами, способствовали победе, а то, что, во-первых, эти клещи состояли из более спокойных воинов, не вышедших еще рук управления, во вторых, они представляли увлеченным римлянам полную неожиданность.

В минуту общего кризиса с тыла налетает Аздрубал. Если мы обратимся к истории древнего военного искусства, то увидим, что кавалерист того времени был вовсе не так страшен для нерасстроенной пехоты. Вспомним сражение при Фарсале. В этом сражении Помпей, противником Цезаря, бросается кавалерия в охват правого фланга последнего. Но Цезарь, который предвидел это, имея со своей стороны значительно слабейшую конницу, оставляет 6 когорт в резерве. Когда конница Помпея двинулась и оттеснила конницу Цезаря, 6 резервных когорт сами атаковали конницу Помпея и обратили ее в бегство.

Таким образом, мы видим, что сама по себе атаку кавалерии Аздрубала нельзя считать чем-то безусловно неотразимым. Тем более, что эта атака производилась уже уставшими кавалеристами, участвовавшими в двух атаках, и против римских триархов.

Дело здесь опять объясняется исключительно психологически. Атака Аздрубала совпадает с общим кризисом боя.

Когда вслед за галлами и испанцами, которые не могли с равной моральной стойкостью бороться против римских легионеров, центр энергично наступал, когда крылья, чтобы поддержать его и не потерять интервалов, двинулись вперед облически за ним и образовали задние стороны выдавшегося клина, — вся римская армия, образуя угол, двигалась к победе, вдруг крылья охвачены африканскими фалангами; галлы, испанцы, отступив, возвращаются снова в голову; кавалеристы Аздрубала с тыла атакуют резервы; повсюду идет бой; не ожидая ничего, не будучи предупрежденными, в ту минуту, когда они считали себя победителями, повсюду, спереди, справа, слева, сзади, — римские солдаты слышат бешенные крики сражающихся.

Физическое давление было ничтожно; шеренги атакующего были наполовину менее глубоки нежели их собственные. Нравственный же

гнет был страшный. Мы не будем здесь повторять, но напомним только те выводы, которые были сделаны нами в прошлой главе, когда мы исследовали те свойства, которые становятся присущими бойцу, ставшему индивидом толпы. Эта неожиданная атака рождает ужас среди римлян. Этот ужас в минуту кризиса становится в римской армии всеобщим: под влиянием толпы, сила его получает чрезвычайное напряжение, и беспорядочная масса дает себя перерезать. Оружие выпало из их рук... говорит Полибий¹⁹⁵.

Сражения более нет; есть только бойня. Причем одна из сторон убивает, другая же, охваченная паническим ужасом, отказывается от боя; она бежит, или же, окруженная, лишенная возможности бежать, она не пытается даже защищаться.

Цифры говорят за нас.

Мы видели, что римской пехоты было 70.000; кем могли быть они окружены:

с флангов двумя отрядами африканской пехоты по	8.000-16.000
с фронта вновь перешедшими в наступление галлами и испанцами, которые к этому времени, по всей вероятности, потеряли 4.000 человек.	9.000-11.000
с тыла кавалерия Аздрубала.	8.000
прибавим сюда еще легкую пехоту	8.000
<hr/>	
всего, стало быть, около	43.000

Невольно напрашивается вопрос: каким образом 70.000 человек дозволили перерезать себя, почти не защищаясь, 43.000 человек, хуже вооруженных, тогда как каждый сражавшийся имел против себя только одного, ибо в рукопашном бою, и в особенности при обширном

195. Де Пик, стр. 23.

развертывании, непосредственно сражающиеся в равном числе, как у окружающего, так и окруженного. Там не было ни пушек, ни ружей, которые могли бы разворачивать массу концентрическим огнем и уничтожить ее превосходством такого огня над рассредоточенным. Казалось бы, что римляне одной только массой своей должны были противопоставить непреодолимое сопротивление неприятелю, заставить его истощиться против нее, и затем этой массе оставалось только раздаться, чтобы отбросить, как соломинку, нападающих, — но она была истреблена¹⁹⁶.

Итак, масса римлян в 70.000 окружена тонким кольцом в 43.000. Вполне понятно, что, только пожелай она, — она могла бы в одно мгновение разорвать окружавшее ее тонкое кольцо. Дело в том и заключается, что эта масса и не желала этого. Чаша ужаса, которую способен испытать человек, переполнена. Страх парализует бойца. Римляне от победы отказались. Бой механически может быть выигран, но он психологически проигран. Римляне отказались не только от победы; они отказались от боя — даже в смысле самозащиты; чаша ужаса, которую способен испытать боец, переполнена. Страх парализует бойцов, — масса дает себя перерезать, как стадо баранов. Повторяем указание Полибия: оружие выпало из их рук...

Опять обратимся за доказательством к беспристрастным показателям, к цифрам.

Сопоставим потери.

Римляне потеряли одной пехоты более 40.000. Но за какую цену крови отдана эта гекатомба?

Аннибал потерял¹⁹⁷ в сражении при Каннах:

196. Де Пик, стр. 22.

197. Мы не считаем здесь потери в коннице Карфагенян, которые, как мы выше упоминали равнялись 200 всадникам.

4.000 галлов
1.500 африканцев

Итого 5.500 человек, при чем потери свои галлы, можно не без основания предположить, понесли в начале боя.

Цифры говорят за себя.

Данные о потерях в важнейших решительных боях древности подтверждают выводы, сделанные на основании исследования сражения при Каннах.

В приведенном примере побежденной стороной являются римляне, бывшие, благодаря своему военному могуществу, целый период истории повелителями мира. Таким образом, предполагать, что сражение при Каннах

представляет какой-либо исключительный пример в смысле слабости духом побежденных, — конечно, абсурд.

Но обратимся к важнейшим боям древности и рассмотрим числа потерь. Мы увидим в приводимой ниже таблице те же показания, как и в разобранным нами сражении при Каннах.

Т а б л и ц а¹⁹⁸.

Название сражения	Название ¹⁹⁹ сражающихся сторон.	Число участвовавших.	Потери убитыми и ранеными
Марэон (490 до Р. Х.).	Персы	110.000	6.400
	Греки	10.000	102
Платея (499 до Р. Х.).	Персы	300.000	100.000
	Греки	110.000	10.000

198. Цифры взяты из: "Всеобщей военной истории древних времен", кн. Голицина, т. I, II, III, IV, V; "Истории военного искусства" Михневича; "Энциклопедии В. и М. наук".

199. Жирным шрифтом напечатаны победители.

Левктры (371 до Р. Х.).	Спартанцы	11.000	1.400 (400 спартанцев гонимых из 700 участвовавших в бою).
	Фивяне	8.000	Незначительные
Граник (334 до Р. Х.).	Персы	30.000	12.000
	Греки	32.500	145
При Иссе (333 до Р. Х.).	Персы	400.000	100.000
	Греки	35.000	4.501
При Гавгамелле и Арбеле (331 до Р. Х.).	Персы	400.000- 1.000.000	От 40.000 до несколько сот. тыс.
	Греки	47.000	От 100-1.200
При Треббии (218 до Р. Х.).	Римляне	40.000	Спаслось 10.000
	Карфагеняне	30.000	Гораздо меньшие
Тразиментское озеро (217 до Р. Х.).	Римляне	Около 40.000	Более 15.000
	Карфагеняне	Около 30.000	1.500
При Каннах (216 до Р. Х.).	Римляне	77.000	Более 44.000
	Карфагеняне	40.000	5.700
При Метавре (207 до Р. Х.).	Римляне	42.000	8.000
	Карфагеняне	40.000	30.000
При Заме (202 до Р. Х.).	Римляне	50.000	2.000
	Карфагеняне	50.000	20.000
При Кинокефалах (197 до Р. Х.).	Римляне	25.000	700
	Македоняне	25.000	8.000

При Пидне (168 до Р.Х.).	Римляне	26.000	Несколько сот чел.
	Македоняне	40.000	25.000
При Фарсале (48 до Р.Х.).	Цезарь	42.000	1.200
	Помпей	90.000	15.000

Цифры, приводимые в настоящей таблице, подтверждают наши заключения, сделанные при анализе сражения при Каннах.

Мы видим, что огромная цифра убитыми, которая выпадает на долю побежденного, есть следствие бойни: побежденный несет эти потери тогда, когда, собственно говоря, уже бой кончился, так как побежденный отказался от боя. Отказ же противника от боя покупается сравнительно далеко не такой большой ценой крови. Посмотрите на потери победителя. Нельзя поэтому не согласиться с де-Пиком²⁰¹, что выражение свалка, употребляемое древними, было в тысячу раз сильнее, чем это было в действительности; оно означало скрещивание оружия, перемешивание людей, а не только столкновение. Если при преследовании можно было бы броситься в середину бегущих, то в бою каждый слишком нуждался в том, кто за ним, и в своих соседях, которые охраняли его фланги и его тыл, чтобы с легким сердцем не дать себя убить в рядах неприятеля²⁰². Если бы была действительно свалка, то Аннибал при Каннах был бы побежден. При свалке, при смешении дерущихся, было бы взаимное истребление, при котором победа остается за последним пережившим, ибо в этом смешении, в этой свалке никто не может бежать. Разве взаимные потери не достаточно это показывают. Слово свалка слишком сильное; свалка существует только в воображении художников и писателей²⁰³.

На самом деле столкновение происходило следующим образом.

201. Стр. 36.

202. Там же, стр. 37.

203. Там же, стр. 38.

На расстоянии атаки, двигались к неприятелю с быстротой, ответственному порядку, необходимому для рукопашного боя и для взаимной поддержки сражающихся; часто решимость дойти до цели, проявляющаяся в порядке и смелости движения, — одно это уже обращало в бегство менее решительного противника²⁰⁴. Обыкновенно между хорошими войсками бывало столкновение, но не слепое столкновение массы. Это не мертвая масса определенной величины, которая принимается в расчет механикой. В этой массе тотчас же по столкновению передних шеренг происходит внутреннее изменение. Внутри этой массы зарождается отрицательная сила, которая заставляет эту массу повернуть и бежать с поля сражения.

Итак, военная история подтверждает наш вывод.

Каждый бой, даже доведенный до полного кризиса, кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон, т.е. чисто психическим актом.

Как следствие, отсюда вытекает, что бой решается использованием не материальных средств, а психических сил. Материальные средства, взятые с механической точки зрения, могли бы принести еще значительную пользу для сражающегося, но предел нравственной упругости бойца перейден, — и он в том или другом виде отказывается от боя. Этот отказ, являющийся следствием истощения духовных сил бойца, может совершенно не совпадать, а на самом деле большею частью и не совпадает с истощением материальных средств.

Общее заключение. Обращаясь теперь к заключительным выводам, мы не будем повторять здесь тех частных выводов, которые мы делали параллельно с исследованием.

Мы рассмотрим здесь только значение нашего окончательного вывода, — что бой кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон, т.е. истощением духовных сил бойцов:

204. Там же, стр. 38.

- 1) для исследований боя;
- 2) для исследований общественной жизни, вообще.

Бедность научными исследованиями природы явления войны, а в частности боя, вела к тому, как мы говорили в введении, что в теории военного искусства часто отсутствует правильная исходная точка.

Были целые эпохи, убежденные в том, что, чем массы людей совершеннее воспроизводят прямолинейные и прямоугольные геометрические фигуры, тем ближе войска к победе. Мы уже говорили, рассматривая стратегическую систему Бюлова, что ошибка заключалась в том, что положению условному (в данном случае важное значение сообщений) придавалось значение безусловное и исключительное. В настоящее время мы, конечно, уже не найдем защитников этой геометрической точки зрения на бой. Но современная эпоха грешит тоже односторонностью. А именно, подобно тому как в XVIII веке теория приписывала исключительное значение геометрии войны, настоящая эпоха грешит верою в *массу* (численность войск).

Численность войск решает, — вот вывод, который в явном или в скрытом виде принимается большинством.

И стали всеми средствами добиваться численного перевеса. Начали стремиться выставлять миллионы солдат в военное время, — и все в ущерб духовным качествам бойца.

Новый призрак, призрак "числа" владеет воображением с такой же силою, как владел им в предшествующую эпоху, рассеявшийся призрак базы и сообщений. Этот миряж числа немцы характерно окрестили словом "Zahlwuth".

Теория нашего времени хотя и указывает на неверность "геометрической" точки зрения, сама очень часто верит в "механическую теорию масс"; — этой механической точкой зрения и объясняется современная тенденция к погоне за числом в вооружениях мирного времени.

Но жизнь указала в конце концов на ложность геометрического учения о бое. То же случится и с современной верой в "число".

"Предчувствуется то время, говорит²⁰⁵

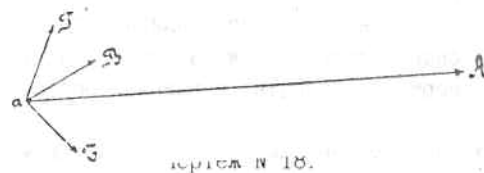
205. Ф. Д. Гольц. "Вооруженный народ".

Ф. Д. Гольц, когда миллионные армии настоящего времени также сыграют свою роль. Явится новый Александр, который с маленькой горстью превосходно вооруженных и обученных людей прогонит эти бессильные массы, если они в своем стремлении постоянно увеличиваться перейдут границы, потеряют внутреннюю способность и, как китайские воины зеленого знамени, обратятся в многочисленную, но миролюбивую толпу мечан".

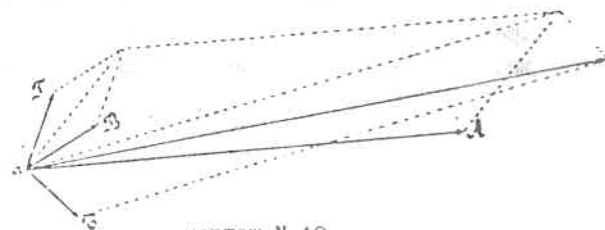
Мы начали наше исследование, признав главенствующее значение духовных свойств бойца среди прочих факторов.

Изучение деятельности человека в бою не только вполне подтверждает это, но позволяет еще вывести более определенное положение.

Главенствующее значение может принадлежать одному из факторов, действующих в совокупности подобно тому, как в механике при действии нескольких сил, когда одна из них превосходит другую по своей величине. Допустим, что на точку "а" действуют силы "А, В, Г".

Результат взаимодействия всех этих сил выразится силой, которая может быть найдена согласно закону сложения сил.

Вполне понятно, что из всей этой группы сил главенствующее значение в отношении общего результата принадлежит силе А.

Вот обыденное понимание главенствующего значения духовных свойств бойца среди прочих факторов боя.

Нельзя не убедиться, что в основе подобного понимания лежит то, что мы назвали *механической точкой зрения*.

В настоящем труде мы установили, что бой кончается *отказом от него одной из сражающихся сторон, т.е. чисто психологическим актом*.

Следовательно, духовное состояние бойца, которое является единственной *непосредственной* причиной конца боя, никак не может просто суммироваться с прочими факторами боя. Посмотрим, какие факторы или, вернее, группы факторов имеют значение для боя.

1) Группа внешних и материальных факторов боя (оружие, численность, внешние формы боя и т.п.).

2) Управление боем.

3) Воспитание.

4) Общие социальные факторы.

Все эти факторы оказывают свое влияние на исход боя не *непосредственно*, а своим воздействием на дух бойца. Убивая, мы стараемся страхом смерти заставить остальных бойцов отказаться от боя.

Влияние боя не в убиении неприятельских войск, а в убиении их духа²⁰⁶.

Таким образом, скорее подойдет сравнение с химией, а не с механикой. Подобно тому как в химии для получения результата берется некоторое вещество, которое подвергают воздействию других, — подобно этому и в бою духовные свойства бойца подвергаются воздействию факторов обстановки боя. Это сравнение тем более подходит, что так же, как в химии воздействие одного элемента на дру-

206. Клаузевиц, 1-267.

гой вызывает в жизнь потенциальную энергию, находящуюся в скрытом состоянии, — и в бою вызывается наружу скрытая энергия народа, его любовь к родине и готовность пожертвовать собою во имя общего блага; это — все качества бойца, которые есть продукт медленного и грандиозного накопления. Таким образом, если изобразить графически нашу мысль, то мы можем иллюстрировать ее следующей схемой.

Чертеж N 20.

Обычное же представление, которое мы отрицаем, графически изображается так.

Чертеж N 21.

Таким образом, духовные свойства бойца имеют для победы в бою значение безусловное. Все же прочие факторы имеют значение условное; их значение обуславливается всецело духовными свойствами бойца.

Следовательно, исследование влияния на бой какого бы мы ни взяли фактора боя должно непременно рассматриваться с точки зрения воздействия его на дух бойца.

В введении мы указали на принятое нами деление науки, изучающей бой, как явление общественной жизни, на две части:

- 1) исследование деятельности и свойств человека, как бойца.
- 2) исследование факторов, обуславливающих деятельность человека в бою.

Мы видим теперь, насколько это деление правильно. С другой стороны, на основании всего исследования мы можем прийти к следующему заключению: первая часть всецело исчерпывается изучением духовных свойств и законов духовной деятельности человека в бою, вторая же часть, исследующая факторы боя, непременно в основе должна поставить психологическую точку зрения.

Наш заключительный вывод по изучению внутренней стороны боя, очевидно, должен также непосредственно и весьма существенно отразиться при изучении искусства ведения боя.

Прежде всего обратимся к определению задачи, какую преследует боевое искусство. Раз бой оканчивается отказом от боя одной из сражающихся сторон, то вполне понятно, что задача полководца складывается из следующих двух задач:

Во-первых, заставить врага возможно скорее отказаться от боя.

Во-вторых, не допустить до этого отказа своих войск.

Так как психическое состояние человека в бою есть борьба двух стремлений: положительного - "победить" и отрицательного - "уклониться от опасности" (что в конечном результате есть отказ от боя), то следовательно, каждая из этих двух задач, в свою очередь, подразделяется подобно выраженному на схеме:

Частные задачи полководца.

Уменьшить положительное стремление неприятельского бойца.

Заставить неприятеля возможно скорее отказаться от боя.

Увеличить отрицательное стремление неприятельского бойца.

Увеличить положительное стремление своего бойца.

Не допустить до отказа своих бойцов.

Уменьшить отрицательное стремление своего бойца.

Задача полководца: победить.

В конце II главы мы указали, что основными условиями для выполнения этих задач являются:

- 1) **деятельность;**
- 2) **солидарность;**
- 3) **внезапность;**
- 4) экономия духовных сил.

Последнее, четвертое, условие мы на основании исследования боя, как явления коллективной психологии, изменили так:

4) **экономия духовных сил в подготовительный период боя и крайнее напряжение в кризисе боя (решительный период боя).**

Изучение боя, как явления коллективной психологии, позволило нам установить еще одно положение для боевого искусства, а именно:

- 5) **победа в решительную минуту (кризис боя) в решительной точке.**

Приведенные выше пять условий вытекают из законов деятельности человека в бою; а так как духовные свойства бойца являются первопричиной, то и вытекающие из них условия являются **основными** принципами в искусстве ведения боя.

В I главе мы упоминали, что основы эмоциональной природы человека можно считать неизменными. Так как перечисленные выше принципы обуславливаются этими неизменными данными, то и сами они являются **неизменными**.

В заключение настоящей работы, мы не можем не остановиться на одном крайне интересном вопросе, касающемся значения боя и войны среди прочих явлений общественной жизни.

Изучение боя, как явления общественной жизни, постигла печальная участь. Военные исследователи, гонимые большей частью за исключительно прикладными знаниями, как мы указывали в введении, ограничиваются только изучением теории искусства ведения боя, а изучение явлений боя с точки зрения науки считают лишь ненужной философией и пустой метафизикой. Общие же научные исследования общественной жизни редко затрагивают войну; в тех же случаях, когда ученый останавливает свой взор на явлениях войны, наряду с прочими явлениями общественной жизни, большей частью он теряет объективную точку зрения. Кровавый призрак войны настолько угнетающе действует на него, что самое распространенное мнение о значении войны это то, что она есть пережиток варварства. Но отбросим ложную сентиментальность. Постараемся холодным и бесстрастным взором окинуть главное и центральное явление войны - бой.

Человек идет в бой с жадой победы. Он желает ее. Но обстановка боя, с присущей ей опасностью, стремится заставить его отказаться от победы, уйти из боя. Конец боя выражается в том, что одна из сражающихся сторон не выдерживает и отказывается от боя.

Таким образом, победителем является тот, кто *более хотел победы*, т.е. тот у которого сильнее воля.

Значение победы, как торжества воли, доказывается историей всего мира. Наиболее завоевательные расы во все периоды истории выделялись перед другими силой своей энергии.

"Превосходство типа", говорит Спенсер²⁰⁶, "не было общей чертой завоевательных рас. Так, из трех главных таких рас: татарской, завоевавшей Китай и страны, лежащие между Китаем и Индией, и посылавшей последовательно волны вторжения не только в эти страны, но от времени до времени также и на запад; Арийской, наводнившей собою Индию и проложившей себе путь в Европу, и Семитической, получившей господство в Северной Африке и покорившей некоторые части Европы, - первая и последняя принадлежат к типам низшего порядка"...

"Вообще все эти расы", продолжает Спенсер, "очень не сходны между собою, имея лишь одну общую черту, заключающуюся в энергии"²⁰⁷.

Жизнь всего мира это суть борьба. "Вечный мир", как совершенно верно сказал Лейбниц, "возможен только на кладбище".

Жизнь и борьба есть два слова равнозначные. Но борьба за существование руководствуется железным законом выживания сильнейшего.

Война и бой есть только одно из выражений этой борьбы за существование. Борются за существование не отдельные люди, а народы, племена, расы. Победа же принадлежит не физически сильному, а сильному энергией и волей. Воля же представляет "силу самого высшего порядка, выше которой природа ничего не производила; это - расцвет всех ее чудесных творений"²⁰⁸.

Таким образом, бой не есть пережиток варварства, а есть одно из великих орудий всеумудрой природы, ведущей мир к светлому идеалу совершенства.

206. Основы социологии.

207. Основы социологии.

208. Maudsley. "Physiologie de P'esprit" перев. Herzen, стр. 429. Цитировано у Рибо, "Воля", стр. 190.

Гибнут дряхлые народы. гибнут наши недостойные жить. и на их развалинах, закаляясь в борьбе, расцветают их более достойные противники - победители, за то что они сумели сильнее желать.

"Так тяжкий млат,

Дробя стекло,

Кует булат".

О Г Л А В Л Е Н И Е.

В В Е Д Е Н И Е.

стр.

Возможна-ли наука о войне	10
Закономерность общественной жизни требует закономерности явлений войны	11
Статистика подтверждает закономерность явлений войны .	13
Случайность на войне	17
Развитие всякой отрасли знания требует развития чистой науки в этой отрасли знания	19
Военная наука в настоящее время имеет почти исключительно прикладной характер.	22
Изложенному закону развития подчиняется также и наука о войне	22
Стратегия Леера	24
Задача чистой науки о войне	25
Наука, исследующая природу войны, необходима для теории военного дела:	26
1) как обоснование прикладных военных наук (теории военного искусства)	27
2) она поможет избежать "схоластического направления" в "военных науках".	30
3) она двинет вперед методологию знаний о войне	31

Наука, исследующая явления войны, необходима также для развития наук об обществе	33
Сложность объекта, исследуемого наукой о войне, отражается не на возможности ее существования, а на границах возможностей предсказания.	34
Значение боя среди прочих явлений войны	36
Исследование боя делится: I) исследование боя, как явления общественной жизни (наука); II) исследование боя с точки зрения искусства ведения его (теория искусства). В свою очередь первая часть должна быть разделена: 1) исследование деятельности и свойств человека как бойца; 2) исследование факторов, которыми деятельность человека в бою обуславливается.	37

Г Л А В А I.

Значение духовных свойств	40
Признание главенствующего значения за ними составляет рабочую гипотезу настоящего труда	41
Подобная постановка исследования оправдывается:	41
1) мнениями военных авторитетов;	41
2) доказательствами из военной истории;	42
3) зависимостью от духовных свойств бойца форм военного искусства	43
В силу вышеизложенного центр тяжести исследования деятельности человека как бойца, должен находиться в изучении психологии человека как бойца.	48

Данная неизменная в явлениях боя.	49
Г Л А В А II.	
Основная идея боя та же, что и идея войны; основная идея боя неизменна.	53
Стремление бойца "победить"	54
Опасность есть непреходящий элемент боя.	56
Инстинкт самосохранения составляет непреходящий и существенный фактор внутреннего строения боя	57
Как отражается инстинкт самосохранения на деятельности человека.	59
Стремление человека избежать опасности.	60
а) человек делает от себя все зависящее чтобы упразднить борьбу	61
б) притягивающее влияние закрытий	62
Стремление человека избежать опасности при сильном напряжении вызывает отказ от боя.	67
Пример: бой Скобелевского отряда 30-го и 31-го августа 1877 г. на Зеленых Горах.	74
Психическое состояние человека в бою - это борьба двух противоположных стремлений ("победить" и "уклониться от опасности")	84
Роль внимания в этой борьбе: ограниченность внимания, деятельность человека определяется объектом, на который направлено внимание, значение отвращения внимания, значение внезапности впечатления	85

Значение воли	88
Уменьшение рассудочности бойца.	89
Мотивы деятельности человека в бою с увеличением опасности все больше и больше переносятся в область чувств и инстинктов	95
Патриотизм есть фундамент победного стремления бойца; он является результатом огромной созидательной работы до поля сражения.	95
Мужество, как антитеза страха, есть второе из "положительных" чувств бойца	98
Оно также зависит от национальных свойств бойца	98
Главную составную часть мужества составляет "чувство мощи".	99
Чувство мощи в большой степени зависит от факторов боя, а поэтому чувство мощи в значительной мере зависит и от искусства ведения боя (управления боем)	101
Зависимость внутренней борьбы, переживаемой бойцом, от искусства ведения боя.	103
Значение военного воспитания	115

Г Л А В А III.

Что такое толпа.	116
Духовное единство толпы.	116
Восприимчивость человека к внушению.	118
С своей стороны, условия толпы увеличивают восприимчи-	

вость человека к внушению.	121
Всякое собрание, как бы оно ни было организовано, может обратиться в психологическую толпу	122
Какие условия могут считаться благоприятными для превращения собрания людей в психологическую толпу.	124
Бой представляет условия крайне благоприятствующие явлениям коллективной психологии	125

Г Л А В А IV.

Цель настоящей главы	128
Основное свойство "массового" бойца - крайне увеличенная эмоциональность (чувства) и сильно уменьшенная рассудочность	128
Следствия вытекающие из этого основного свойства:	129
1) Импульсивность и изменчивость "массового" бойца	129
2) Преувеличение чувств и односторонность "массового" бойца.	133
Пример	140
3) Необыкновенная податливость "массового" бойца внушению	146
4) Болезненное развитие воображения у "массового" бойца.	150
Общая сводка - как свойства "массового" бойца отражаются на деятельности его.	158
Кризис боя	160

Г Л А В А У.

Каждый бой кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон	164
Пример: сражение при Каннах	165
Данные о потерях в важнейших решительных боях древности подтверждают выводы сделанные на основании исследования сражения при Каннах.	176
Общее заключение	179

Приложения:

- Чертеж N 1.* Наступление 6-ой Прусской дивизии на с.с. Вионвилль и Флавины 16-го августа 1870 года.
- Чертеж N 2.* Атака 1-ой бригады 2-ой пех. див. Заречного редута в бою под г. Ловчей 22-го августа 1877 года.
- Чертеж N 3.* Атака Новгородской сопки 3-го октября 1904 года.
- Чертеж N 4.* Общая схема расположения войск Западного отряда утром 30-го августа 1877 года.
- Чертеж N 5.* Расположение войск левого фланга Западного отряда к 3-м часам пополудни 30-го августа 1877 года.
- Чертеж N 6.* Атака левого фланга Западного отряда редуты Кованлек и Исса-ага 30-го августа 1877 года.
- Чертеж N 7.* Расположение войск ген. Скобелева на 3-м гребне Зеленых гор и в "Скобелевских редутах" в ночь с 30-го на 31-е августа 1877 года.

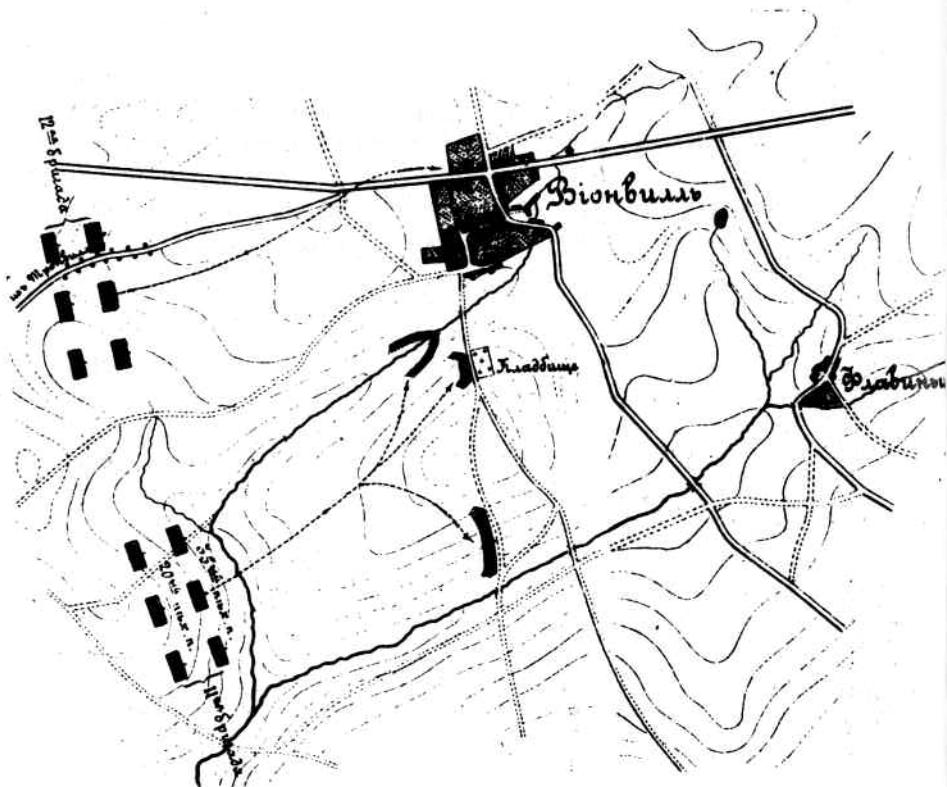
Чертеж N 8. Расположение войск ген. Скобелева на 3-м гребне Зеленых гор и в "Скобелевских редутах" на рассвете 31-го августа 1877 года.

Чертеж N 9. Движение Суворова на встречу Макдональду с 4-го по 6-е июня 1799 года.

Чертеж N 10. Схема к описанию паники в прусских войсках у с. Гравелотт в бою 18-го августа 1870 года.

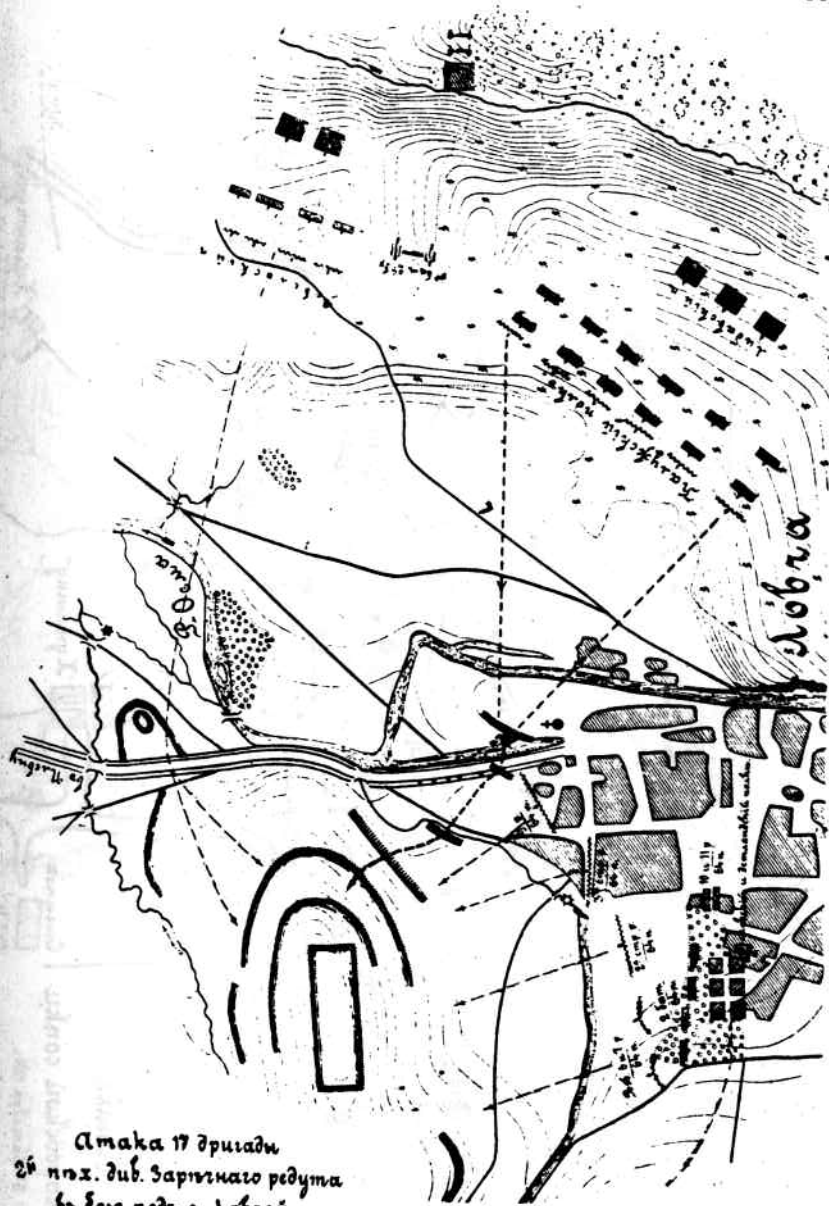
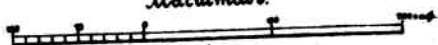
Чертеж N 11. Атака 1-ой бригады 5-ой пех. дивизии Гривицкого редута N 1 30-го августа 1877 года.

ЧЕРТЕЖ N 1

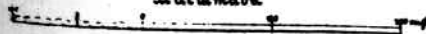
Поступление 6ой Прусской дивизии
на с.с. Бюньвилль и Флавины
16ой бригады 1810 г.

Масштаб.

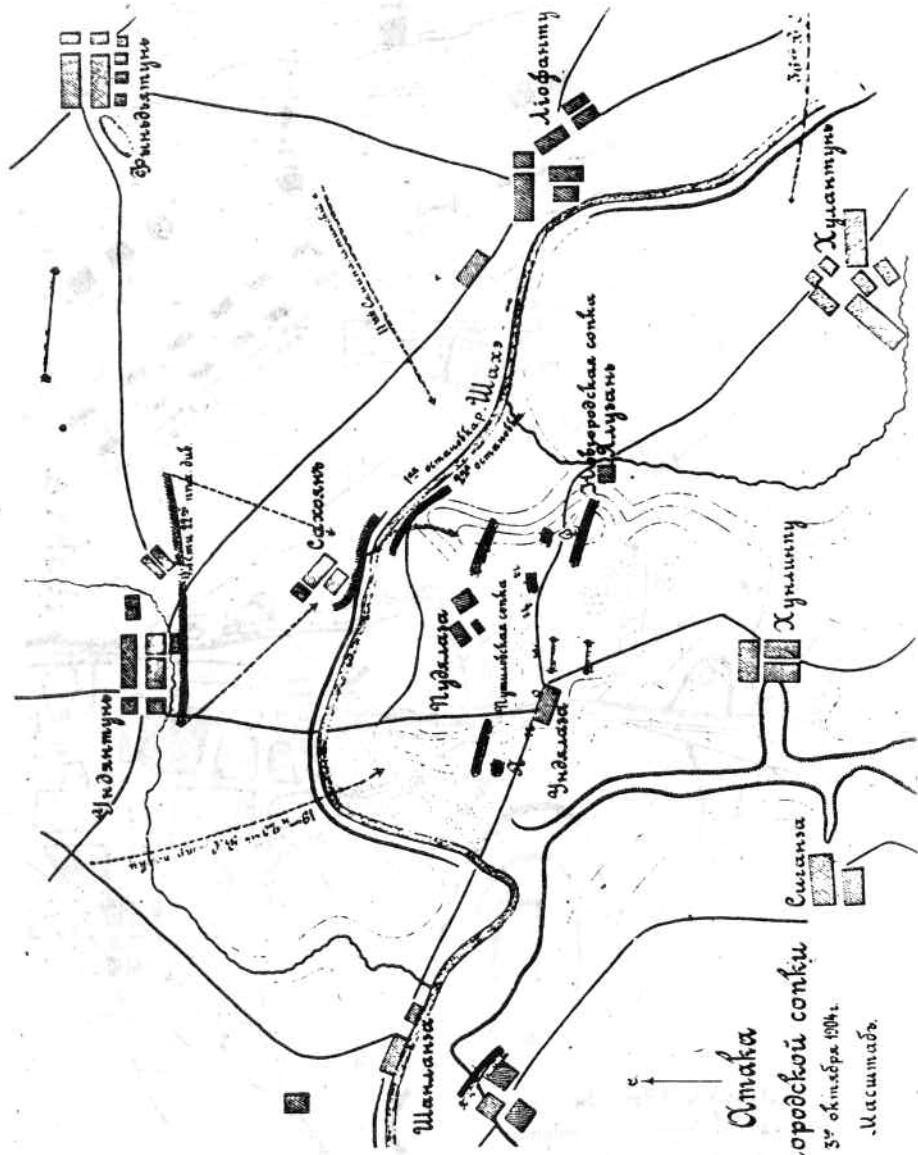

Атака 17 бригады
2ой прус. див. Заремского редута
в долину под с. Лобей
22ой августа 1877 года.

Масштаб.

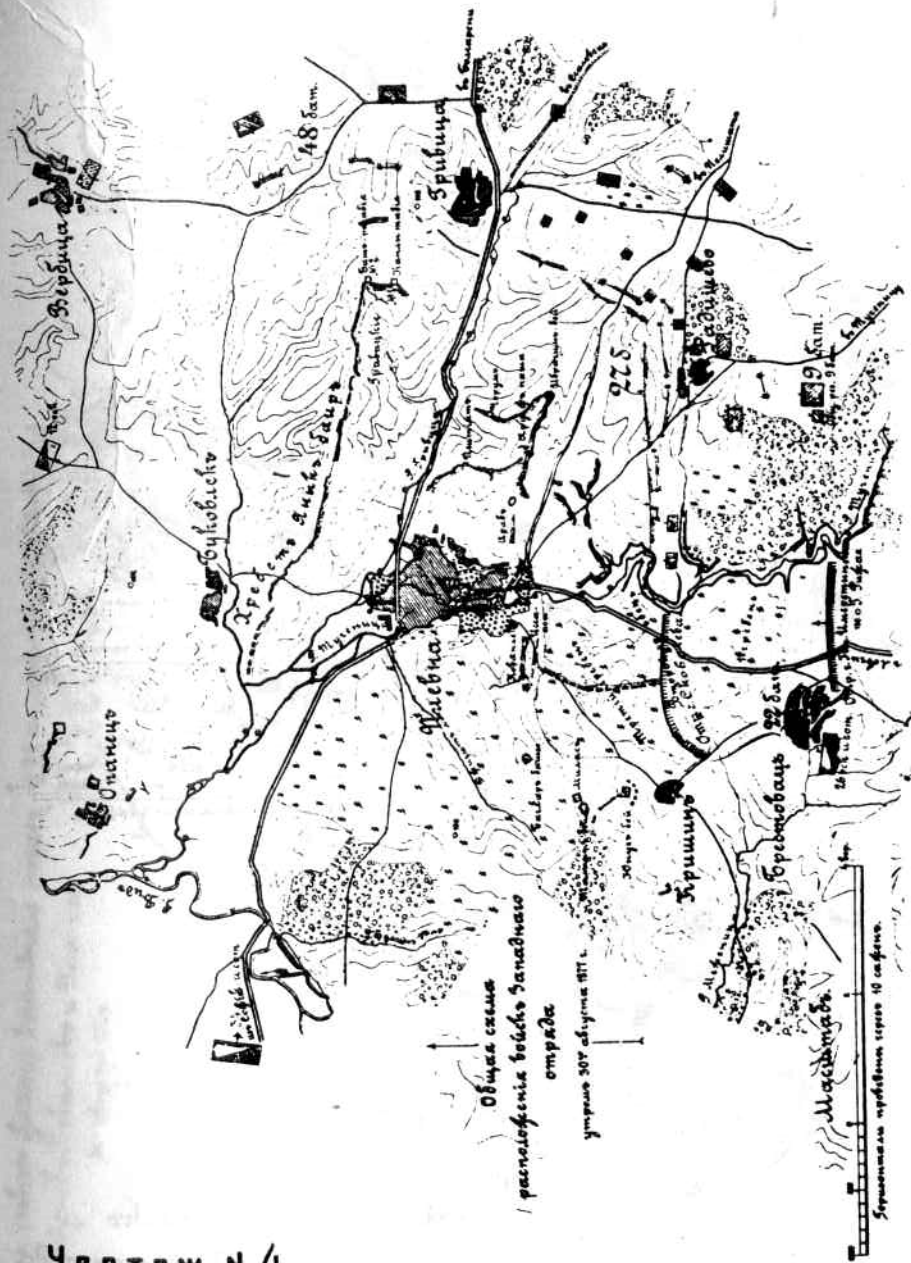

ЧЕРТЕЖ N 2

Чертеж № 3

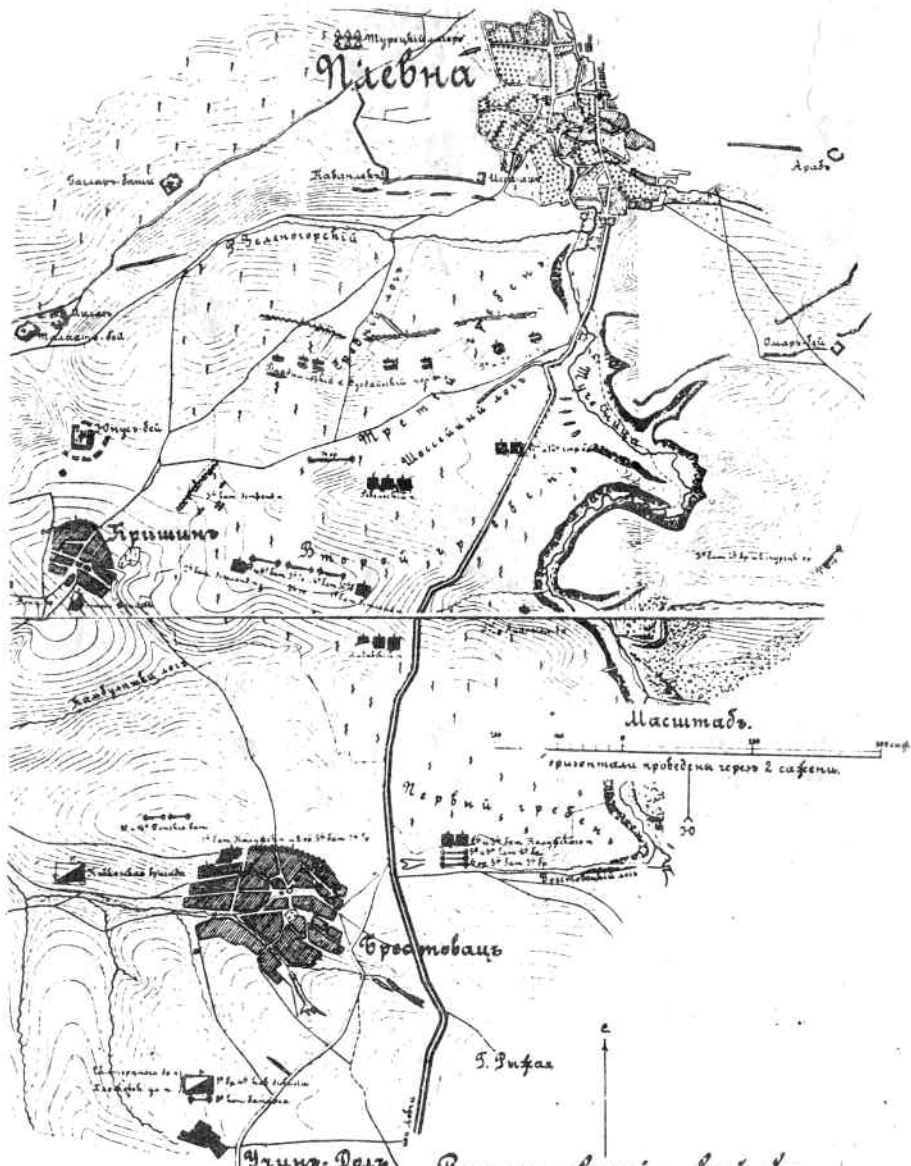
Отака
 Стеборской конки
 3^ю октября 1904.
 Масштабъ.

Чертеж № 4

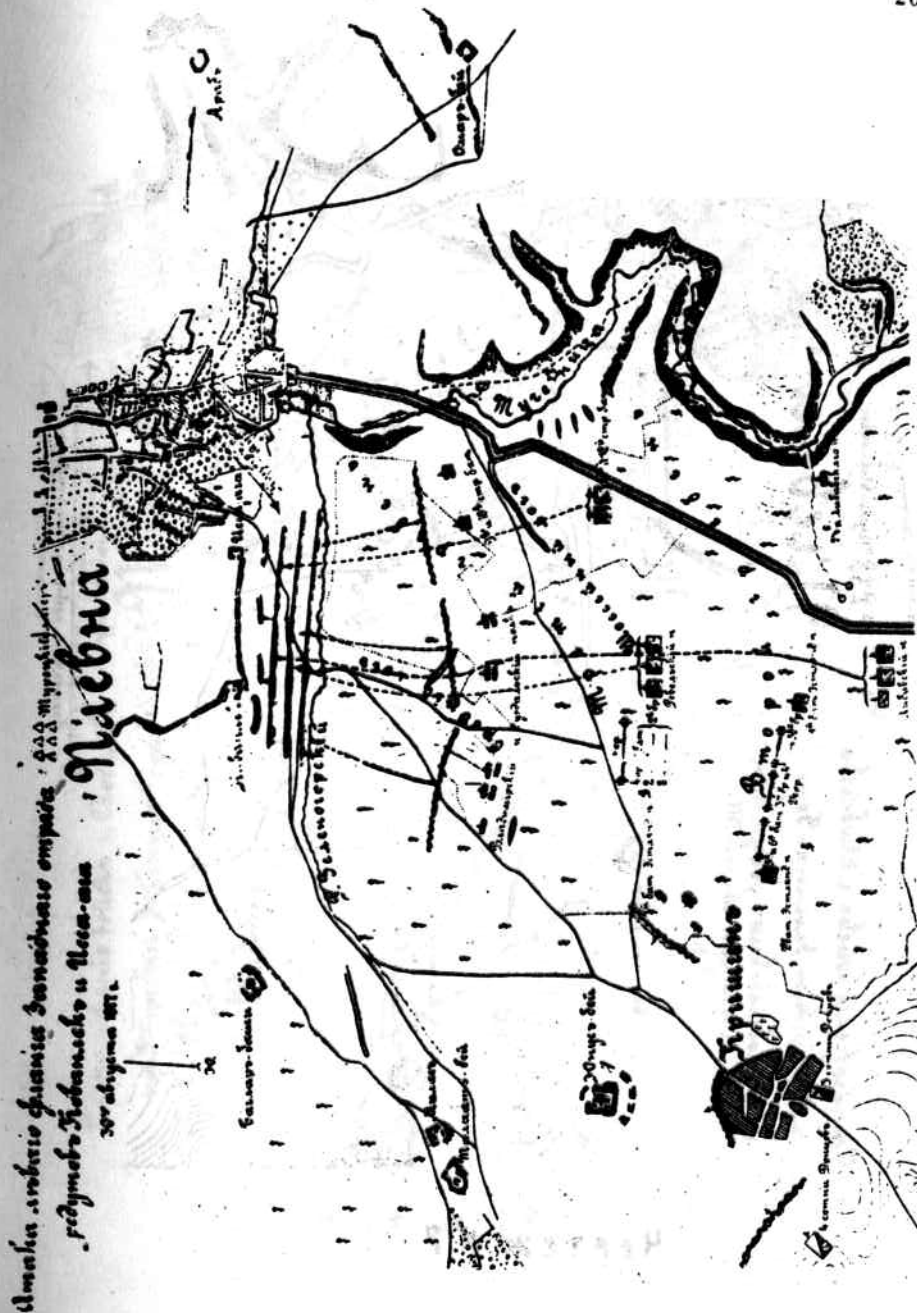
Общая схема
 расположения вѣтвей канальной
 отвода
 устье 30^ю августа 1911

Средняя глубина 10 саженей

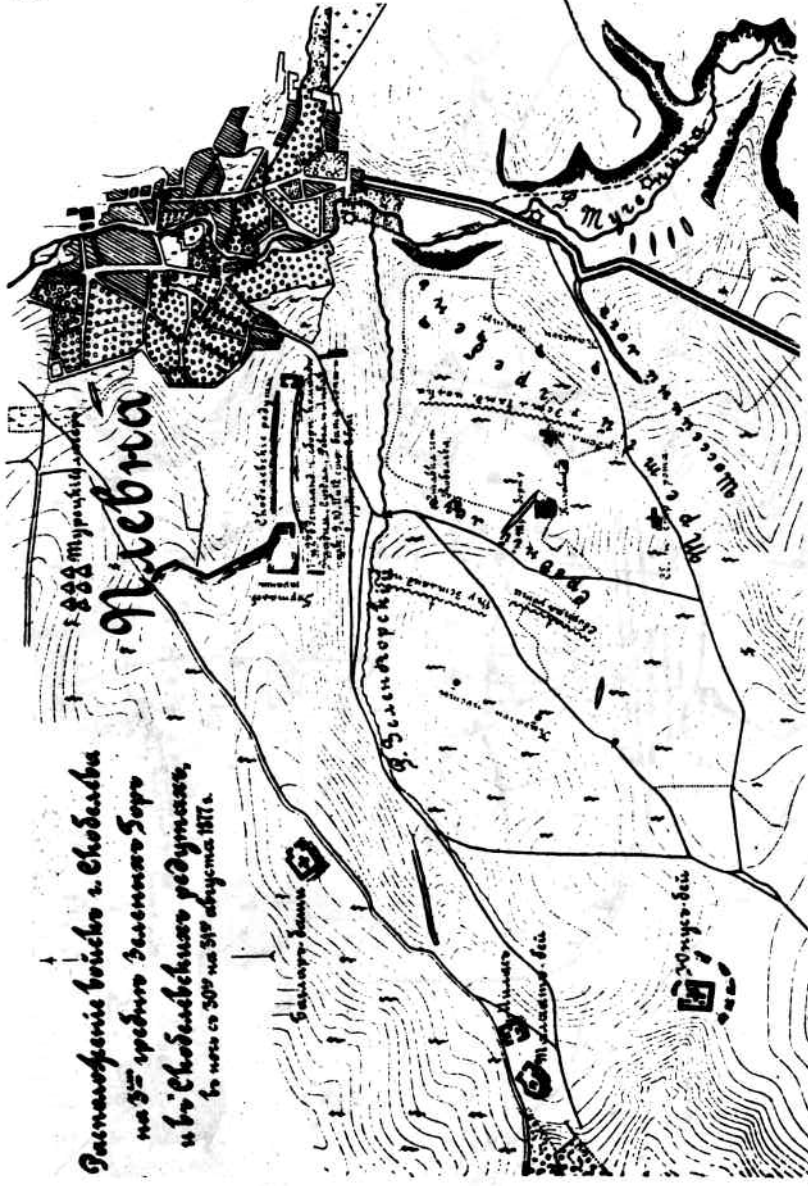

Расположение войск
 левого фланга Западного отряда
 къ 3 часамъ пополудни 30го августа 1877г.

Чертеж № 5

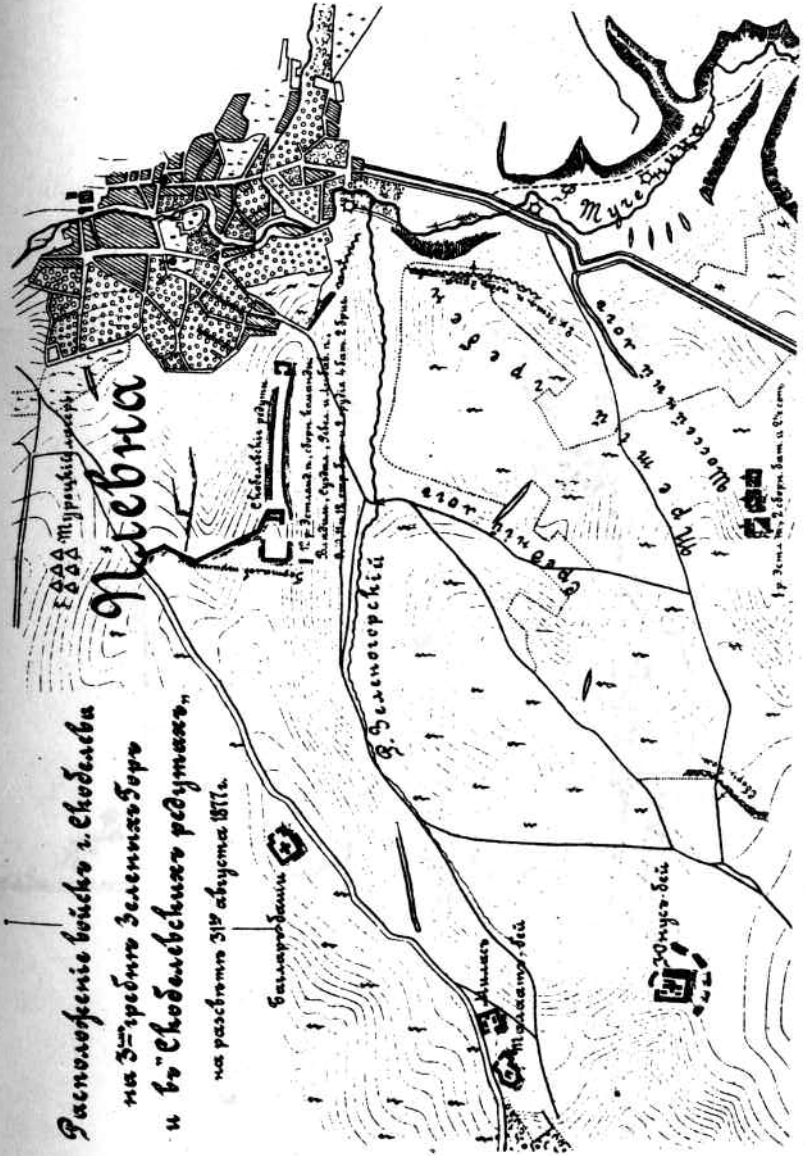

Расположение войск
 левого фланга Западного отряда
 к 3 часамъ пополудни 30го августа 1877г.

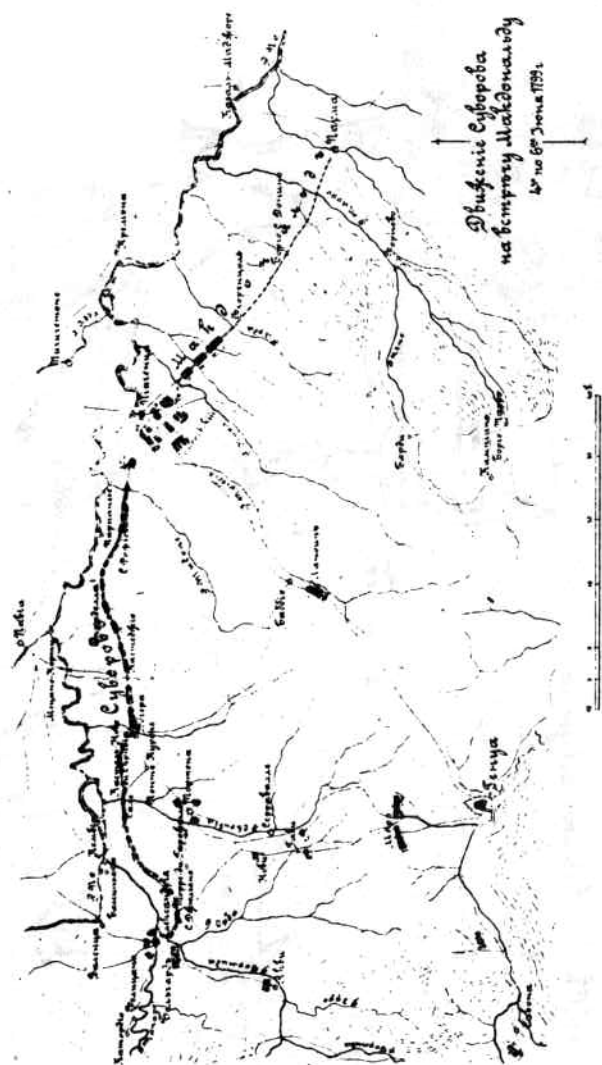
განთავსების ნიშნები და ჩოხობა
 № 3-ე სივრცითი ზედაპირი ზოგადი
 და ჩოხობის რეკონსტრუქციის
 ნიშნები 1937 წლის 31 იანვარს.

ЧЕРТЕЖ № 7

განთავსების ნიშნები და ჩოხობა
 № 3-ე სივრცითი ზედაპირი ზოგადი
 და ჩოხობის რეკონსტრუქციის
 ნიშნები 1937 წლის 31 იანვარს.

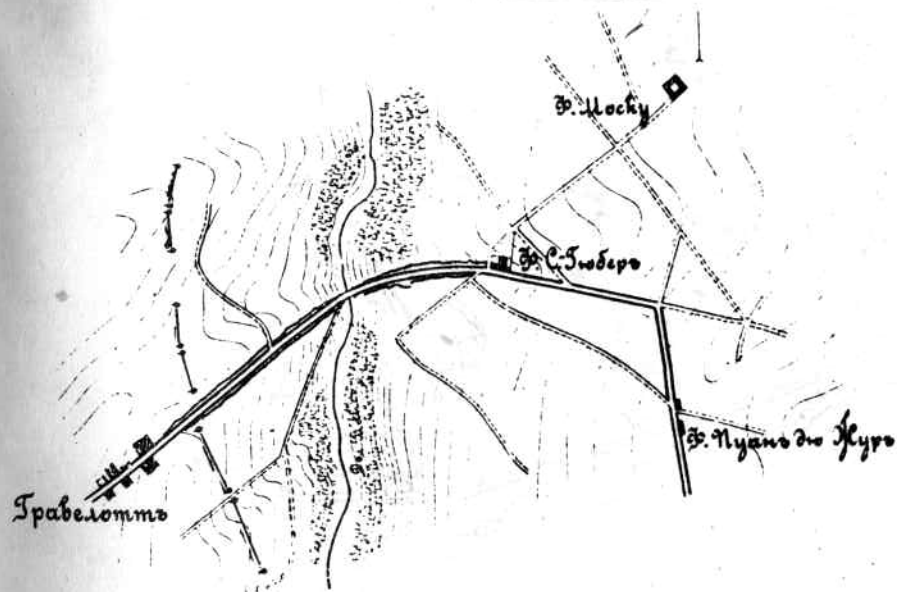
ЧЕРТЕЖ № 8

ЧЕРТЕЖ № 9

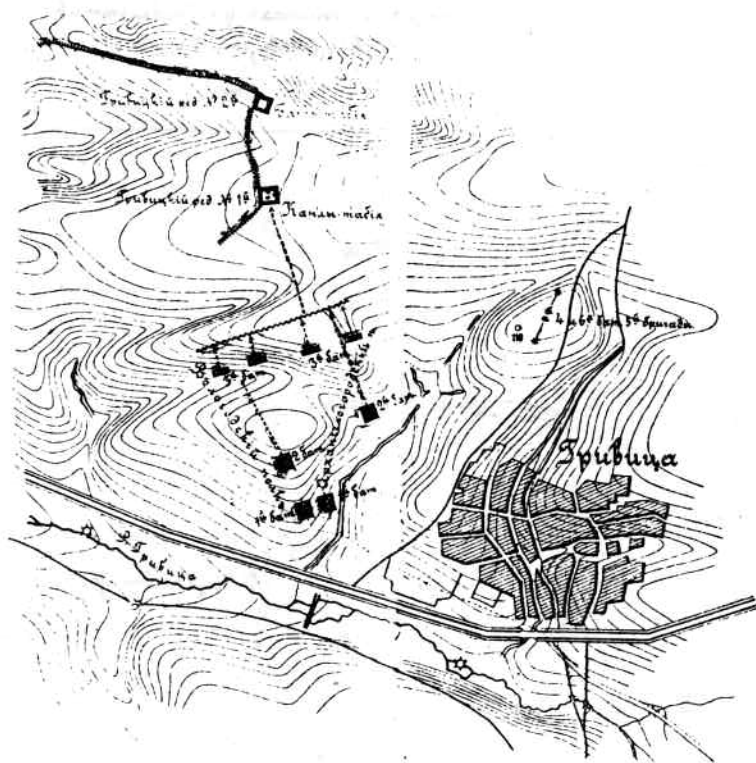
Схема къ описанию паники въ
прусскихъ войскахъ у с. Завеломтѣ, въ
бою 18 августа 1870 года.

Масштабъ.

ЧЕРТЕЖ № 10

Атака 1^а бригади
5^а пех. див. Зривуцкаго редута № 1.
30^а августа 1871.

Масштабъ.
Горизонталь предвѣны черезъ 2 саж.

Чертежъ № 11

СТАТЬИ

И

ПИСЬМА

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА - КАК НАУКА
(Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской
военной академии 8 января 1908 года)

Прежде чем приступить к изучению эпохи Наполеона^{1*}, коснемся одного общего вопроса, решение которого необходимо в самом начале нашей работы. Мы говорим об определении задачи Истории военного искусства.

Остановиться на этом вопросе тем более нужно, что строго говоря, до сих пор задача Истории военного искусства понимается различно. Нередко можно встретить понимание Истории военного искусства как энциклопедии военной истории; отсюда вытекает весьма пагубное следствие: История военного искусства превращается в бесконечное перечисление фактов, среди которых совершенно тонут выводы и она лишается необходимого для нее характера философии военной истории. Подобная постановка вопроса ведет к тому, что совершенно утрачивается различие между Военной историей и Историей военного искусства.

А вместе с тем, разница между двумя только что перечисленными науками весьма существенна.

История военного искусства как наука имеет целью **учить ход развития военного искусства** (его эволюцию).

Какую бы сторону общественной жизни не брали, мы непременно найдем или движение вперед, т. е. прогресс, или движение назад, т. е. регресс; оба эти явления обнимаются одним словом - эволюция. Статическое представление об обществе есть не что иное, как условная абстракция. В военном деле постоянное изменение его форм представляет из себя истину, думать, никем не оспариваемую. Поэтому изучение эволюции военного искусства, чему посвящает себя его история, необходимо. Это изучение дает ключ к пониманию явлений будущего; оно облегчает научное предугадывание того пути, по которому эволюция военного искусства должна следовать и в будущем. Говоря короче, выполнение Историей военного искусства поставленной нами задачи даст изучающему метод понимания обстановки, разумея последнюю в самом широком смысле слова.

Нельзя не видеть, что при той постановке вопроса, которая

сейчас была предложена, различие между Военной историей и Историей военного искусства весьма существенно. Первая стремится установить событие какой-нибудь войны или даже периода войн в их хронологическом порядке и выяснить их взаимоотношения и причинную связь. Таким образом, для Военной истории необходимо более или менее полное и хронологическое исследование событий войны. История военного искусства рассматривает военные события с более общей, **философской** точки зрения: ей не столько важно хронологическое расположение событий, как то, поскольку эти события характеризуют развитие известных идей и форм военного искусства. Таким образом, в изложении своем История военного искусства может не придерживаться хронологической последовательности событий, как должна это делать Военная история.

В отношении внешней формы Военной истории и Истории военного искусства, мы сделаем небольшое сравнение. Военная история подобна плану какого-либо участка местности, на котором точно и подробно должны быть нанесены все подробности, входящие в масштаб этого плана. Историю же военного искусства можно уподобить схеме огромного пространства, изучение которого с одинаковой подробностью на всем протяжении совершенно затемнило бы основные и характерные его свойства; эта схема представляет из себя карту самого крупного масштаба: местами самые общие наброски, на наиболее же характерных и нужных участках она переходит в столь же подробный и детальный план, которому мы уподобили Военную историю.

Изучение Истории военного искусства нужно для понимания самой Военной истории. Обстановка рассматривается Военной историей в ограниченных рамках. Общие социальные факторы большей частью пропускаются. У Военной истории не может быть того широкого размаха, того философского взгляда, который должен быть присущ Истории военного искусства. Последняя рассматривая военное дело в самых широких рамках и имея в своем распоряжении века, исследует обстановку в полном ее объеме. Вот почему История военного искусства даст тот угол зрения, под которым следует рассматривать явления данной войны, действия данного полководца. Ведь каждый полководец прежде всего дитя своего народа, дитя своего века, каждое событие происходит в совершенно определенной атмосфере, создаваемой современными этому событию цивилизацией, культурой,

общими условиями социальной жизни.

Указываемое нами очень важно. На примере исследования русской литературы войн Наполеона^{2*} мы можем убедиться, насколько вредно отозвалось долгое отсутствие общих исследований эпохи Наполеона. Следствием отсутствия общей оценки эпохи Наполеона с точки зрения Истории военного искусства получилось то, что очень часто пользуются выводами из войн Наполеона для современности совершенно не научно. Нанесению удара в бою сомкнутыми массами стремились подражать и в настоящую эпоху, совершенно упуская из виду силу современного огня. А в то же время почти совершенно незаметно проходили те основные идеи нового военного искусства, которые родились на рубеже XVIII и XIX веков и восприимчивом которых был гений Наполеона.

Вот этот научный критерий для пользования опытом прежних войн, опытом многовековым, дает История военного искусства. Это крайне существенно еще и потому, что при постоянной изменчивости многочисленных и различных факторов общественной жизни, техники и т. п. даже опыт только что минувшей войны для будущей в некоторых отношениях явится уже устаревшим. Тем более это будет верно, если обращаться к кампаниям отдаленным. Отказаться же от изучения последних невозможно. Безрассудно пренебрегать дорогого добытым опытом там, где за ошибки платят братской кровью и даже величием государства. А между тем, изучение военной истории — это главнейший путь в мирное время для подготовки к военному искусству. Отказываться ли от этого важнейшего пути из-за неумения по нему идти? Конечно нет. Нужно только приступая к изучению какой-либо войны или отдаленных ее событий суметь философским взором окинуть обстановку того времени, суметь найти то место, которое принадлежит этим явлениям в общем развитии военного искусства.

До сих пор мы рассматривали значение Истории военного искусства только с точки зрения той цели, которая должна ей служить путеводной звездой.

Но кроме расширения теоретических знаний, кроме расширения умственного кругозора, знакомство с историей военного искусства приносит огромную пользу и для прикладного военного образования.

"La guerre est avant tout un art simple et tout d'exécution" (Napoleon) — военное дело прежде всего дело практическое. Правда,

что само знание есть значительный шаг вперед. "От знания до умения шаг; от незнания до умения гораздо больше" (Виллизен). Но все-таки нужно помнить, что для военного человека мало быть образованным; знание для него имеет ценность только в том случае, если он умеет применить его на деле.

Поэтому прикладное образование имеет для военного человека первостепенное значение. И вот здесь История военного искусства может принести огромную пользу. Изучая деятельность наиболее выдающихся полководцев мира, так как они и являлись выразителями современных им эпох, она дает примеры пользования обстановкой великими мастерами военного искусства. Таким образом, она дает возможность изучающему ее ознакомиться с методом пользования обстановкой, понимая последнюю в самом широком смысле слова.

Указав в вышеизложенных строках различие между Историей военного искусства и Военной историей, упомянем теперь о их сродстве. История военного искусства есть высшее обобщение Военной истории — ее философия. Но если она дает свои выводы Военной истории, то с другой стороны, она черпает весь свой материал из военной Истории. Последняя есть ее основание. Без самого тщательного базирования на военную Историю, история Военного искусства может легко сойти с научного пути и построения ее обратятся в фантастические очерки.

Другая наука, с которой История военного искусства очень тесно связана — это стратегия — понимаемая в смысле науки, изучающей войну как явление общественной жизни¹. История военного искусства заимствует из стратегии законы, которые эта наука установила для явлений войны. Правда нельзя тут не заметить, что в этом отношении сделано очень мало. Если стратегия как теория военного искусства уже в значительной степени разработана, то как чистая наука о войне, как один из отделов социологии, она находится еще в младенческом состоянии. Причина — отсталое сравнительно с дру-

1. Вот почему в моей книге "Высшая военная школа" предложено было объединить в нашей академии эти кафедры, чем достигалось бы большее единство обучения и экономия в учебном времени. В этой же книге предложено было назвать часть стратегии, посвящающую себя исследованию войны, как явления общественной жизни "Высшим учением о войне".

гими науками состояние, в котором находятся все науки об обществе, в особенности же социология. Эта отсталость чистой науки о войне не может, конечно, не тормозить развития всех прочих военных наук, как чистых, так и прикладных. В частности, в настоящей работе, вследствие этой малой разработанности чистой стратегии, приходится те основные положения, которые мы кладем в ее фундамент и которые мы считаем **законами** войны, принимать как рабочую гипотезу настоящего труда. Дело стратегии-науки - доказать их.

Основным законом мы считаем закон главенства духовного элемента в явлениях войны. Главенство духовного элемента над материальными подтверждается великими полководцами. Военная история тоже подтверждает это на каждой странице.

Все отживающие и, следовательно, слабые в боевом отношении народы владели, большей частью, высокой внешней культурой. Да оно и не могло быть иначе, так как в период своей старости народ обладает всеми данными, добытыми продолжительным боевым опытом предшествовавшей жизни. Опыт этот собирался кропотливыми трудами многих поколений.

Так греки и македоняне перед потерей своей независимости владели военным устройством, выработанным всею великою жизнью греческого народа и унаследованным ими от Александра Македонского³.

По наружному виду македонская фаланга Персея⁴, сражавшаяся при Пидне в бою, решившем участь Македонии и Греции⁵, была не хуже тех греческих фаланг, которые справедливо славились своей непобедимостью. Но сами бойцы - греки и македоняне были далеко не такими, какими они были в период цветущего состояния названных государств.

Разрушение великолепной Римской Империи варварами еще более свидетельствует о том, что внешняя культура, как бы она ни была высока, сама по себе не в состоянии предохранить народ от гибели. Несомненно, что в древнем мире наиболее высоко было развито военное искусство у римлян и, конечно, Рим во время упадка не потерял обладание и знание этого искусства; если же все-таки он был подавлен грубыми и необразованными варварскими народами, то, очевидно, это произошло от крайнего недостатка духовной мощи в тог-

дашем римлянина².

"Римляне времен упадка, - говорит Густав Лебон⁶, - имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивую энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собою для идеала..."³.

Главенство духовного элемента считается избитой истиной, а между тем именно эта истина очень часто забывается теорией военного искусства. Причиной является то неправильное построение, которое большей частью кладется в основу всех рассуждений. При перечислении факторов, от которых зависит исход боя, все они ставятся в одном ряду; чертежом это построение выразилось бы так:

Это построение совершенно неправильно, так как в основе своей имеет механическое понимание войны. Но, кроме того, оно легко заставляет власть в ошибку. Духовный элемент наименее исследован и очень трудно поддается изучению. И вот, повторив слова Наполеона, что на войне 3/4 зависит от духа и 1/4 от материального элемента, большинство исследователей опускают в дальнейшей своей работе влияние духовного элемента и ведут свои рассуждения исключительно основываясь на анализе оставшейся 1/4 (материальный элемент), правда, гораздо легче учитываемой, более заметной, а главное - дающей возможность опираться на ряд точных и весьма разработанных наук. В этом случае получается следующая логическая ошибка: вместо того, чтобы считать

$$\text{победа} = f \left(\underbrace{(a. b. c. d.)}_{\text{духовный элемент}} \quad \underbrace{(k. l. m.)}_{\text{материальный элемент}} \right) \text{ выходит, что}$$

$$\text{победа} = f \left(\underbrace{(k. l. m.)}_{\text{материальный элемент}} \right)$$

2. Маслов "Анализ нравственных сил бойца", стр. 54.

3. Лебон Г. "Психология народов и масс", стр. 29.

Главенство духовного элемента выражается в том, что победа в бою есть следствие истощения духовных сил бойцов или полководца одной из сторон; причем это истощение может не совпадать и большей частью не совпадает с истощением материальных сил. Поэтому закон главенства духовного элемента нужно формулировать следующим образом: **каждый бой кончается отказом от борьбы одной из сторон.**

Отсюда следует, что в основу изучения явлений войны должно быть положено другое построение (см. чертеж), а именно то, что все факторы, от которых зависит исход боя (победа) условны, безусловен только один — это свойства бойца; все остальные факторы окончательную свою оценку получают через него, как окончательную и решающую инстанцию. Боец это призма, через которую преломляются все лучи причинной связи, исходящие от всех других факторов⁴.

Упомянутый нами закон главенства духовного элемента в явлениях войны необходим как **отправная точка**. При исследовании сложных явлений общественной жизни, к которым индуктивный метод может применяться в ограниченных размерах и при изучении которых дедукция играет главенствующую роль, поставить правильную исходную точку имеет первостепенное значение. От этого будет зависеть правильное проникновение в туманную и трудноисследуемую область общественных отношений.

Второй закон, которым управляются явления войны, это **закон**

4. Более подробно изложен этот вопрос на стр. 179-188 моей книги: "Исследование боя. Исследование свойств человека как бойца", СПб. 1907.

частной победы; бой решается не победой на протяжении всего фронта, а лишь на одном из пунктов сражения и в кризис боя. Этот закон вытекает из выводов индивидуальной и коллективной психологий. Каждый бой представляет из себя вначале как бы подвижное равновесие, которое с истощением духовных сил бойцов нарушается, происходит кризис боя, во время которого потрясение, произведенное в одной точке, передается как зараза по всему фронту. Этот закон боя, а, следовательно, и войны в военном искусстве выражается проведением в жизнь великими полководцами принципа частной победы, т.е. победы в решительную минуту в решительном месте. Если припомнить курс Истории военного искусства до изучаемой нами эпохи⁵, то нельзя не убедиться, что степень искусства полководца всецело может быть оцениваемая тем, поскольку он сумел при тех средствах, которые предоставляла современная ему эпоха, провести в жизнь этот принцип.

Конечно, формы, которые принимает в жизни этот принцип на протяжении многих веков, рассматриваемых Историей военного искусства, весьма различны. Вспомните хотя бы колонну-молот Эпаминонда⁷ в сражении под Левктрами⁸, косвенный боевой порядок Фридриха⁹ и т.п. Эти формы были следствием тех средств, которые давала полководцу современная ему эпоха; поэтому с постоянным изменением общественной жизни эти формы всегда будут различны; роль же великих полководцев в Истории военного искусства и заключается в том, что они в изменившейся обстановке создают новые формы применения вечного принципа частной победы, вытекающего из вечного закона частной победы.

Если первый упомянутый нами закон главенства духовного элемента необходим как исходная точка, то второй закон, а именно — закон частной победы нужен нам для установления правильной оценки искусства полководца, т.е. должен служить критерием при оценке военного искусства.

Здесь мы еще раз напомним, что оба эти закона, положенные в основу нашей работы, мы не считаем в настоящем труде доказанными. Доказать их — дело науки, изучающей войну, как явление обществен-

5. До Наполеона.

ной жизни, то есть стратегии⁶ и в этом отношении История военного искусства зависит от только что упомянутой науки.

Но кроме этих двух законов необходимо упомянуть еще и третий.

Все явления общественной жизни связаны между собой самым тесным образом. Эта связь всех сторон общественной жизни была указана уже в начале XIX столетия знаменитым творцом социологии Контом¹⁰. Закон установленный этим ученым говорит, что все стороны общественной жизни настолько тесно между собой связаны, что ни одну из них нельзя изменить с тем, чтобы не изменились все остальные. Военное дело есть только один из видов деятельности человечества. Оно тоже должно подчиняться этому закону. А отсюда следует, что формы военного искусства всегда носят на себе печать национальности, а также культуры и цивилизации своей эпохи.

Для примера возьмем два народа классической древности - греков и римлян.

Грек по своей природе художник, обладает гибким умом. И вот, если рассматривать военное искусство греков, то мы увидим художественное сочетание и богатство форм боя. Гибкий греческий ум выражается в обилии комбинаций. Не то у римлян. Римлянин обладает железным характером, он не так умственно подвижен как грек, но зато методичен, голубок, склонен к психологическому анализу. Посмотрите теперь боевой порядок и действие в бою римлян. Вы не увидите того богатства сочетаний, художества комбинаций как у греков, но зато римляне создали чудный манипулярный легион, идея которого основана на глубоком психологическом анализе. Бой, который ведут римляне, это методически, но с крайней настойчивостью развивающийся удар меча.

То же самое мы увидим, если проследим зависимость военного искусства от состояния цивилизации и культуры. Конечно, связи этой нельзя искать в мелочах, но общее направление известной культурной эпохи всегда отражается определенным направлением в военном искусстве.

Мы напомним здесь две эпохи рассмотренные в прежде прочитан-

6. "Высшего учения о войне".

ном курсе, а именно: средние века и век Людовика XIV⁷.

Эти две исторические эпохи резко отличаются друг от друга по общему направлению своей цивилизации, и отличительные черты каждой из них резко отражаются на современном этим эпохам военном искусстве.

Главная характерная черта средних веков - это отсутствие объединяющей силы. Правительственная власть слаба; у нее нет никаких постоянных средств проявления своей воли, у нее нет ни прочных государственных учреждений, ни постоянного суда, ни постоянной армии. Каждый феодал в своих владениях является вполне независимым государем. Он издает законы, творит суд, собирает подати, решает вопрос о войне и мире.

Таким образом, вместо общественного права и общественной власти господствуют частное право и частная власть.

Низшие классы народа подавлены как материально, так и нравственно. Наоборот, высшее сословие поставлено в исключительное положение. Полная независимость порождает в нем высокое сознание собственного достоинства, а отсутствие опеки со стороны правительства и всякой защиты со стороны государства развивает энергию и мощь в отдельной личности, которой приходится при всяких обстоятельствах рассчитывать только на себя.

В это время, время торжества грубой силы, научная деятельность находится в пренебрежении: она ищет убежища в монастырях и здесь, главным образом, обращается к рассмотрению вопросов религии. Философия - эта истолковательница смысла жизни, как бы не находя его в окружающей ее печальной действительности, совершенно отрешается от нее и перерождается в схоластику.

Таков общий характер средних веков, те же типичные черты носит на себе и их военное искусство.

Слабость центральной государственной власти порождает бессилие власти во главе армии и составляет основную причину отсутствия всякого управления и всякой связи в боях этой эпохи, распадающихся на целый ряд частных поединков. Стратегия и тактика этого времени всецело воплощаются в рыцарских поединках.

7. Оба примера заимствованы из книги Е. Мартынова "Стратегия Наполеона и наших дней".

Ненормальные отношения между сословиями порождают неправильное соотношение между родами войск: пехота, эта истинная царица полей сражений, играет второстепенную, совершенно подчиненную роль. Но зато условия общественной жизни чрезвычайно благоприятствуют развитию энергии и индивидуальности в высшем сословии — способствуют необыкновенному росту моральных сил главного рода войск тогдашних армий — рыцарской кавалерии⁸.

Отсутствие общей для всех власти, общего права в государстве, общих интересов в народе, общих начал в науке, вызывает отсутствие этих последних и в военном искусстве. Общество, стоящее на столь низкой ступени развития политического, социального, научного неспособно обобщать явления. При таких условиях лишенное всяких научных основ военное искусство низводится на степень простого ремесла.

Совсем другой характер имеет век Людовика XIV^{11*}. Иными интересами живет общество: другие идеи двигают его, другое направление принимает цивилизация.

Вместо чрезмерного развития индивидуальности, характеризующей средние века, вместо полной разрозненности мы видим сильную правительственную власть, обладающую достаточной силой и средствами для внесения единства в народную жизнь.

Но окрепшая государственная власть вступает на путь, ведущий к другой крайности — на путь всепоглощающей централизации под давлением которой совершенно исчезает самостоятельная жизнь отдельной личности. Эта централизация не ограничивается только сферой государственной жизни. Она проникает в науку, литературу, искусство, она проникает даже в частную жизнь. Все группируется около одной центральной личности абсолютного монарха, в котором воплощается идея целого, идея государства в самом широком смысле слова⁹.

В этом господствующем над всем прочим представлении о целом совершенно пропадает индивидуальное начало. "Государство — это я", — говорит Людовик XIV, характеризуя этими словами не только свое

9. Е. Мартынов "Стратегия Наполеона и наших дней", стр. 4 и 5.
10. Там же. стр. 5.

политическое мировоззрение, но и весь общественный и культурный строй современной ему Франции.

Тому же господствующему течению подчиняется и военное искусство: оно представляет те же характерные черты, ту же чрезмерную централизацию, то же крайнее развитие общего начала в ущерб частного.

Во главе армии теперь находится сильная власть полководца, но также как и в жизни общественной мы видим в военном деле ту же крайность.

Кроме творческой части искусства, полководец берет на себя всю технику командования; частные начальники являются только слепыми исполнителями его воли — ему не нужно их самостоятельной деятельности, их личных соображений; он и его штаб представляют всю интеллигентную силу армии точно также, как король и его двор воплощают политическую и умственную жизнь страны.

Взгляд того времени на государство, как на собственность короля, переносится и на армию. Последняя совершенно оторвана от народа. Сам же народ, во всем опекаемый и удаленный от какого-либо участия в политической жизни страны, относится к войнам, которые ведет король, совершенно безразлично. Вследствие всех этих общих причин — цели войны мелкие, династические¹¹, наемные войска дурного качества, состоящие наполовину из инородцев. Поэтому в стратегии мы видим страх перед боем; высшим искусством считается умение избежать его. Недоверие к своим войскам заставляло довольствоваться их исключительно из магазинов. Под влиянием всего этого появляется линейная тактика с ее деревянными, неподвижными формами, в стратегии процветает позиционная война.

Так, новые культурные идеи коренным образом изменяют как сам состав армий, так и способ управления ими.

Гизо^{12*} в своей "Истории цивилизации" говорит: "индивидуальность, личное начало, господство личности — такова характеристическая черта этого времени, ее мы встретим во всех элементах

11. Е. Мартынов "Стратегия Наполеона и наших дней", стр. 5 и 6.

средневековой цивилизации". Если это так, то централизация, общее начало, подавление личности – такова отличительная черта эпохи Людовика XIV, и эти две, так резко отличающиеся друг от друга, эпохи, передают характерные свои черты и современному им военному искусству. По крайней мере ни один из военных ученых, если бы ему была поставлена задача в нескольких словах определить характер военного искусства в это время, не сумел бы подыскать более точных, более рельефных выражений; а между тем, они взяты не из истории военного искусства, а из истории цивилизации; они, следовательно, общие для той и другой¹².

Тесная зависимость всех сторон общественной жизни имеет следствием то, что эволюция военного искусства тесно связана и обуславливается эволюцией общественной жизни.

Действительно, не столько перевороты в области вооружения, не столько усовершенствования техники, сколько перевороты в общественной жизни сопровождались крупными изменениями в стратегии и тактике.

Казалось бы, что в истории развития вооружения войск нет более крупного переворота, как вызванного изобретением пороха. Следовало поэтому ожидать, что с введением этого могущественного средства борьбы, явится полный переворот в военном искусстве. А между тем, мы ничего подобного в действительности не находим. В течение столетия, предшествовавшего применению пороха в военных целях, действительно совершается значительный переворот в развитии военного искусства. Этот переворот обуславливается падением феодального порядка и тленной системы, ниспровержением рыцарства, упрочением государственной власти, первым пробуждением к политической жизни среднего сословия – горожан и мещан. Ополченцы освободившихся от феодального ига городских и отчасти сельских общин образуют ядро организаций; будучи лишены средств и времени, чтобы обзавестись дорогостоящим конем, доспехами и обучиться рыцарскому способу ведения боя, эти ополченцы вооружаются легкими копьями, пиками, аллебардами (швейцарская пехота) или луками, арбалетами, палицами (фламандская пехота) и решаются в пешем строю встретить гордых латников, которые их настолько презирают вначале, что не

12. Е. Мартынов "Стратегия Наполеона и наших дней", стр. 6-7.

считая за достойных противников, как бы из снисхождения атакуют их.

И вот происходит, по-видимому, странное явление: гордые рыцари побеждены в целом ряде сражений презираемыми ими горожанами, сельскими жителями и ремесленниками, которые ничего не понимали в военном искусстве рыцарей. Сражение при Куртрэ¹³ (11 июня 1302 г.), при Моргартен¹⁴ (16 ноября 1315 г.), при Лаупене¹⁵ (21 июня 1339 г.), при Земпах¹⁶ (9 июля 1386 г.) и другие представляют победы фламандской и швейцарской пехоты над рыцарями, причем с обеих сторон еще нет и помину об употреблении огнестрельного оружия. При этом нужно еще заметить, что в вышеназванных сражениях численное превосходство почти всегда было на стороне рыцарей (например: при Моргартен это превосходство выражалось отношением 9:1)¹³.

Мы несколько долго остановились на вопросе о тесной зависимости военного искусства от общих социальных факторов потому, что очень часто военное дело рассматривается как нечто совершенно обособленное от остальных сторон общественной жизни. Не будем распространяться здесь насколько это научно, но укажем, что для нас закон о тесной связи всех сторон общественной жизни нужен для того, чтобы служить путеводной нитью в исследованиях по Истории военного искусства. Изучая военное искусство известной эпохи, мы должны обращаться к общим условиям социальной жизни этой эпохи, помня, что основные черты ее должны непременно отразиться соответственно и на современном этой эпохе военном искусстве.

Таким образом, при изучении Истории военного искусства:

Закон главенства духовного элемента – должен служить исходной точкой.

Закон частной победы – должен служить критерием при оценке военного искусства.

Закон частной связи всех сторон общественной жизни – должен служить путеводной нитью.

В заключение настоящей лекции мы считаем нужным упомянуть об

13. Агапеев. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств.

одном вопросе, хотя и не относящимся непосредственно к истории военного искусства, но касающемся настоящей лекции.

Задачей высшего образования является ознакомление с методами работы. Среднее образование имеет целью передать обучающемуся некоторое количество фактов, что требует преимущественно работы памяти, т. е. пассивного участия, пассивной работы обучающегося. В высшем учебном заведении, к которому только и может быть приравнена наша академия, преследуется одна цель: ознакомить с методом работы в известной области знания. Это уже требует гораздо большего духовного напряжения обучающегося, и, непременно активного, самостоятельного участия в работе. Поэтому-то предметом первой лекции мы избрали обсуждение цели и метода истории военного искусства.

Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни.

Глава 1.

Борьба за жизнь. Что составляет основные признаки живого существа? Возьмем простейшее из них — клеточку протоплазмы. Она нуждается в постоянном притоке энергии и материи; через нее происходит механический круговорот. Но это не составляет еще ее отличия от неорганического мира, где также существуют механические круговороты. Главным отличительным признаком является то, что клеточке присуща некоторая внутренняя сила, отличающаяся от внешних сил. В простой плесени, в амебе это выражается в том, что она выдвигает свои отростки для захватывания пищи. До сих пор, даже самые последние научные исследования не могли объяснить действия простой клетки одними механическими законами — всегда получается некоторый остаток; этот остаток и характеризует всякое живое существо. Деятельность амебы, неисчерпываемая одними законами механики, получает свое объяснение, если обратить внимание на цель, к которой направлены ее действия. Вся ее деятельность направлена к поддержанию своего существования. Таким образом, этой ничтожнейшей частице протоплазмы присуще стремление к продолжению своей жизни. Это стремление, хотя и совершенно стихийное, слепое, не есть механическая сила; оно носит признак волевой силы, и мы считаем себя в праве считать его самым первичным зачатком воли.

Стремление к продолжению своего существования выражается во всякой органической единице не только в обладании некоторой волевой силой; оно также проявляется в способности к производству себе подобного, в способности к размножению.

Нуждаясь для своего существования в притоке энергии и материи извне, всякий организм захватывает их. Но при своем постоянном размножении организм должен был встретить в конце концов препятствие как со стороны природы, так и со стороны себе подобных. Встречаясь с этими препятствиями волевая сила, присущая организму, толкающая его к продолжению своей жизни, заставляет его вступать в борьбу с ними или приспособляться к ним.

Таким образом, с первой же ступени проявления жизни мы встречаем борьбу. Последняя действительно должна считаться непременным спутником всякой жизни. Это уже давно обращало внимание мыслителей; напомним слова Лейбница¹: "мир возможен только на кладбище". Самое же интересное в данном случае это то, что именно борьба - борьба за существование может рассматриваться как могущественная причина дальнейшего развития органической жизни. Напомним Дарвинское объяснение происхождения видов.

Более приспособленный к борьбе имеет более шансов выжить, а, следовательно, и размножиться. Его приспособленность на основании закона наследственности может передаваться потомству. Благодаря этому случайные признаки (свойства), благоприятствующие успешнее вести борьбу за жизнь, закрепляются в потомстве. Это приводит к двум выводам: 1) о существовании эволюции в формах органической жизни, 2) к закону естественного отбора, согласно которому выживает наиболее приспособленный к борьбе (к жизни), т.е. более совершенный.

Закон естественного отбора. Естественный отбор действует среди всех живых существ; он обуславливает развитие органического мира. Его существование среди низших представителей органического мира доказывается эволюцией последнего. Но он действует и среди высших представителей, т.е. и среди человечества, только воздействие его более сложно. Он не исчерпывается здесь одной борьбой за материальное существование; он обнимает также и духовный мир. Я подчеркиваю это, ибо долго разграничивали в каждом организме физическое и духовное существование; обе эти стороны слишком тесно связаны для этого; человек не заключает в себе резко отдельные части: чувство, разум, волю - все это тесно переплетается.

Природа, одарив органическое вещество жизнью, с присущим ей некоторым волевым началом, втиснула посредством естественного отбора и эту жизнь в железные рамки закона. В законе естественного отбора мы находим примирение между свободой воли и подчинением закону, вопроса так много занимавшего философские умы.

Но один естественный отбор не может обуславливать все явле-

ния органической и социальной жизни. В этом, мне кажется, и заключается ошибка Дарвинистского направления в социологии².

Органический подбор. Отдельные клеточки под влиянием естественного отбора объединились в сложные организмы. Клеточки, вошедшие в состав последних, теряют свою индивидуальность и специализируются для какого-нибудь одного рода работы. Положение их в организме основано на самом деспотическом использовании части в интересах целого. Но вместе с этим, естественный отбор для клеточки, заключенной в организме, не имеет той силы, как для существующей самостоятельно. Естественный отбор действует, главным образом, через посредство индивида, взятого во всем целом. Для нее могут создавать условия ненормальные, неестественные, и она будет приспособляться и развиваться в этих ненормальных условиях. На этом основываются те перерождения в организме, которые, переходя пределы, влекут за собой смерть. Эти перерождения могут передаваться и последующим поколениям, и если эти изменения ведут к усилению организма, то они и закрепляются естественным отбором. Таким образом, раз клеточка вошла в состав организма, то развитие ее прежде всего обуславливается приспособлением к целому всего организма, т.е. развитие обуславливается прежде всего законом органического подбора. Этот закон заставляет клеточку все более и более подчиняться целому, все более специализироваться, терять свою индивидуальность, во имя большего развития сложного организма. Естественный отбор и органический подбор работает над эволюцией рука об руку. Эта работа, как показывает наука, идет в одном определенном направлении - постоянного развития сложного организма. При этом, развитие основывается не все большей специализации отдельных клеточек, на все большем подчинении их службе целому. На этой почве все сильнее развивается личность целого; над бессознательным, слепым стремлением развивается, образуется человеческое единое "Я", сводящее все к себе, и деспотически подчиняющее всю совокупность органических единиц, вошедших в состав его организма.

Отличие общества от сложного организма. Влияние стремления каждого организма к поддержанию своей жизни не останавливается на развитии сложных организмов. Оно заставляет возникнуть и общественность. Подобно тому, как клеточки объединяются в сложные организмы, отдельные индивиды образуют союзы. Кораллы, муравьи, пчелы, люди — вот, например, особи из самых разных ступеней эволюции, у которых мы найдем общественную жизнь. Единство основной причины, вызвавшей появление сложных организмов и общественной жизни, привело многих, даже выдающихся социологов (например, Спенсер^{3*}), к отождествлению общества и организма; это, так называемая, органическая школа социологии. А между тем, казалось бы, нельзя забывать существенное различие между ними.

В сложном организме, составляющие его индивиды (клеточки) тесно, органически связаны; они обезличены, совершенно специализированы для какой-нибудь работы в узких рамках, а потому эти индивиды значительно отличаются друг от друга не только качественно, но и в подобии. Эта связь, выраженная материально, благодаря специализации настолько тесна, что индивиды не могут продолжать жизнь отдельно от целого.

В обществе, хотя бы самом простейшем, индивидуальность особей, составляющих его единицы, сохраняется; в обществе мы никогда не увидим специализации, доведенной до такой же степени: каждая из особей выполняет сама непосредственно для себя все жизненно-необходимые функции; они подобны друг другу, а потому окончание существования самого союза или общества вовсе не обуславливает собой смерть его членов. Возьмем одно из простейших обществ — коралловое. Каждый полип хотя и связан с остальными материальной связью, но все-таки сохраняет свою индивидуальность; он ведет свое собственное существование, исполняя все необходимые для жизни функции сам. В этом существенное отличие кораллов от дерева. Мы уже упоминали, что с развитием сложного организма подчинение частей целому, их специализация все возрастает и, таким образом, особенности, изложенные выше, все резче проявляются. Наоборот, чем выше мы будем подниматься по лестнице общественной жизни, тем в составляющих его [организм] особях, мы найдем более резко выра-

женне личное начало.

В обществах муравьев и пчел мы можем уже заметить довольно ярко выраженную индивидуальность. Правда, работа муравьев и пчел по сравнению с людьми носит автоматический характер; также мы увидим у них и большую специализацию; но нужно помнить, что ведь в этих случаях еще не имеется дело с чистым сознанием. Вся работа муравьев и пчел основана на инстинкте, там же, где мы имеем инстинкт — там непременно встретится автоматизм и резко выраженная специализация. Но вместе с тем, интересно то, что все-таки в пчелах и в муравьях индивидуальность уже выражена достаточно полно. Известен факт, что рабочие пчелы вовсе не так обезличены, что в них сохраняются страсти и способности очень похожие на наши, и могущие просыпаться и давать о себе знать. Замечено, что пчела легко пристраивается к крепким напиткам, и это пристрастие сопровождается у них такими же последствиями, как и у людей. Они начинают пренебрегать своими обязанностями и, прежде всего, перестают трудиться, начинают губить ульи и т.п. На этом примере мы видим хотя и отрицательное проявление индивидуальности, но достаточно развитие последней в пчелах, и что общественность есть результат приспособления в виде привычки, привившейся через ряд поколений отдельным особям.

Последние слова характеризуют всякое общественное соединение, в том числе и людское. В всяком человеке мы найдем определенно выраженное "Я", к которому этот человек относит все свои отношения к внешнему миру. Общество этого "Я" не может иметь. Все что к нему относится, будет противопоставляться "Я" каждого человека, составляющего это общество. У Густва Лебона мы встречаем выражения "душа расы", "душа толпы", причем значение этим словам придается не переносное. На эти выражения нельзя смотреть иначе, как на образные. Народное "Я" не может быть подобно "Я" живого существа, ибо единицы его составляющие, сохраняют свое личное начало. Народное "Я" лежит в душе каждого "Я" индивида его составляющего; оно заключается в тех привычках, инстинктах, свойствах, которые привиты ему долгой совместной исторической жизнью. Тем не менее, эта связь настолько сильна, что, не впадая в парадокс, можно сказать, нашими поступками управляю гораздо более предки,

чем мы сами.

Таким образом, мы видим, что связь в обществе исключительно психическая и основывается на развитии индивида. Действительно, рассматривая историю человечества, мы увидим, что по мере его развития все больше и больше освобождается личность. Вспомните хотя бы рабство, крепостное право. Но это освобождение может идти только рука об руку с развитием самой личности, способной к более тонкой возвышенной связи.

Можно установить закон, согласно которому, чем выше мы будем подниматься по ступеням эволюции социальной жизни, тем все большее и большее развитие получает индивидуальное начало.

В общественной жизни должен существовать свой подбор. Установив существенное отличие общественного соединения от органического, мы должны прийти к заключению, что человеческое развитие не может быть всецело обусловлено естественным отбором и органическим подбором.

Естественный отбор мог оказывать непосредственное сильное влияние в эпоху младенчества человечества, когда общественная жизнь была еще в зачатке, и когда человек тесно зависел от всего внешнего мира. С развитием общественной жизни непосредственное воздействие естественного отбора на каждого отдельного человека изменяется. Союзы, в которые вошел составным членом человек, имеют целью обеспечить его существование внутри этого союза; таким образом, непосредственное влияние на отдельного человека естественного отбора ослабляется. Кроме того, по мере своего развития, человек научается все более и более распоряжаться внешним миром и даже приспособляет его для своей жизни.

Если мы перейдем теперь к органическому подбору, то увидим, что он еще менее может объяснить эволюцию общественной жизни; он содействует этой эволюции, так как определяет развитие отдельного индивида, и ни в каком случае не может обусловить всего ее хода.

Таким образом, в обществе должен существовать свой подбор. Общественная жизнь создает для существования человека совершенно специфические условия, в особенности в области духовного мира. Эволюцию человечества нельзя рассматривать только в узких рамках

материальных и органических потребностей; потребности нравственные и умственные играют тоже значительную роль. Но раз увеличивается объем потребностей, расширяется также арена деятельности, борьбы и объединения, — следовательно, в обществе должен проявиться свой специфический подбор.

Сильное развитие личности индивида в обществе вообще, в человеческом в особенности, по сравнению с зависимым положением клеточки в сложном организме, заставляет допустить, что социальный подбор отличается от органического, и не может стремиться к полному подчинению составляющих данное общество индивидов. Даже при организации общественного соединения на самых деспотических началах никогда не будет совершенно стерт "Я" каждого из индивидов его составляющих. Изучение же философии истории показывает, что с поступательным движением эволюции социальной жизни, происходит все большее и большее освобождение и развитие личности.

Глава 2.

Социальный подбор, а не отбор.

Остановимся теперь на мысли, брошенной в конце предыдущей главы — на социальном подборе. Обращаем внимание на то, что мы употребляем здесь слово подбор, но не отбор.

Понятие "отбор" требует устранения слабого, негодного от передачи своих свойств потомству, то есть от размножения. С развитием общественной жизни отбор внутри общественных соединений почти совершенно устраняется. Смертная казнь, уничтожающая преступников, слишком редкое явление, чтобы иметь в этом отношении значение. Общественные соединения внутри себя стремятся ко все большему и большему устранению железного закона естественного отбора. Все более развивающаяся идея равенства в значительной мере этому способствует.

Что мы понимаем под словами: социальный подбор.

Но если естественный отбор не заметен в обществе с той отчетливостью, как на низших ступенях развития органической жизни, зато в каждом общественном соединении мы непременно увидим явления социального подбора. Мы заметим

его решительно во всех проявлениях повседневной жизни - будь это философское, религиозное, ученое сообщество, акционерная компания, рабочий союз и т.п. Этот подбор выражается прежде всего в соединении людей одинаково думающих, одинаково верующих, совместно заинтересованных, а потому вместе работающих и борющихся с теми, кто им мешает.

При этом цели, которые они преследуют, не имеют абсолютный характер, а совершенно относительный. Гонение христиан было предпринято потому, что люди, заинтересованные в поддержании современного им режима, считали христиан опасными врагами их общественного устройства. Жестокости инквизиции совершенно несовместимы с сущностью великого учения Христа, но деятели ее были уверены в том, что действуют "во славу Господа". Акционерная компания стремится извлечь выгоду для участников предприятия, причем в этом стремлении она может расходиться с интересами рабочих, общественных слоев и даже государства.

Все союзы, общества, соединения неоформленные, чисто мимолетного характера, преследуют свои цели. Их деятельность взаимно сочетается, переплетается, сталкивается. Создается весьма сложная атмосфера общественной жизни, в которой и протекает вся жизнь человека. Эта атмосфера с освобождением личности все более усложняется. Укажу хотя бы на развивающуюся форму общественного соединения: люди, читающие одну газету не составляют общественного союза в прямом смысле слова, не составляют [они] и толпу, скорее всего можно назвать их "обществом"¹. Но несмотря на неясную отграниченность [так в оригинале], на отсутствие непосредственного общения, в этом соединении имеется связь - связь привычки к направлению известных идей, развиваемых в данной газете, а потому - постоянные читатели одной и той же газеты представляют из себя некоторое общественное соединение. Отсюда мы видим, как сложна атмосфера общественной жизни, и почему одно понятие о борьбе индивидуумов друг с другом не может исчерпать общественной жизни, точно также, как эгоизм не может объяснить всю деятельность человека. В этом отношении труды по политической экономии, строящие

1. Гард⁴ называет "публикой".

свои выводы на одном понятии о конкуренции, неизбежно должны прийти к крайне односторонним заключениям. Но если борьба в чистом виде не может лежать в основе дедукции, то одно стремление к соединению точно также не может для этого послужить. Посмотрите на любой факт общественной жизни. Вы увидите непременно сочетание объединения и борьбы, хотя бы в скрытом виде. Всякое общественное соединение не только стремится собирать помощников, но также отстраняет тех, кто ему мешает.

Вот почему мы вводим новое понятие "социальный подбор", которое должно обнять оба эти явления.

Из изложенного ясно, что видимое устройство общественной жизни, есть прямое следствие явлений социального подбора. Культурное, политическое, экономическое устройство текущей минуты исходит непосредственно из этих взаимоотношений. Следовательно, жизнь каждого отдельного индивида этим обуславливается.

Воздействие социального подбора увеличивается тем, что человек в психической жизни расположен приспособляться к социальной обстановке. Поощрение, осуждение сильно действуют на него. Эти поощрения и осуждения могут исходить не только от власти. В еще большей степени люди считаются с так называемым общественным мнением. Много ли из них имеют мужество устоять против него?

Психическое приспособление отличается от органического.

Но психическое приспособление в социальной жизни носит несколько другой характер, чем приспособление клеток в сложном организме. Социальная жизнь более подвижна, как основанная на индивидах обособленных, в то время как в органической жизни особи непосредственно тесно связаны.

В психической жизни мы встречаемся с особым рода явлениями, ей исключительно свойственными. Мы говорим о восприимчивости человека к внушению.

Внушение есть воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия сознания внушаемого лица².

2. Бехтерев "Внушение и его роль в общественной жизни".

Внушение играет огромную роль в социальной жизни человека, гораздо большую, чем ему до сих пор отводят в исследованиях общества. Дело в том, что действие внушения ничуть не связывается обязательным образом с особым состоянием душевной деятельности, известным под названием гипноза. Это доказывает случаи осуществления внушения, производимого в бодрствующем состоянии. Более того, внушение, понимаемое в широком смысле слова, является одним из способов воздействия одного лица на другое при обыденных условиях жизни.

Ввиду этого, внушение является крайне важным фактором в общественной жизни; оно должно быть предметом исследования не одних только врачей, но и вообще всех лиц, изучающих социальную жизнь и законы ее проявления.

Примеры проявления в социальной жизни психического приспособления и внушения.

Психическое приспособление и внушение легко замечаются в двух родах явлений общественной жизни - это подражательность и духовная зараза.

Давно уже замечено присущее человеку стремление к подражанию. Способность к подражанию, как диффузия в среде наполненной газом, стремится уравнивать все части социальной среды, разрушить все оригинальное, сравнять

а) Подражание.

все особенности и отличительные черты отдельных людей. Каждый человек предрасположен к подражательности, при чем эта способность достигает своего апогея в собраниях людей³.

Подражательная способность человека является, пожалуй, одной из наиболее развитых способностей его природы. Достаточно взглянуть вокруг себя, чтобы убедиться в том, что социальный мир во многом представляет сцепление сходств, происшедших от подражания во всех видах: в моде, в привычках, в симпатиях, в послушании, в образовании, воспитании; подражания произвольного и подражания в силу рефлекса⁴.

В явлениях подражательности находится что-то таинственное,

3. Bordier "La vie des societes".

4. Tarde "Les lois de l'imitation".

какое-то притяжение, которое лучше всего сравнить с бессознательным и всевластным побуждением, заставляющим нас почти без нашего ведома повторять то, чему мы были свидетелями, и что произвело глубокое впечатление на наши чувства и воображение. Существует известного рода очарование, от которого не в состоянии защитить себя слабые люди⁵. Эпидемии самоубийств, следовавших за каким-нибудь самоубийством, обратившим на себя внимание, сильно заинтересовавшим и взволновавшим общественное мнение; преступления, следовавшие за каким-нибудь другим, о котором прокричали все газеты - все это следствия подражательной способности человека.

б). Духовная зараза.

Духовная зараза представляет такое явление, которое легче указать, чем объяснить. Как звук музыкальной ноты заставляет колебаться ту же ноту на деках, так и проявление известного чувства, страсти вызывает подобный же инстинктивный элемент, направляет его к деятельности, заставляет его как бы колебаться у всякой отдельной личности, способной по своему духовному складу более или испытывать это инстинктивное чувство⁶.

Большинство писателей, трактующих вопрос о духовной заразе, считали возможным этим, удачно найденным сравнением, объяснить его. Конечно, это объяснение, как всякая аналогия, не есть доказательство. Мы привели его потому, что оно облегчает очертить затронутый нами вопрос.

Духовной заразой объясняются и политические, и религиозные эпидемии, которые стремительно увлекали тысячи людей, иногда - целые народы вслед за пламенной речью вдохновенного оратора. Еще с большим основанием мы имеем право приписывать заразе неподвижные и, с первого взгляда непонятные движения толпы, ее способность к паническому бегству, к жесточайшему преступлению, к величайшему героизму.

Очевидно, что эти два явления - подражательность и духовная зараза, хотя большей частью и рассматриваются как обособлен-

5. Ebrard. Le suicide considere au point de vue medical, philosophique, etc.

6. Despine. De la contagion morale.

ные факторы, на самом деле — суть, не что иное, как проявление психического приспособления и внушения.

Социальный подбор действует не только в ширину, но и в глубину. Психическое приспособление и внушение действуют, таким образом, образованию целого ряда идей, чувствований, общих [для] более значительной части людей. Допустим, что условия, вызывающие это объединение, действуют продолжительный промежуток времени. Вызываемые ими психические состояния обращаются понемногу в привычку. Последние, передаваясь в следующие поколения благодаря закону наследственности, спускаются в область инстинкта, и все сильнее и сильнее закрепляется. Таким образом, социальный подбор действует, если можно так выразиться, не только в ширину, но и в глубину. В текущий момент времени он распространяет известные душевные состояния, стремясь сделать их всеобщими. Но в то же время, благодаря закону наследственности, он действует и в глубину, связывая поколения людей в один общий поток и эта связь очень сильна, так как лежит в области подсознательного. Напомним здесь, что сознательная жизнь человека составляет только самую незначительную часть нашего существования, ее можно уподобить ручейку, протекающему по широкому лугу.

Идея, опустившаяся в область инстинкта, получает страшную власть над нашими поступками. Наши верования, понятия, наши склонности умственные и нравственные — составляют капитал, веками накапливавшийся и передававшийся из поколения в поколение.

Действие социального подбора на поверхности нашей жизни более заметно, в то время, как действие его в глубину скрывается в туманной области далекого прошлого. Мощное течение в океане, захватывая огромное водное пространство, несет весь этот могучий поток в определенном направлении; на поверхности этого водного пространства верхние слои могут прийти в волнение и даже в направлении, противоположном общему течению; но это только рябь в сравнении с глубоким мощным потоком, который увлекает все в принятом направлении. Этому потоку можно уподобить действие социального подбора. Каждый народ как бы заключает в духовной организации составляющих его личностей те законы, которые управляют его

судьбой.

В социальном подборе мы найдем объяснение крайне сложным и запутанным событиям истории. Если принимать во внимание только изолированные исторические факты, то может показаться, что в истории царствует только случайность. А между тем, все эти явления, даже кажущиеся совершенно случайными, строго обуславливаются предыдущей социальной жизнью. Что может казаться с первого взгляда более неожиданным, менее последовательным, чем события, происшедшие во Франции в конце XVIII и начале XIX веков, когда вспыхнувшая революция, кровавой волной пронеслась по Франции для того, чтобы на своем гребне вынести нового Цезаря:

Но все эти события находят свое обоснование и объяснение в психическом складе француза. Обратимся к его характеристике. Укажем при этом на то, что все подобные характеристики делать очень трудно; народный дух слишком сложен и не укладывается вполне в краткое описание подобно тому, как сложные отношения высшей математики не могут быть выражены в элементарной. Да кроме того, в этом крайне сложном и тонком вопросе можно легко быть обвиненным в желании подтасовать факты. Для того, чтобы взять оценку совершенно беспристрастную, независимую от самих событий французской истории XVIII века, обратимся к очень древним источникам. Это будет тем более интереснее, что этим еще обнаружится та историческая глубина, которая влияет на текущие события.

Олий Цезарь^{5*}, говоря про Галлов^{6*}, обрисовывает их впечатлительными и непостоянными на совещаниях, склонными к революциям, тщеславными, пристрастными ко всему блестящему.

Страбон^{7*} подтверждает оценку Цезаря, но он еще добавляет, что Галлы, мало способные отступать от своих личных желаний, инстинктивно стремились к равенству. Даже привилегия возраста им ненавистна. У них все братья получали равную долю, — как должна была быть равна длина их мечей.

Если мы теперь обратимся к самым историческим событиям, то увидим, что из знаменитого девиза "свобода, равенство, братство", французская революция осуществила в некоторой степени только равенство, свобода же и братство так и остались в области красивых слов. Причиной этому служит та черта французского характера, ко-

торая была замечена Страбоном. В характеристике Цезаря и Страбона мы находим объяснение всех крупнейших черт, упоминаемых нами событий: как возникновение и течения самой революции, так так и той легкости, с какой генерал Бонапарт блеском своих побед заставляет быстро забыть республиканские стремления. Проснувшееся французское тщеславие приводит к Империи и посылает волны вторжения, докатившиеся до всех столиц континента.

В подтверждение нашего мнения приведем слова самого генерала Бонапарта: "Вы, французы, - говорит он своим современникам, - не умеете ничего хотеть за исключением, быть может, равенства. Даже и от него вы охотно отказались бы, если каждый из вас льстит себя мыслью, что будет первый. Надо каждому дать надежду на возвышение. Необходимо всегда держать ваше тщеславие в напряженном состоянии". Генерал Бонапарт на деле доказал верность своего определения.

Мы привели вышеизложенный пример для того, чтобы показать ту силу связи в глубину, которая существует в социальном подборе. Мы отнюдь не отрицаем влияния на общественную жизнь текущей обстановки. Но воздействие ее на социальный подбор может проявляться очень медленно, только через ряд поколений, а потому и действие социального подбора так долго и глубоко.

Потоки социального подбора. Мы уподобили социальный подбор потоку. Вернее будет, если мы уподобим его ряду потоков.

Эти чрезвычайно многочисленные, маленькие ручейки, обширнейшие океанические течения, струи с крайне расплывчатыми формами - все эти потоки взаимно сливаются, переплетаются и представляют очень сложную картину, трудную для исследователя.

Не в данной небольшой работе, где мы ограничиваемся только наброском основных мыслей, подробно анализировать эту сложную картину. Укажем только на несколько характерных потоков: расу, народность и класс.

Корни рас нужно искать по преимуществу в условиях географических. По мере того, как человек научается использовать неорганическую природу, расы должны будут утрачивать свои обособленные

черты. Но все-таки, в настоящую минуту и еще долгое время влияние расы будет значительно.

На расовом фоне мы видим резко выраженные общественные соединения - это народности. Эти соединения обуславливаются, главным образом, социальными условиями, а именно: совместной исторической жизнью и совместной исторической борьбой. Сила связи этого рода общественных соединений ярко выражается одним фактором: каждый народ вырабатывает свой язык, в котором как в зеркале отражаются все национальные духовные черты.

В самом народе мы можем обнаружить тоже ряд соединений: касты, сословия, классы. С развитием и освобождением личности, - этой общей тенденции эволюции общественной жизни, перегородки, разделяющие эти соединения, уничтожаются; смешение становится все больше. Но эта группировка не может быть столь устойчива, как народность. Социальный подбор для своего сильного проявления должен действовать продолжительное время из поколения в поколение. Противопоставление классовых интересов народным, как это любят делать социалисты, есть ошибка, в которую так часто впадает человечество, преувеличивающее свою свободу воли и свободу действий.

Из этих потоков самый могучий - народность. Для образования народа социальный подбор действует века. Действие его захватывает одновременно все интересы индивида: духовные и материальные (в том числе и экономические) и в то же время его действие довольно резко отграничено от прочих подобных же потоков. Национальный поток имеет наибольшее право уподобиться глубокому океанскому течению, поверхность которого может волноваться даже в противоположном этому течению направлении, причем это волнение на поверхности производит более видимый, чем действительный результат.

Долгое совместное сожителство, совместная историческая борьба и интересы делают признаки народа очень устойчивыми; разве не является доказательством этой силы то, что печать национальности мы увидим решительно на всех проявлениях деятельности людей: в их верованиях, обычаях, внутренней и внешней политике, в военном деле, в искусстве; даже в области мысли - области, в которой наиболее сильна индивидуальность, в этом царстве сухой ло-

гики нельзя тоже не заметить определенных тенденций: рационализма француза, методизма немца, стремления к индукции англичанина.

Сила национальной связи настолько велика, что заставила многих ученых ошибочно отыскивать реальную народную душу (Густав Лебон) или уподобить народ организму (Спенсер). Объединение нации благодаря этой силе минувшего настолько велико, что, действительно, жизнь народа во многом аналогична жизни сложного организма; народы тоже имеют свою молодость, зрелость, старость, даже смерть, — но правда, это выражается иначе, чем в сложном организме, где, как мы неоднократно уже упоминали, индивидуумы обезличены.

Народность нужно считать самым могучим потоком социального подбора. Даже раса уступает ему в силе. Все прочие потоки, сравнительно с национальным, лишь незначительные струи. Они сливаются с народным потоком; с большим трудом они могут идти ему наперекор, да и то, в результате получится несколько небольших водоворотов; только долго действуя этим струям удастся несколько отклонить направление общего потока для того, чтобы самим, еще более отклонившись, слиться с потоком народности.

Вот почему на каждый народ нужно смотреть как на носителя известного духа, не отвеченной идеи, — как полагал Гегель^{8*}, а целого духовного мира. Всякое изменение в области культурной, политической, экономической, военной, непременно проходит через призму народности, так как всякая идея имеет сферу влияния очень ограниченную; она есть достояние немногочисленных выдающихся умов, которые являются только песчинками в национальном море. Силу же для воздействия на общественную жизнь эта идея приобретает только тогда, когда она опустится в область чувств, и таким образом, станет достоянием масс. А здесь она неминуемо встретится с прочно спаянным духовным миром нации. Ей остается только войти в состав этого мира, причем в прочной его спайке она сама получает действительную силу.

Вот почему изучение общей эволюции человечества непременно сводится к изучению отдельных эволюций народов. Общее движение человечества к прогрессу представляет собой не простую кривую линию, а сложную кривую волнообразного характера, причем каждая волна соответствует какой-нибудь национальной эволюции.

Глава 3.

Социальный подбор все-таки в своей основе имеет свободу действий индивида.

Предшествующую главу мы посвятили краткому очерку социального подбора. Мы указывали при этом, что социальный подбор выражается в ряде потоков различной мощности, переплетающихся самым сложным образом. Мы указывали также, что сила этих потоков весьма различна, причем на первом месте в отношении силы, нужно поставить народность. В настоящей главе мы остановим внимание читателя на другой стороне вопроса.

Как бы ни был силен социальный подбор, он все-таки не может быть вполне уподоблен органическому. Последний, как уже говорилось выше, основывается на полном порабощении индивидуальности подверженных его воздействию клеточек; социальный подбор никогда не достигает этого. Чем выше мы поднимаемся по лестнице развития органической среды, тем более ярко выраженную индивидуальность мы находим; слепое волевое начало постепенно развивается в сознательную волю. Поэтому в человеческом обществе, как мы уже упоминали в 1-й главе, не может быть такого полного подчинения индивидуальности входящих в его состав единиц, как это встречается в сложных организмах. Психическое приспособление, внушение, традиция — все это способствует образованию известного потока социального подбора. Но этот поток никогда не обнимет всех индивидов. Напомню еще раз, что социальный подбор не есть отбор в смысле полного устранения всего того, что с ним не совпадает. Стремление к этому устранению конечно есть, но оно не может быть исчерпывающим, как это имеет место в естественном отборе. Элемент, не соответствующий социальному подбору хотя и поставлен в более тяжелые условия своего существования, все-таки существует и размножается.

Само направление социального подбора в основе своей зависит от личного волевого начала, подверженных влиянию этого подбора отдельных людей. Закон большого числа канализирует случайности, происходящие от свободы действий отдельных людей, но он не может погасить влияния вождей, которые ведут за собою массы и содействуют образованию или поддержанию соответствующего социального подбора. Значение личности в истории выражается в виде потоков

социального подбора. Из этого следует, что направление каждого потока социального подбора в основе своей имеет волевое начало и потому является случайным по отношению к общим мировым законам. Это направление может совсем не совпадать с направлением естественного отбора.

Необходимость дополнительной и окончательной канализации случайностей. Из изложенного видно, что для окончательной канализации случайностей, для направления их в русло, начертанное и строго ограниченное мировыми законами, социальный подбор недостаточен. В самом деле, развитие народа может следовать не в том направлении, которое требуется общими законами развития. Подобно тому, как в организме и в народе могут обнаружиться болезненные отклонения, а социальный подбор без воздействия извне может только усиливать это отклонение. Главное же нужно помнить, что в каждом потоке социального подбора одной из данных, обуславливающих его направление, является волевое начало индивидов его составляющих. Таким образом, мы как будто бы должны остановиться перед дилеммой: или допустить, что развитие органической жизни на высших ступенях эволюции зависит от личной воли индивидуума, т.е. от произвола и случайности, или — вынужденны совершенно отрицать свободу воли.

На первый вопрос можно ответить, что история умственного развития человечества сводится к тому, что человек постепенно заменяет свое первобытное учение о господстве случая и личного произвола учением о законе. "Подобно тому, как падение камня, течение реки, движение тени, шелест листьев оказались следствиями законов природы, — такими же следствиями оказались движения светил". В событиях и явлениях, величие и обширность коих все возрастает, человек открывает господство закона⁷. Учение об управлении мира законом все расширяется и должно охватить все явления природы. Ненаучно, поэтому, допускать, что общее развитие человечества есть область слепого случая.

Теперь посмотрим, возможно ли совершенно отрицать всякую

7. Дрэнер "История умственного развития Европы".

ком большое значение. Изучение духовной жизни показывает насколько каждый наш поступок представляет из себя явление, крепкими нитями связанное с прошлым, и с впечатлениями внешней обстановки. Но от этого до полного отрицания хотя бы самой незначительной крупинки свободы воли, разделяет целая пропасть. Если движения простой амебы мы не можем объяснить одними механическими законами, то, тем более не объясним сложный духовный мир человека; характерным признаком психической жизни является именно присутствие некоторой волевой силы; называем ее волевой в отличие от внешних сил материального мира, от которых проявления ее существенно отличаются. Вот почему мы считаем, что полное отрицание свободы воли, есть отрицание психической жизни, т.е. приводит к отрицанию фактов.

Но если один социальный подбор не дает возможности объяснить сочетание свободы воли с подчинением развития общественной жизни законам, то полное примирение этих двух начал мы найдем, если вновь обратимся к закону естественного отбора.

Взаимодействие социального подбора с естественным отбором определяет общее течение эволюции человечества. Социальный подбор, образующий ряд потоков случайного направления, неминуемо должен привести к их взаимному столкновению и подобно тому, как случайные отклонения в развитии отдельных организмов направляются на общий путь эволюции органической жизни естественным отбором, подобно этому и различные случайные направления потоков социального подбора канализуются в русло общего развития тоже социальным отбором. Таким образом, естественный отбор, гарантирующий выживание более совершенного, вступает вновь в свои права в жизни человечества, которое, как мы говорили выше, внутри самих общественных соединений стремится возможно более ослабить проявление этого закона.

Из всех потоков социального подбора мы выделили национальные потоки, как обобщающие внутри себя остальные потоки, как обобщающие внутри себя остальные потоки. Вследствие этого естественный отбор и проявится по преимуществу в борьбе этих потоков.

Борьба этих потоков окончательное свое выражение находит в войне.

Отсюда мы заключаем, что война является тем орудием природы, посредством которого развитие человеческого общества направлялась по тому пути, по которому оно прошло от быта дикаря до современного состояния цивилизации. Это значение войны не умаляет значение других факторов развития, а именно, стремления к объединению, солидарности, выражающихся в явлениях социального подбора. Но так как это объединение в своем развитии легко может уклониться от пути, предначертанного законами общественной жизни, то воздействие естественного отбора является неременным условием прогресса.

Взаимодействие двух начал объединения и борьбы обуславливают эволюцию всей органической и общественной жизни.

Да иначе это и не может быть; даже наименее развитой особи живого мира присуща волевая сила и, следовательно, связанная с ней некоторая индивидуальность, а это неминуемо должно приводить не только к солидарности, но и к борьбе; в этой же борьбе окончательно исчезает воздействие личного начала на ход эволюции и, как органическая, так и общественная жизнь в своем развитии подчиняются безличным мировым законам.

Как выражается естественный отбор в общественной жизни? Закон естественного отбора выражается в выживании более жизнеспособного, более совершенного и в исчезновении более слабого, менее жизнеспособного. В этом его отличие от подборов органического и социального. В органической жизни естественный отбор выражается в вымирании менее жизнеспособных. Невольно напрашивается вопрос: как же он выражается в общественной жизни? В социальной жизни естественный отбор проявляется аналогично: исчезают общественные соединения. Но это разрушение отличается от вымирания в органической жизни постольку, поскольку отличается общественное соединение от сложного организма.

Это отличие, как мы уже говорили в предыдущих главах, заключается в резко выраженной индивидуальности особей, составляющих это соединение индивидов. Разрушение общественного соединения

заключается в другом. - именно в уничтожении связи, соединяющей индивидов его составляющих, а это ведет к прекращению ведет к прекращению соответствующего потока социального подбора. Связь между людьми, составляющими данное общественное соединение есть связь психическая, являющаяся частью сознательного и подсознательного "Я" каждого из этих людей. Поэтому борьба двух потоков социального подбора и действует в этом направлении. Сколько бы мы не говорили о широкой терпимости и т.п. - это все верно только в известных рамках: сильная здоровая народность всегда будет эгоистична. Этот эгоизм может не проявляться в виде грубой нетерпимости и порабощения в прямом смысле слова; культура в этом отношении сделала очень многое; но от своего национального мировоззрения ни один здоровый народ не в состоянии отказаться и всегда будет навязывать его другим. В истории мы видим иногда отказы от национальных начал, доведенный до безразличия - показатель разложения данной народности. Она превращается в то, что немцы характерно называли "этнографическим материалом". Этому материалу при первом же представившемся случае более сильная нация неминуемо привьет свой духовный мир.

Война и значение ее изучения. В войне, сказали мы выше, выражается в наиболее резкой форме естественный отбор между общественными соединениями. Более приспособленные к жизни, благодаря верному направлению своего социального подбора народы поглощают других с уклонившимися от общего направления, предначертанного мировым законом, социальными подборами и прививают им свое мировоззрение. Вот почему только в изучении войны как явления общественной жизни и можно проследить путь мирового прогресса. А между тем, ни одно из явлений общественной жизни не пользуется таким пренебрежением среди людей науки, как война. Война есть проявление и пережиток варварства, война - зло, от которого люди по мере своего развития освобождаются, - вот крайне распространенные взгляды не только среди простых смертных, но также и среди людей науки. Отсюда часто приходят к совершенно нелогичному выводу - опускают в исследованиях общественной жизни войну. Последняя всецело предоставляется изучению военных. Но во-

енные, как люди, стремящиеся к близкой практической цели, изучают войну с точки зрения теории военного дела и искусства. Поэтому — то война как явление общественной жизни очень мало исследована.

Допустим, что война есть зло. Но она все-таки до сих пор существовала, возможность ее продолжает существовать в настоящее время и, конечно, она имеет крупное значение в развитии народов. Кроме того, само понятие о добре и зле с точки зрения положительной науки совершенно условно. Сила положительной науки, успехи, к которым она привела человечество, являются результатом как раз того, что она отказалась от изучения вещей "в самих себе". Метафизика руководствовалась обратным; стремясь познать сущность вещей, она выходила из пределов достоверности, а потому все ее рассуждения, основываясь на посылах научно недоказуемых, приводили к выводам условным. Слабость метафизики заключалась не в применении дедукции, а исключительно в ненаучной предвзятости идей, положенных в основу дедукции. Понятия о добре и зле — не могут считаться в числе идей, на которых может обосновываться положительная наука. Война существует: социология обязана с ней считаться и отвести место для ее изучения. Мы думаем, что свет, который внесет это изучение, значительно раздвинет рамки понимания общественной жизни и избавит социальные науки от многих односторонностей. При изучении же очень сложных явлений так легко впасть в односторонность. Ни одному естествоиспытателю не пришла бы в голову мысль делать выводы об изучаемом целом, устранив совершенно от исследования одну из важнейших частей этого целого. А ведь социологи, исключаящие из своего поля зрения войну, поступают совершенно аналогично. Повторяем изучение войны, как явления общественной жизни, внесет существенный корректив в общее понимание социальной жизни.

Основным выводом, к которому пришла военная наука, является закон главенства духа в явлениях войны.

Бой, прежде всего, представляет собой величайшую драму. В душе бойца идет сознательная и подсознательная борьба двух стремлений: положительного — ведущего его к победе, и отрицательного — вытекающего из инстинкта самосохранения и толкающего его к уклонению от борьбы. По мере увеличения опасности более слабые субъ-

екты уклоняются, т.е. отказываются от дальнейшей борьбы. В особенно резкие формы выливается душевная борьба в группе бойцов по мере превращения этой группы в "психологическую толпу". Этому превращению содействует само течение боя (опасность). Под влиянием внушения (духовная зараза, подражание) в толпе, психологически объединившейся, одно из чувств становится всеобщим и доходит до крайнего напряжения. Подвижное равновесие в духовном отношении, которое до этого превращения существовало, в эту минуту нарушается; борьба между стремлениями прекращается; одно из них получает окончательное господство. Это нарушение подвижного равновесия в "психологической толпе" выражается в крайне резких формах: "толпа" способна — или на героизм или на панику, середины для нее нет. Этот период боя, характерными чертами которого является решительность, скоротечность и стихийность, для данного очага боя, для данной группы бойцов, для данного очага боя, является кризисом; отрицательным выражением последнего является "массовый" отказ от дальнейшей борьбы.

Крайне интересно в этом отношении изучение боев древности, которые представляли собой каждый только один очаг боя, а потому и всецело управлялись законами "психологической толпы". Это изучение показывает, что каждый древний бой кончался отказом от борьбы одной из сторон.

Таким образом, в каждом очаге боя конец является результатом не исчерпания всех материальных средств, а отказом от борьбы одной из сторон.

Современный бой есть явление значительно более сложное, чем бой древних времен. Он представляет собой сочетание разбросанных в пространстве и времени множества мелких очагов боя.

В виду того, что в каждом из этих очагов конец боя является результатом отказа от борьбы, то победа в современном бою в конце концов также является следствием отказа от борьбы одной из сторон.

Цифры % общих потерь в главнейших сражениях различных эпох показывают, что относительная величина потерь становится все меньшей по мере приближения к современной эпохе. Таким образом, "отказ от борьбы" в современном бою проявляется проявляется не в

меньшей мере, чем раньше. Поэтому я и предложил формулировать закон главенства духа в явлениях войны в следующих словах: *каждый бой кончается отказом от борьбы одной из сторон*⁸.

Из этого основного закона войны следует, что на первом месте среди факторов мирового прогресса следует поставить духовный мир человека. Наиболее яркой формулировкой этой идеи можно считать слова Гизо: "Мир создается преимущественно человеком. От его чувств, идей и умственных наклонностей зависит устройство и движение человеческого мира; от его внутреннего состояния зависит и видимое состояние общества".

В самом деле, если исход каждого боя является следствием не исчерпания материальных средств борьбы, а отказа от борьбы одной из сторон, то необходимо признать, что *победа принадлежит духовно более сильному*. Духовная же сила бойцов прямо пропорциональна вере и убеждению их в той идее, из-за которой ведется борьба. Чем прочнее вросла эта идея в подсознательное "Я" каждого из бойцов, тем дольше она будет в состоянии бороться с могущественнейшим из инстинктов - инстинктом самосохранения, - и отказ от борьбы наступит позже.

Таким образом, в конце концов война апеллирует к душе каждого из бойцов; ее решение зависит от того *духовного капитала, который скоплен в предшествующие войне периоды и который заложен в душе каждого бойца в виде идей, опустившихся в область чувств и инстинктов*.

Приняв вышеизложенный основной закон войны, социология должна признать всю односторонность учения экономического материализма во всех его различных видах. Это учение, народившееся под влиянием чрезвычайного развития в современную эпоху экономических факторов, верно для объяснения периодов мирного времени, совершенно несостоятельно для объяснения хода социальной жизни, взятой во всем ее целом, т.е. во время мира и войны.

Не этим ли объясняется то пренебрежение к войне, которое встречается у всех писателей и деятелей, исповедывающих учение

экономического материализма. Последний совершенно прав, как истолкователь общего направления социального подбора, обусловливаемого современной экономической жизнью. Но, как мы и старались объяснить в настоящей главе, направление социального подбора может не совпадать с тем общим направлением, которое предуказано мировыми законами. Направление же общего течения человечества в русло предуказанное этими законами и происходит посредством естественного отбора в борьбе между потоками социальных подборов, главным же образом, в борьбе наиболее мощных из них, а именно - народностей. Вот почему философия военной истории есть ни что иное, как история естественного отбора в социальной жизни, и только в философии военной истории можно найти путеводные нити для понимания поступательного движения человечества по пути к прогрессу.

⁸ Подробному исследованию этого вопроса посвящен мой труд: "Исследование боя. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека, как бойца".

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

О черк 1: ВВЕДЕНИЕ

Творческая и техническая стороны управления.

По мере роста войсковых соединений управление последними настолько усложняется, что один начальник не в состоянии выполнить всей этой этой работы в полном ее объеме.

Начальнику нужна помощь. Но, как показывает военная история, эта помощь допустима только при неременном соблюдении одного условия: *единоначалие не должно быть нарушено.*

Отсюда легко определить ту часть управления войсками, которая всегда должна оставаться в руках начальника, а именно - окончательная постановка решения. Начальник может слушать советы, если почитает это полезным, но окончательно решать может и должен только он один, иначе единоначалие будет нарушено; нарушение же единоначалия, как показывает военная история, является одной из важнейших причин неудач и поражений.

Вполне понятно, что "постановка решения" является важнейшей частью управления, так как решительно все действия при правильном ведении дела должны являться только звеньями в логической цепи, имеющей свое начало в решении. Но вместе с этим "постановка решения" является и труднейшей частью управления, она требует со стороны начальника огромной затраты нравственной энергии, проявления чрезвычайного мужества, стоит только вспомнить хотя бы о той нравственной ответственности, которая сопровождает каждое решение начальника на войне. "Трудно себе представить, - пишет на острове Св. Елены император Наполеон, - какое величие души требуется от военачальника при ведении им генерального сражения".

Определив ту часть управления, которая должна оставаться всегда присущей начальнику, мы можем прийти на основании только что изложенного к тому выводу, что все остальное не только может быть, но и должно быть снято с плеч начальника.

Рассмотрев таким образом в общих чертах границы, в которых к делу управления должны быть привлечены помощники, определим теперь, по каким направлениям должна идти эта помощь.

Прежде всего ближайшими помощниками при выполнении "решения" являются непосредственно подчиненные войсковые начальники. Высшее командование указывает каждому из них частную задачу, предоставляя в самом выполнении возможно более широкое поле для их самостоятельной работы. Вполне понятно, что подобная постановка дела значительно разгрузит работу старшего начальника.

Но рядом с работой самих войск в каждом большом войсковом соединении существует крайне обширная работа в смысле поддержания войск в надлежащей боевой готовности. Сюда относится ряд служб снабжения, сообщения и тыла.

Не останавливаясь пока подробно на этом вопросе, укажем только на то, что естественным решением является привлечение к руководству этими службами соответствующих лиц, которые помогут начальнику в проведении его решения в жизнь.

Но и указанной помощи, как со стороны войсковых начальников, так и начальников служб, как ни ценна она для начальников больших войсковых соединений, недостаточно.

Дело в том, что сама постановка общего "решения", являющаяся основанием, из которого вытекают как логические выводы, все частные задачи, требует рядом с той "творческой" стороной, о которой говорилось в самом начале, еще и обширной технической работы.

Всякое решение в современной войне групп армий должно вытекать как следствие из задачи, поставленной свыше, оно должно считаться с группировкой своих войск, их боевою готовностью и т.п. Таким образом, всякое решение для своего обоснования требует некоторой технической работы, выражающейся в сборе, обработке и сводке всех имеющихся данных о своих войсках, о неприятеле и о местности. Эта техническая работа в больших войсковых соединениях очень велика.

Затем всякое "решение" переливается в жизнь прежде всего в виде отдаваемых старшим начальником приказаний. В большинстве же войсковых соединений подготовка и отдача приказаний вызывает большую техническую работу.

Необходимость разгрузить в наибольшей мере старшего начальника, чтобы таким образом он имел возможность сосредоточить все свои умственные и духовные силы на "творческой" части управления,

вызывает требование также снять со старшего начальника и "техническую" часть управления.

Взаимоотношение между творческой и технической сторонами управления.

Современная культура характеризуется чрезвычайным развитием техники.

Уже это одно, на основании тесной взаимной зависимости всех сторон общественной жизни, позволяет ожидать все большего и большего развития значения технической стороны управления войсками. Мимолетный взгляд на условия ведения современной войны совершенно убеждает в этом: миллионные армии, выдвинутые всеобщей воинской повинностью, использование сложных материальных технических средств (современное огнестрельное оружие, телеграф, телефон, железные дороги, автомобили, воздухоплавательные и летательные приборы и т. д.). Это чрезвычайное развитие техники настолько резко бросается в глаза, что приводит некоторых писателей к парадоксальному выводу: что значение творчества в современную эпоху уменьшилось.

Вот почему в настоящем курсе, посвященном специальному изучению технической стороны управления, считаю нужным сказать несколько слов о взаимоотношении творчества и техники; иначе возможно, как во всяком специальном изучении, увлечение частностью в ущерб целому, результатом чего и может явиться только что указанный парадокс.

Творческую часть управления можно уподобить до некоторой степени изобретательности, техническую же часть — организации; техника подготавливает, разрабатывает и организует изобретенное. Вот в этих свойствах техники и заключается причина ее все большего и большего развития решительно во всех областях жизни. Техника идет все время за творчеством, организуя и расширяя каждый победный шаг творчества.

Чтобы яснее представить взаимоотношение между технической и творческой частями, можно сравнить их, например, с обучением игре на скрипке.

В начале обучения, когда играющему приходится взять нужную

ноту, он должен каждый раз напрягать сознание, чтобы нажать струну на соответствующем ладу; т. е. каждая нота требует от играющего творчества и сознательности. Но затем, по мере обучения, значительная часть действий учащегося переносится в область рефлекса, в область подсознательную. В конце концов от музыканта не требуется никаких сознательных усилий для нажатия струны. Его рука работает совершенно автоматически, подобно тому, как рука пишущего выражает мысль на бумаге. Сознательная работа музыканта посвящается уже целому, т. е. передаче всей музыкальной мысли.

Сознательную и подсознательную части наших действий я уподобляю творческой и технической сторон управления войсками. Подобно тому, как органическая жизнь, перенося часть наших действий в область рефлекса (подсознательного), освобождает сознание для более широкой работы и, таким образом, обеспечивает дальнейший прогресс в развитии органической жизни, — подобно этому жизнь переносит из области творчества все больше и больше в область техники для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего поступательного пути творчества. В этом мы можем убедиться, если обратимся в любую область общественной жизни. Но вместе с этим, вряд ли можно предполагать, что дальнейшее развитие техники уменьшит значение изобретателя. То же самое можно сказать и относительно управления войсками.

Но хотя значение творческой стороны управления войсками никогда не уменьшится, тем не менее, современная жизнь требует все большей и большей помощи техники.

Допустим, что где-то в глуши лесов Пермской губернии один крестьянин самостоятельно изобретает паровую машину. Какова ценность этого изобретения? Мне кажется, не может быть различных мнений, она равна нулю. Несомненно, что сам изобретатель по своему гению равен Стефенсону¹, т. к. он сделает то же самое. Но все-таки, практическая ценность такого изобретения равна нулю.

Между тем, тот же крестьянин, употребив свою изобретательность для усовершенствования современного типа паровой машины, мог бы сделать действительно чрезвычайно ценное изобретение; для этого он должен был бы основываться на современной технике. Таким образом, изобретателю нужна помощь техники для того, чтобы подго-

товить изобретение, т. е. ориентироваться в том, что уже есть и что нужно сделать.

Но кроме того, техника нужна еще для того, чтобы перелить мысль изобретателя в жизнь. Как пример могу указать на то, что гигантские шаги в области изобретения приборов тяжелее воздуха, которые были сделаны Францией в 1909 году^{2*}, обязаны тому, что рядом с каждым из изобретателей (Латам, Берлио и др.) работали инженеры и заводчики. Мысль, даже гениальная, при переливе ее в жизнь в современную эпоху требует знания множества технических деталей и упорного труда многих лиц.

Я нарочно остановился на соотношении изобретения с техникой, чтобы ярче обрисовать соотношение между творческой и технической сторонами управления войсками. Это соотношение совершенно подобно.

Значение творческой части управления не уменьшилось. Оно осталось столь же важным, представляя из себя как бы душу, без которой даже совершенное тело (техника) будет мертво. Но современная культура, основанная на прогрессе техники (я понимаю это слово в самом широком смысле), требует, чтобы творчество, дабы оно имело какую-либо практическую ценность, основывалось и поддерживалось техникой.

Техническая сторона управления в современную эпоху.

Техническая сторона управления ведется специальными органами управления — штабами.

Совершенно безразлично для пользы дела отыскивать в глубине веков зарождение этих органов. Военной историей мы пользуемся не для повторения событий, а исключительно для подготовки к будущей войне. Вот почему я обращаюсь к эпохе сравнительно менее удаленной, а именно эпохе Наполеона. Эта эпоха служит преддверием современной, а потому и представляет интерес; но, обращаясь даже к этой эпохе, надо помнить, что условия ведения войны сильно изменились, в особенности в области технической, как раз в той области, которая нас интересует в настоящем труде.

Чтобы дать общую картину управления в эпоху Наполеона, рассмотрим управление в бою, а для этого возьмем хорошо известное всем сражение при Ваграме^{3*}.

Вспомним, как представляется управление в этом сражении 160 тысячами. В ночь с 5 на 6 июля, накануне сражения, император, находившийся у Расшдорфа, пригласил в палатку всех маршалов и объяснил каждому из них задачу следующего дня. Сам он решает остаться во время сражения у Расшдорфа, последнее отстояло от всех точек выгнутого боевого фронта в 3-4 верстах, т. е. допускало личный обзор всего поля сражения. На рассвете Наполеон услышал крайне оживленный огонь со стороны правого фланга (корпуса Даву^{4*}). Как оказалось впоследствии, это атаковала левофланговая колонна Эрцгерцога Карла^{5*} (корпус Розенберга). Наполеон, обеспокоенный мыслью, что это вступает в бой Эрцгерцог Иоанн, ожидаемый со стороны Пресбурга, скачет сам к Даву и ведет с собой две гвардейские кирасирские дивизии. Успокоенный ходом дела у Даву, он возвращается к Расшдорфу, где остается для дальнейшего руководства боем, который почти целиком разыгрывается перед его глазами. Когда он получает донесение о том, что дивизия Буде, прикрывающая мост через Дунай, сбита австрийцами (Кленау^{6*}), Наполеон решает передвинуть туда фланговым маршем по полю сражения корпус маршала Массены^{7*}, который находился в центре.

Дабы более ярко охарактеризовать боевые условия, в которых протекало управление войсками в эпоху Наполеона, уместно будет вспомнить здесь об одном обстоятельстве, сохранившемся в воспоминаниях очевидца. Массена сильно повредил себе ногу, упав с лошади на острове Лобау, и не мог съехать на коня, поэтому он руководил боем в коляске, запряженной четверкой белых лошадей. В ней же он находился в разгаре боя среди своего корпуса. Наполеон, подъехав к Массене, сошел с коня и встал в коляске маршала не только, чтобы лучше видеть, а, главным образом, чтобы его могли видеть окружающие войска.

Направив корпус Массены, Наполеон отдает ряд приказаний для осуществления прорыва в центре австрийцев, причем знаменитая колонна Макдональда двинулась по непосредственному приказанию императора. Последний же отдал это приказание только тогда, когда он увидел, что корпус Даву взобрался на высоты у с. Маркграф Нейзиделя и потеснил левый фланг австрийцев.

Из только что приведенного беглого очерка мы видим, насколько

ко управление войсками в бою в эпоху Наполеона могло сосредоточиваться в руках полководца. *Ограниченные поля сражений позволяли непосредственно личное руководство и личное вмешательство.*

Сравните эти условия с обстановкой современной войны. Я приведу для этого интересную заметку одного из корреспондентов¹, находившегося при главной квартире Японской армии. Эта заметка относится к Мукденскому сражению^{8*}.

"Вот картина, достойная кисти художника.

Обстановка: внутренность приличной китайской комнаты. В углу натопленная чугунная печка. У широкого окна, заклеенного свежей бумагой, большой широкий стол с прикрепленной к нему картой. На последней масса булавок с надписанными плоскими костяными головками.

Личности: перед картой в раздумьи сидит генерал в туфлях, по его маленькому орлиному носу и французской бородке в нем можно узнать генерала Кодаму^{9*}. Рядом с ним круглолицый генерал Фукушима, готовый переставлять булавки. В уголке между двумя телефонными аппаратами говорящий телефон полковник генерального штаба. За полковником на стене доска с электрическим табулятором, над которым работают два капитана генерального штаба в роли "телефонных барышень". Над доской двое часов, показывающих время местное и Токийское.

Посредине комнаты сидит в кресле со спокойным и решительным выражением лица Ояма^{10*}, окруженный облаком дыма. Генерал курит сигару. Около него дымится чашка чая. Рядом с ним на простых стульях сидят два генерала.

Около генерала Кодамы два офицера стенографируют приказания, переписывают их и по временам поглядывают на часы, чтобы точно проставить время на каждом документе, после чего он представляется генералу на подпись. Этот последний надевает очки, берет из рук адъютанта кисточку и подписывает. Приказ утвержден.

...Если бы художник оставил на своей картине дверь в глубине сцены открытой, то в соседней комнате он мог бы наблюдать работу

1. Луиджи Барцини, корреспондент итальянской газеты "Corriere de la Serra". X выпуск издания Березовского "Русско-Японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев.

своеобразной канцелярии. Семь телеграфных аппаратов один за другим, управляемых семью опытными солдатами, свертывают покрытую знаками бумажную ленту, которая дешифрируется и переводится офицерами. Донесения, приказания, извещения об их получении сменяют одни других. Их записывают, систематизируют, снимают копии, отмечают часы и минуты отправления и получения и передают в другую комнату. Затем их списывают на белую, красную и желтую бумагу, проверяют, скрепляют и подписывают. А в это время "барышни" продолжают свою работу на телефонах. Косточки слоновой кости передвигаются, полковник говорит, генералы обдумывают, а маршал и чай дымится.

Подобная картина была бы мастерским произведением по верности. Прощайте картины в духе Наполеона с генералами верхом, традиционным орлиным взором взирающих на поле сражение, стоящих среди разрывов гранат и не обращающих внимания на раненого неприятельского солдата, уместившегося между рамой картины и пушечным колесом, и угрожающего в предсмертные минуты кулаком.

Мукденским сражением Ояма руководит из деревни Сулихо, в 12 километрах южнее Ламутона. Гул канонады доносится сюда смутно. Все здесь в порядке и спокойствии, как в какой-нибудь канцелярии министра. От этого дома лучами расходятся пуки проволоки, как нервы из человеческого мозга. Здесь мысль. Далеко от нее двигаются громадные, сильные и слепые члены армии, управляемые отсюда с быстротой молнии, и от них - назад, с той же быстротой сосредотачиваются результаты их передвижений, трудов, страданий..."

Сравнивая оба приведенные описания мы можем наглядно убедиться, насколько в эпоху Наполеона управление войсками допускало личное воздействие высшего командования и насколько в современную эпоху, наоборот, такое воздействие невозможно и требует помощи промежуточных технических органов.

Тем не менее, если мы рассмотрим состав органов управления в эпоху Наполеона, то мы увидим, что и тогда уже эти органы были очень большие.

При особе Императора состояло 14 генералов и штаб-офицеров для передачи его приказаний, личная канцелярия из 3-х человек, которым Император диктовал все распоряжения, штаб и различные уп-

правления, при чем, если считать только штаб и управления начальников артиллерии и инженеров, число находящихся в них офицеров равнялось 100. Таким образом, даже в ту эпоху, в которую, как говорилось выше, допускалось в обширных размерах личное общение военачальника с войсками, техника управления требовала участия многочисленных сотрудников.

Бросим теперь беглый взгляд на саму работу этих органов.

Все приказания непосредственно исходят от самого Императора, который диктует их своим секретарям.

Начальник штаба представляет из себя только классификатора рассылателя приказаний.

Только один человек думает, предвидит и приказывает — это сам Наполеон, все же остальные лица, даже преисполненные самого большого усердия, — лишь пассивные исполнители.

Наполеон ни с кем не делится своими общими соображениями, он сообщает их частям для ближайшего исполнения. Если он и пишет иногда своим маршалам письма, освещающие его приказания, но только тогда, когда обстоятельства настоятельно этого требуют.

Приказания Императора обнимают решительно все отрасли вождения войск, службы снабжения, службу тыла, пополнение армии, административные распоряжения и т. д.

Те из них, которые адресованы начальнику штаба, начинаются так: "Mon cousin, donnez ordre a..." и т. д.

Начальник штаба прочитывает эти приказания, дает их переписать, сверяет и затем рассылает их по местам назначения, причем в этих приказаниях по большей части изменялись только заголовки, в которых приведенное выше обращение Императора к своему начальнику штаба заменялось словами: "Monsieur le..., L'Empereur ordonne que... или L'intention de L'Empereur, Monsieur... est que"¹¹.

Маршал Бертье¹² совершенно прав, когда 1 марта 1807 года он пишет маршалу Сульту¹³: "Я ничего не представляю собой в армии. Я получаю адресованные на имя Императора донесения г[оспод] маршалов и скрепляю его приказания, так что в личном отношении я нуль".

Работа всех лиц штаба была проникнута насквозь тем же духом пассивного исполнения. Это была в полном смысле слова "писарская

работа". Вот как очерчивает эту работу в своих воспоминаниях один из сотрудников маршала Бертье (Деннье).

"В зависимости от того, касалось ли приказание одной или нескольких отраслей служб, движения войск или административных распоряжений, князь (маршал Бертье) после личного ознакомления передавал приказание одному из нас; этот последний переписывал и подчеркивал ту часть приказания, которая относилась к специальности на него возложенной, и затем передавал своему соседу. В приказаниях Императора делались только следующие изменения — вписывался заголовок: Господин Маршал, Император приказывает... Господин Интендант, Император приказывает..."

Приказания подобным образом переписанные представлялись князю (маршалу Бертье), который никогда не подписывал не сверив их.

Бывали случаи во время походного движения, что Император давал устные приказания начальнику штаба; в этих случаях князь (маршал Бертье) диктовал их одному из своих адъютантов, чаще же записывал их сам; но по прибытии главной квартиры эти устные приказания были всегда подтверждены письменными приказаниями, более пространными, чем первые.

Таким образом, Император самолично вел все управление, самолично руководил всеми службами; приложение его обширного гения было таково, что история всех его войн заключается всецело в его переписке с начальником штаба".

Таким образом, общий характер работы штаба носил печать пассивности, или, как я уже выражался, представлял собой пустую писарскую работу.

Казалось бы, подобный характер штабной работы вполне отвечал условиям эпохи и, тем более, что во главе стоял величайший военный гений.

Но если обратиться к внимательному изучению эпохи, [данное] заключение окажется совершенно ошибочным. Даже в значительно упрощенных по сравнению с настоящим временем условиях и, вместе с тем, при наличии гениального полководца, подобная постановка технической стороны управления ведет к губительным результатам. Даже в компаниях 1805 и 1806 годов — наиболее блестящих по внешности, можно заметить множество дефектов от подобной постановки дела. Но уже в кампаниях 1813, 1814, 1815 гг., когда Императору пришлось

боротся в усложнившейся обстановке, зло бьет в глаза.

Обыкновенно, военные историки, рассматривая несостоятельность помощников Императора, останавливают свое внимание только на маршалах, а между тем, зло было значительно больше. Оно захватывало все отрасли и прежде всего, отрасль ближайшую к военачальнику, а именно - техническую сторону управления.

Пассивное участие, писарский характер работы штаба отражается на редакции приказаний. Приказания Наполеона хотя и носят яркий отпечаток гениальности их автора, грешат часто в редакционном смысле. Возьмем, например, приказание Императора, отданное перед сражением под Иеной¹⁴ (Correspond. XII N11007); в нем общая задача "весьма важно сегодня развернуться на равнине" - поставлена в конец. Более резкий пример недостатков в редакции можно увидеть в инструкции Императора от 30 марта 1809 года маршалу Бертье. Я не буду здесь останавливаться на разборе этой инструкции, но напомним только, что эта неотчетливость в редакции и послужила одной из главных причин ошибок, которые наделал маршал Бертье на Дунайском театре в начале апреля 1809 года. Если же припомнить то, что я говорил выше об общем характере работы Наполеона, когда он лично диктовал приказания секретарям, причем иногда диктовал сразу нескольким, то станет понятным, что иначе и не могло быть, хотя бы даже для гения.

Эти отрицательные стороны управления пропадают для многих историков в ярком сиянии блеска побед Императора, но по мере того как ему начинает изменять звезда счастья - эти дефекты становятся более резко видными и наиболее отчетливо выступают в 1815 году, когда на полях у Ватерлоо¹⁵ закатилось солнце Аустерлица¹⁶. Новые условия войны, выдвинутые переворотом в общественной жизни и в военном искусстве в конце XVIII столетия, заменившие солдата-автомата национальным бойцом, требовали в то же время в большей степени активности и самостоятельности от ближайших помощников в отрасли управления.

Здесь невольно напрашивается вопрос, неужели гениальнейший из полководцев не понимал этого. Обыкновенно объяснения ищут в деспотическом характере Наполеона; в том, что он не терпел около себя таланта и самостоятельности. Но подобное объяснение слишком

поверхностно. Что в общем Императору были присущи вышеуказанные черты - это верно. Но присущая его гению ширина мысли и понимания делала его гораздо терпимее, чем это принято обыкновенно думать. Нужно искать другую причину. Такой причиной, по моему мнению, являлось то, что эпоха, в которую пришлось работать Наполеону, была полна борьбы. Ведь это была эпоха великих войн, следовавших одна за другой после страшной внутренней войны. Наполеону некогда было "организовывать". Конечно, он тоже работал в области "организации"; но даже его гений не мог заменить необходимого для организационной работы времени. Характерным доказательством моей мысли может служить то, что армия Наполеона, действовавшая по принципам глубокой тактики, имела устав 1791 года, проникнутый еще духом линейной тактики. Наполеон несколько раз приступал к изданию нового устава, но вспыхивающие войны прерывали эту работу и так не дали ей осуществиться.

Всякая организаторская работа требует времени. Всякая же техника, как мною указывалось в начале очерка, всегда носит характер "организации" - также и техническая часть управления; последняя ведь требовала прежде всего подготовки соответствующего персонала, способного к работе активной, самостоятельной, а не писарской. Для этого же нужно было время, а его-то и не было.

И вот то, что не было возможно гению начала XIX века, восполняется жизнью в образе нового великого военного деятеля Мольтке¹⁷. Подобно тому как Наполеон явился первым воплощением новых форм военного искусства, подобно этому и Фельдмаршал Мольтке тоже первым воплотил дальнейшую эволюцию военного искусства. Во время полувековой личной подготовки Фельдмаршал научно подготовился к войне. Изучая особенно внимательно искусство Наполеона он понял слабые стороны, о которых мы говорили выше, и которые не отвечали даже тогда новым формам военного искусства. Будучи назначен Начальником Генерального Штаба, он не мог сразу непосредственно воздействовать на войсковых начальников, а потому и направил свою работу на постановку технической стороны управления. Мольтке создал Генеральный Штаб; он образовывает группу лиц, подобранных из наиболее способных молодых офицеров, руководит их научной подготовкой и работает над полезным объединением взглядов.

Работа Мольтке увенчана лавровыми венками побед на полях сражений Австро-Прусской и Франко-Прусской войн.

Из того, что сказано, видно, какой глубочайший интерес получает для нашей работы изучение деятельности Мольтке.

Вследствие сего настоящий труд во всех своих частях детально изучать его работу, здесь же мы ограничимся только указаниями на главную идею, которая положена была Фельдмаршалом Мольтке в основу постановки службы Генерального Штаба. Мольтке требует со стороны офицеров Генерального Штаба **проявления в самой широкой степени самостоятельности и активности**. Эта основная идея прекрасно выражена в учебнике по Службе Генерального Штаба профессора Берлинской военной Академии Бронсарт фон Шеллендорфа, бывшего в то же время ближайшим учеником и сотрудником Фельдмаршала:

"Офицер Генерального Штаба не имеет права отговариваться неполучением соответствующего приказа от начальника. Офицер Генерального Штаба может считать себя правым только в том случае, если соответствующее распоряжение было им исполнено, но отклонено самим начальником".

Вдумайтесь побольше в эти слова.

Какое огромное различие между органами управления, воспитанными в духе Мольтке; и органами управления, действовавшими в эпоху Наполеона.

Разве это не величайший шаг в прогрессе военного искусства, шаг мене заметный для профана, чем введение скорострельной винтовки и пушки, но имеющий по существу гораздо большее значение.

Круг деятельности Генерального Штаба.

Эти высокие требования к лицам, привлеченным к сотрудничеству с военачальником в области управления, влекут за собой настоятельную необходимость тщательного подбора и высокой научной подготовки этих лиц.

Это логически вытекающее следствие должно было встретить в своем жизненном приложении чрезвычайные трудности.

В самом деле, органы управления в усложнившейся обстановке современной войны выросли до значительных размеров. При всем законном стремлении их сокращать существует известный предел, и

этот предел по сравнению с эпохой Наполеона растет. Многочисленность персонала, потребного для обширной работы в интересующей нас области, лучше всего может быть охарактеризована цифрами. Согласно нашему "Положению о полевом устройстве войск", полевое управление армии состоит из 95 офицеров и 122 чиновников, а полевое управление корпуса [из] 18 офицеров и 16 чиновников.

Принимая во внимание только численность потребных офицеров, можно прийти к заключению, что на все эти должности согласно указанным высоким требованиям, назначение соответствующих лиц невозможно.

Практически даже невозможно дать высшее научное образование всем этим лицам, не обездолив одновременно с этим самих войсковых частей.

Как всегда, сама жизнь направила решение этой, казалось бы неразрешимой с метафизической точки зрения, задачи на верный путь. Сам ход развития военного искусства, идущий в крупных чертах параллельно с эволюцией общественной жизни, заставил применить здесь то, на чем зиждется весь прогресс современной культуры, а именно: разделение труда и специализацию. Ввиду невозможности укомплектовать всецело органы управления лицами тщательно подобранными и с надлежащим научным образованием, жизнь вырабатывает в самих органах управления выделение важнейшей их части в отдельную специальность, сократив, таким образом, потребность в необходимом персонале до предела практически осуществимого. Этой выделенной специальностью и явилась служба Генерального Штаба, и вполне понятно, что в нее должна была войти оперативная часть управления войсками, как являющаяся, бесспорно, важнейшей.

Вот в самых грубых чертах рамки службы Генерального Штаба.

Остановимся теперь на более подробном рассмотрении этого вопроса.

"Довольно трудно, - пишет в своем курсе службы Генерального Штаба Бронсарт фон Шеллендорф, - дать точное определение, какую часть назвать Генеральным Штабом. В некоторых армиях под этим именем подразумевают все штабы. Но везде пришли к необходимости привлечь к разработке, так называемых операций, часть Генерального Штаба, специально для того призванную. Эту часть штаба высшего

командования называют в Германской армии Генеральным Штабом².

Вместе с этим Бронсарт фон Шеллендорф приводит как наиболее подходящее определение службы Генерального Штаба слова Клаузевица¹⁸.

"Генеральный Штаб назначается для того, чтобы превращать в приказания идеи командующего генерала не только сообщая последние войскам, но скорее, обрабатывая все детали и освобождая самого генерала от этого бесплодного труда".

Это же определение приводится в курсе "Service d'Etat Major" французской высшей военной школы.

Определение Клаузевица, хотя и верное по существу, не охватывает вполне вопроса. Объясняется это тем, что оно дано в эпоху, когда служба Генерального Штаба, собственно говоря, нарождалась.

Подойдем к интересующему нас вопросу с теми точками зрения, которые вытекают из самых основных условий возникновения Генерального Штаба. С этой целью будем помнить, что зарождение Генерального Штаба является следствием: 1) необходимости облегчить высшее командование, освободив его от технической части управления; 2) невозможности укомплектовать всецело органы управления в следствие их обширности лицами, особо подобранными и получившими должную научную подготовку, а потому необходимости выделения важнейшей части управления в особый отдел (т.е. в применении в самом органе управления разделения труда).

Важнейшей частью управления будет та, которая ближе всего касается боевых действий. Отсюда вполне понятно: что относится к подготовке, составлению, отдаче и рассылке приказаний, касающихся боевых действий, и должно прежде всего входить в круг деятельности Генерального Штаба.

Сама подготовка приказаний требует большой технической работы, которая заключается в сборе и обработке сведений о своих войсках, о неприятеле и о местности.

Вот почему в круг деятельности Генерального Штаба можно сразу наметить две отрасли:

² Подобным же образом в общих чертах определяется служба Генерального Штаба в курсе Службы Генерального Штаба военной академии в Вене.

1). Подготовка, составление и отдача боевых приказаний.

2). Сбор и обработка сведений о своих войсках, о неприятеле и о местности.

Если мы обратимся к рассмотрению организации штабов всех армий, то мы увидим, что везде обе эти отрасли отнесены в круг деятельности Генерального Штаба (операционные, разведывательные и отчетные отделения штабов армий и групп армий). Таким образом, эти две отрасли в настоящее время единогласно относятся в круг деятельности Генерального Штаба.

Впрочем, они непосредственно вытекают и из вышеприведенного определения Клаузевица.

Но более внимательное рассмотрение условий ведения современной войны легко приведет нас к заключению, что этим не может исчерпываться служба Генерального Штаба. На военачальнике останется еще слишком много забот.

Поддержание надлежащей боевой готовности войск чрезвычайно усложнилось в современную эпоху. Оно требует работы еще целого ряда специальных служб.

Достаточно привести здесь одно их перечисление:

- 1). Интендантская служба.
- 2). Служба артиллерийского снабжения.
- 3). Служба технических войск и инженерного снабжения.
- 4). Санитарная служба.
- 5). Служба железных дорог.
- 6). Служба тыла.
- 7). Служба телеграфа и почты.
- 8). Военно-полицейская служба.
- 9). Военно-судная часть.
- 10). Казначейская часть.
- 11). Полевой контроль.

Все эти службы имеют общую черту — они заключают в себе специальную техническую деятельность и требуют поэтому руководства специалистов.

Здесь мы видим то же, что и во всей окружающей современной эпохе: жизнь для успешности работы требует разделения труда и специализации. В дальнейшем своем развитии военное искусство пой-

дет еще дальше в этом направлении.

Но, как уже говорилось, всякая специализация хотя и является непременным следствием разделения труда, а поэтому, - и главным залогом дальнейшего прогресса, заключает, вместе с этим, в себе и отрицательную сторону.

Этой слабой стороной является возможность увлечения частностью в ущерб общего.

В вопросе, разбираемом нами, это выразится в том, что каждая из служб будет иметь тенденцию смотреть на все с точки зрения своих абсолютных интересов, легко упуская из виду то, что интересы каждой службы *относительны*, получая свою оценку в той пользе, которую она приносит всей операции.

В виду того, что специализация должна быть, тем не менее, проведена, то для ослабления ее отрицательных сторон должны быть приняты меры. Важнейшей мерой в этом отношении является *надлежащее общее руководство*.

Но кому должно быть поручено это общее руководство: самому военачальнику или же оно должно быть передоверено одному из органов управления?

Обсуждая этот вопрос по существу, мне кажется, что не может быть сомнения в необходимости второго решения.

В самом деле, как мы уже говорили, является безусловно необходимым снять с плеч начальника насколько возможно больше забот, чтобы дать ему возможность все свои духовные силы напрячь в области творчества основного решения.

Мольтке особенно настаивает на необходимости для высшего начальника сохранять ясное представление о целом, а для этого не вдаваться в подробности³.

Между тем, если у военачальника в руках останется непосредственное руководство службами, то создаются такие условия, в которых он легко будет вовлечен в односторонность; вопросы снабжения и тыла отвлекут в слишком сильной степени его внимание.

Теория военного искусства устанавливает обусловленный практикой вывод, что одному начальнику трудно иметь дело более, чем с

4-5 непосредственно подчиненными единицами. Со столькими же непосредственно подчиненными начальниками придется иметь дело начальнику больших войсковых соединений в случае непосредственного подчинения ему начальников различных служб?

Насколько это, казалось бы, простое требование фактически трудно проводится в жизни можно видеть хотя бы из следующего: в германской армии, организация которой является в общем наиболее согласованной с боевыми требованиями, - командиру корпуса в бою подчиняется 20 инстанций: (Моозер. "Вождение корпуса", стр. XIII).

Объединение всех служб должно быть возложено на один из органов управления.

Обсудим теперь, на какой же орган управления должно быть возложено это объединение.

Для решения этого вопроса нужно вспомнить, что решающим явлением войны является сражение, поэтому деятельность во всех отраслях имеет одну только цель: обеспечить победу в сражении. Стало быть, все должно прежде всего обуславливаться боевыми действиями войск, а отсюда следует, что объединение всех специальных служб, а, следовательно, и общее руководство ими, может быть возложено только на ту часть органа управления, на которую возложена оперативная часть управления, т. е. на Генеральный Штаб.

Может показаться полезным создать специальный орган, объединяющий специальные службы и не зависящий от Генерального Штаба, с целью разгрузить работу последнего. Но при ближайшем рассмотрении подобное решение нужно откинуть. Прежде всего Генеральный Штаб, на который возложена подготовка решения военачальника, должен быть в курсе всех данных о боевой готовности войск, понимая под этим выражением не только численность и группировку войск, но и все данные, касающиеся снабжений и тыла. Иначе все разработанные Генеральным Штабом предложения явятся метафизической работой в безвоздушном пространстве, не представляющей никакой жизненной ценности. Существование же независимой инстанции будет только тормозить сбор этих данных. С другой стороны, все службы могут получить необходимые руководящие указания только из той части управления, которая ведает операциями. Таким образом, всякая независимая инстанция явится тормозом, что отразится крайне пагубно в современной "подвижной" войне.

3. Moltke. Kriegslehren I, стр. 19.

Далее мы подробно остановимся на сочетании работы специальных служб с работой Генерального Штаба; здесь же на основании сказанного мы должны прийти к заключению:

Генеральный Штаб должен обобщать и связывать деятельность всех органов управления и руководить ими с оперативной точки зрения.

Вот эта функция Генерального штаба, которая в общих чертах может быть определена как руководство поддержанием надлежащей боевой готовности войск — не выражена в определении Клаузевица. Эта функция Генерального Штаба постепенно нарождалась после Клаузевица и не проведена еще отчетливо в жизнь законоположениями. В войны 1866—1867 и 1870—1871 гг. главнокомандующему королю Вильгельму кроме начальника Генерального Штаба непосредственно подчинялись: военный министр, генерал-инспектора артиллерии и инженеров, начальник кабинета императора, инспектор санитарных благотворительных учреждений, но в действительности единственным ближайшим помощником главнокомандующего был граф Мольтке, в руках которого фактически сосредоточивались нити всего управления армиями, как по их вождению, так и по их снабжению. Вообще нужно указать здесь на то, что германские законоположения, касающиеся вопросов управления войска(ами), отличаются тем, что многие вопросы обходятся молчанием и разрешаются или частными распоряжениями и указаниями, или, в большинстве случаев, установившимся обычаем⁴.

Наше "Положение о полевом устройстве войск в военное время" изд[ания] 1890 года выделяет главенствующее значение Генерального Штаба:

1). Предоставлением начальнику штаба права объявлять приказания от имени старшего начальника.

2). Предоставлением письменных докладов начальниками главных отделов полевого управления армии через начальника штаба; в случае же устных докладов, последние должны производиться в присутствии начальника штаба.

В дальнейшей части курса мы подробнее остановимся на рассмотрении вопроса о взаимоотношениях Генерального Штаба и всех ос-

4. Редигер. "Комплектование вооруженных сил", стр. 477.

тальных служб.

Теперь же обобщим только что изложенное следующими выводами:

Генеральный Штаб является ближайшим и непосредственным помощником высшего командования. Он собирает, подготавливает и разрабатывает все данные, необходимые для решения начальника. Он переливает это решение в жизнь в виде приказаний и помогает следить за выполнением их. Он руководит обеспечением боевой готовности войск.

Из вышеприведенного определения круга деятельности служб Генерального Штаба вытекает безусловная необходимость в самой широкой военно-научной подготовке офицеров, призванных служить в Генеральном Штабе.

Это требование во всех армиях осуществляется тем, что фактически в Генеральный Штаб попадают только офицеры, окончившие военные академии.

Служба Генерального Штаба в мирное время.

Из выяснения службы деятельности Генерального Штаба на войне легко наметить в крупных чертах и круг деятельности Генерального Штаба в мирное время.

В современную эпоху значение подготовки к войне настолько увеличилось, что в настоящее время более, чем когда-либо победы и поражения одерживаются еще в мирное время. Вполне понятно, что плодотворность подготовки к войне будет обеспечена только в том случае, если обеспечена самая тесная преемственность между подготовкой и самим ведением войны. В прежние эпохи это достигалось тем, что исполнителем начертанного плана назначалось то лицо, которое и являлось составителем его. В настоящую эпоху исполнение указанного требования прежде всего должно выражаться в том, что эта отрасль управления, на которую в военное время возлагается вся оперативная работа, и вместе с ней, как я уже доказывал, и высшее руководство поддержанием боевой готовности войск, — что та же отрасль и в мирное время должна охватывать разработку всех этих вопросов. Отсюда следует, что на Генеральный Штаб в мирное время должна быть возложена вся оперативная работа подготовки к войне, включая в нее и высшее руководство всеми отраслями военно-

го управления в вопросах, касающихся боевой готовности войск. Эта точка зрения и привела Мольтке к созданию Большого Генерального Штаба.

Рассмотрению службы Генерального Штаба в мирное время будет посвящена специальная часть нашего труда. Здесь же нужно указать еще на одну черту, присущую службе Генерального Штаба в мирное время; причем следует отметить, что эта черта не вытекает непосредственно из рамок службы Генерального Штаба в военное время, а является следствием сложившихся жизненных условий.

Современная эпоха требует в подготовке к войне самого тесного и постоянного сотрудничества военной науки. В этом отношении война становится все более научной. Поэтому в вопросе о подготовке к войне на первом месте должна быть поставлена научная разработка. Войны стали редкими. Техника идет гигантскими шагами вперед. Следить за эволюцией военного искусства можно только научным путем.

Рассуждая теоретически, следить за эволюцией военного искусства должен каждый офицер. Но вполне понятно, что полное осуществление, а главное само искание новых путей, открывающихся с прогрессом, возможно только в соответствующей обстановке. Поэтому первое место в этом отношении принадлежит военной академии, специальная обязанность которой и состоит в том, чтобы быть горнилом военно-научной мысли.

Офицеры Генерального Штаба по самому условию комплектования — окончание академии, — являются первыми проводниками в жизнь тех новых идей, на зарождении которых только и может быть основан дальнейший успех, и которые научно разрабатываются в военной академии. Но этого мало. Заключая в себе главную массу лиц, получивших высшее образование, в Генеральном Штабе сосредотачивается, таким образом, главный контингент лиц, способных и к дальнейшей научной работе. Таким образом, Генеральный Штаб является не только проводником новых идей в армии, но, в то же время, он является и тем ферментом, который зарождает эти идеи. Круг его деятельности в мирное время, связанный со всем, что касается подготовки к войне, чтобы это научное движение вперед являлось не возможностью, а также и долгом Генерального Штаба.

Теоретическое изучение службы Генерального Штаба.

В заключении этого очерка я коснусь вопроса о необходимости постановки в нашей академии специального курса "Службы Генерального Штаба".

Задачей этого курса является, как это явствует из всего вышесказанного, *изучение техники управления войсками.*

Здесь невольно возникает вопрос о законности существования подобного курса. Поэтому рассмотрим главное возражение, которое может быть приведено, а именно — вред выделения из стратегии и тактики отдела, который должен быть тесно с ними связан. Но подобное рассуждение заставит прийти к заключению о ненужности расчленения науки.

Обратившись к эпохе древних веков мы увидим, что тогда расчленения науки не существовало. Вся наука воплощалась в философии и преподавалась одним лицом. Эта сильная сторона обучения в древние века являлась следствием чрезвычайно слабого по сравнению с современной эпохой развития науки. Она действительно могла охватываться одним лицом и преподаваться одним учителем.

Успехи знания вызвали обширность науки. В наступающую эпоху отдельный человеческий ум не может охватить полностью все отрасли знания. Жизнь потребовала разделения труда и специализации. Наука расчленилась на ряд наук. Сам успех дальнейшего развития науки зиждется на все более полном проведении в жизнь идеи разделения труда, а, следовательно, и на расчленении науки. Разделение труда тесно связано с призывом к работе не отдельных лиц, а целой группы целой группы лиц, — последнее же является наиболее характерной особенностью культуры.

Поэтому мнение, требующее отказаться от расчленения науки во имя сохранения ее внешнего единства, не может служить указателем для дальнейшего поступательного движения науки по пути к прогрессу.

Выделение изучения вопросов техники управления является не только законным, но и необходимым для более сосредоточенного их изучения. Невыделенные из стратегии и тактики, они всегда будут находиться на втором месте, так как вполне естественно, что внимание будет всегда привлекаться изучением стратегического и так-

тического творчества (постановки решения). Этим и объясняется, что почти все исследователи, решавшие приступить к исследованию управления войсками и не ограничившие свою работу рамками технической стороны управления, в конце-концов остались в области обсуждения вопроса постановки решения (стратегии и тактики), в ущерб разработке технической стороны управления. Этот недостаток свойственен даже такому капитальному труду, как курс службы Генерального Штаба Бонсар[а] фон Шеллендорф[а], на который я уже ссылался.

Твердо настаивая не только на законности, но и на необходимости выделения изучения техники управления войсками в специальный курс службы Генерального Штаба, вместе с этим считаю нужным указать на те коррективы, которые должны быть введены, дабы выделение вопросов, подлежащих изучению в курсе службы Генерального Штаба, не привело бы к нарушению идейного единства военной науки.

Прежде всего должно быть установлено, что курс службы Генерального Штаба должен черпать отправные точки и руководящие мысли из курса стратегии, являясь, таким образом, только одним из отделов теории военного искусства. Следствием этого является то, что курс службы Генерального Штаба не может заменить курса стратегии и тактики, а служить лишь необходимым дополнением.

Во-вторых, при самом выделении вопросов техники управления войсками нужно руководствоваться решением, данным уже самой жизнью, т. е. изучать эту технику только в тех войсковых единицах, в которых самой жизнью техника управления выделена из круга деятельности самого старшего начальника и передана Генеральному Штабу. Поэтому курс службы Генерального Штаба должен изучать технику управления в высших войсковых единицах, а именно в группе армий, армии, корпусе и только до некоторой степени - в дивизии. Поставленные подобным образом рамки спасут нас от искусственности отделения вопросов техники управления от вопросов стратегических и тактических.

Установив задачу и рамки курса, укажу вместе с тем и на одну особенность, присущую в наибольшей степени курсу службы Генерального Штаба, чем в какому-либо другому курсу.

Интересующий нас курс имеет дело с техническими вопросами.

Техника же во всех своих видах подвержена в современную эпоху быстрой эволюции. Это приводит к тому, что курсу службы Генерального Штаба всегда придется иметь дело с устаревшими частями законоположений, с отставшей организацией. Всегда будут области, в которых идет реорганизация. Вместе с этим, нужно иметь в виду, что курс службы Генерального Штаба касается исследуемых вопросов в рамках высших войсковых соединений, органы управлений которых в значительной части не существуют в мирное время или же, если и существуют, то в сокращенном размере. Вследствие этого разработка всех интересующих вопросов может вестись только теоретическим путем.

Теперь коснемся вопроса о построении настоящего труда. Эта работа имеет целью дать ряд очерков по службе Генерального Штаба, указанных на вышележащих страницах.

В основании плана, которого мы будем придерживаться в настоящем труде, будут положены следующие мысли.

Изучение службы Генерального Штаба должно вестись на основании изучения службы Генерального Штаба на войне. Необходимость этого вызывается не только тем, что сражение среди явлений войны, а также и война в отношении всей подготовки к ней, являются единственными показателями истинной цели, к которой нужно стремиться: Но еще по следующей причине: это предостережет нас от возможности впасть в односторонность при изучении техники управления, что для труда, посвящающего себя исследованию службы Генерального Штаба более чем легко вследствие значительности по своему объему работ Генерального Штаба в области кабинетной подготовки. Вот почему, предпринимая работу по изучению службы Генерального Штаба, мы разделяем ее на два отдела: службу Генерального Штаба на войне и службу Генерального Штаба в мирное время, и начинаем исследование с первого.

В свою очередь, изучение службы Генерального Штаба на войне представляет собой столь обширную работу, что требует дальнейшего подразделения. Прежде всего надлежит на основании изучения военной истории и анализа в крупных чертах установить основные идеи, которые должны явиться руководящими в службе современного Генерального Штаба, как в военное, так и в мирное время. Это и

составит I-ю часть, которую мы озаглавим "Основы службы Генерального Штаба в военное время"; II-я часть составит уже прикладное изучение службы Генерального Штаба во время операций; во время выполнения марш-маневра, боя, после боя. Таким образом, изучение службы Генерального Штаба в мирное время составит III-ю часть.

Само заглавие I-й части уже указывает на тот метод, которого необходимо придерживаться в разработке. Центр тяжести исследования должен лежать в изучении военной истории. Среди же последней на первом месте должно стоять изучение деятельности ближайшего по времени великого полководца фельдмаршала Мольтке, являющегося в то же время и создателем службы Генерального Штаба в современном смысле слова. Изучение последних войн тоже чрезвычайно поучительно. Но нужно помнить, что первым создателем современных форм войны, а следовательно, и управления, является Мольтке, а потому основные идеи могут быть установлены только на основании изучения его работы. Во 2-й части труда при разработке следующей части, а именно "службы Генерального Штаба во время операций" - центр тяжести исследования будет перенесен на детальное изучение нашей последней войны, т.к. только это изучение позволит найти ответы на подробности приложения различных приемов работы в условиях наиболее близких к нам во времени.

В заключение приведу общий план настоящей работы.

1-я часть начнется рассмотрением следующих вопросов:

Участие Генерального Штаба в разработке решения (очерк 2-й).

Отдача распоряжений: общие основания (очерк 3-й).

Техника приказаний (очерки 4-й, 5-й и 6-й).

Эти пять очерков, совместно с введением и составляют первый выпуск.

Дальнейшие очерки первой части затронут:

Сбор и обработку сведений о неприятеле и о местности.

Сбор и обработку сведений о своих войсках.

Руководство поддержанием боевой готовности войск (руководство службами снабжения, сообщения и тыла).

Устройство штабов и организация их работы.

2-я часть будет заключать в себе специальные очерки службы Генерального Штаба:

- во время марш-маневра;

- в бою;

- после боя.

Наконец, очерки 3-й части затронут вопросы службы Генерального Штаба в мирное время, а именно:

- устройство и работа центрального органа Генерального Штаба;

- устройство и работа войсковых штабов;

- мобилизация штабов и переход их от деятельности мирного времени к службе на войне.

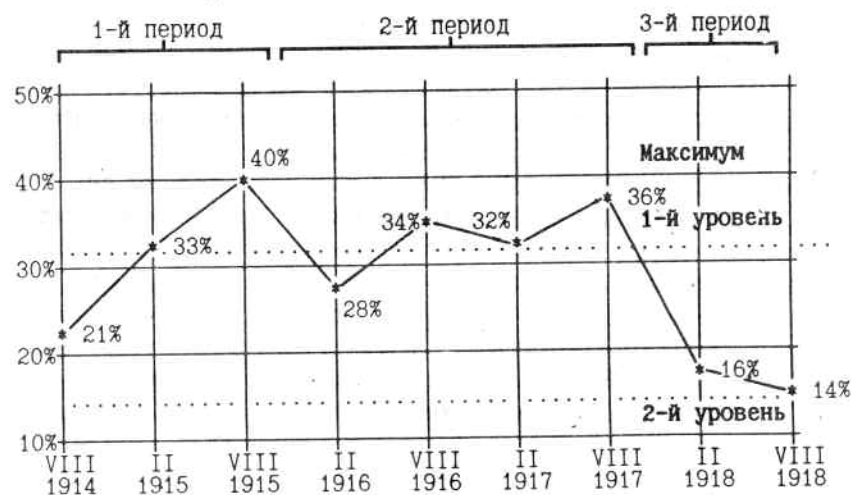
Еще несколько цифр из минувшей войны.

В своей книге "L'armee Allmande pendant la Guerre 1914 - 1918", бывший сейчас же после войны начальником французского Генерального штаба, приводит интересные таблицы. В них указывается ежемесячное распределение немецких пехотных дивизий между различными фронтами борьбы Германии.

На основании этих таблиц можно составить себе представление о роли России в мировой войне. Ввиду того, что общее число германских пех[отных] дивизий постоянно изменялось, мы для большей наглядности изображения в приводимой картограмме укажем не число германских пех[отных] дивизий, направленных против России в различные моменты войны, а какой процент из этого общего числа был направлен против России, периоды мы взяли шестимесячные.

КАРТОГРАММА

Какая часть Германской вооруженной силы была направлена против России в войну 1914-1918 гг.

Получившаяся на картограмме ломанная линия может быть разбита на три периода.

1-й период - с начала войны по август 1915 года - она все время возрастает;

2-й период - с августа 1915 года по август 1917 года - она колеблется около среднего уровня в 33 процента;

3-й период - этот средний уровень падает до 15 процентов.

Рассмотрим теперь каждый из этих периодов.

В 1-й период количество направленных против России германских сил удвоилось: в начале эти силы достигают только 1/5 части всех германских вооруженных сил, в конце - 2/5. Это нарастание происходит как следствие победы, одержанной Русской Армией в Галиции^{1*}, победы, надломившей дух австро-венгерской армии. Немцы вынуждены увеличивать свои силы против России, дабы не потерять своего главного союзника. Это же опасение заставляет их перенести с весны 1915 года центр тяжести своих усилий с французского театра на русский. Таким образом, русская победа в Галиции в сентябре 1914 года дает союзникам 16 месяцев, в течение которых Великобритания может сформировать двухмиллионную армию, а Франция развить свою военную промышленность, дабы обогнать материальной частью своей армии, армию германскую.

2-й период, как мы говорили, характеризуется колебанием равновесия вокруг среднего уровня в 33 процента. Попытки немцев понизить этот уровень до 28 процентов (в феврале 1916 года) для своих атак против Вердена^{2*}, не удаются. Брусиловское наступление против Австро-Венгрии^{3*} заставляет немцев спешно подтянуть резервы и увеличить количество своих войск до 34 процентов, т.е. до **одной трети** всех своих сил.

Эта цифра очень характерна. Непосредственно против Германии борются Россия, Франция, Великобритания. Россия берет на свою долю 1/3 германских сил. Кажется бы, что деление справедливо. Из остальных **двух третей** Франция и Великобритания конечно могут взять на свою долю по **одной трети**.

Но на самом деле это деление более чем несправедливо... по отношению к России.

У Германии ведь были союзники: Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Львиную долю австро-венгерских и турецких сил держит против себя также Русская Армия.

Если это принять во внимание, то оказывается, что Россия выдерживает почти **половину** всех боевых усилий центральных держав. А между тем против Союза Центральных Держав борются четыре Великие Державы: Россия, Франция, Великобритания и Италия. Таким образом,

на долю России выпадало напряжение в **три раза** большее, чем на долю каждой из других вышеперечисленных Великих Держав^{4*}.

Выпавшее на долю России напряжение оказывается для нее непосильным. Ее надрыв выражается прежде всего в февральской революции, которая при дальнейшем своем развитии приводит к большевизму.

Здесь мы вступаем в третий период. Процент германских сил сразу же падает вдвое. Но самое замечательное то, что заключение новыми властителями России – большевиками мира в Бресте-Литовске^{5*} не понижает этот процент до нуля, он держится на уровне 15.

Дело в том, что поставив ставку на разложение России через большевизм, немцы не учли громадную силу внутренней энергии России. Большевики смогли прийти на поклон к немцам в Брест-Литовске только водрузив над Россией новый флаг – красное полотнище с серпом и молотом. Старый же русский трехцветный флаг был подобран и поднят над рядами добровольцев, которые во имя спасения России пошли умирать с той же доблестью, как умели умирать в прежней Русской Армии.

И вот эта одна моральная энергия России заставила Германию в течение 1918 года держать в России против России 1/6 часть своих сил^{6*}. Если же принять в расчет силы союзников Германии, оставленные на русском театре, то мы перейдем 20 процентов, т.е. 1/5 всех вооруженных сил центральных держав.

Тоже интересная цифра.

В ряды государств, борющихся против центральных держав вступили Северо-Американские Соединенные Штаты. Таким образом, в 1918 году центральные державы вынуждены направить свои силы против пяти Великих Держав: России, Франции, Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов и Италии. Россия продолжает притягивать к себе **одну пятую** вооруженных сил Центральных Держав **полностью выполняя свое моральное обязательство**.

Но союзники были избавлены самопожертвованием России и начали кричать об измене. Только очень немногие из них видели дальше внешнего фасада событий. И когда в 1918 году окончательная победа над Центральными Державами была одержана, официальное отсутствие России было чрезвычайно легко зарегистрировано.

Но факты остаются фактами, и история заносит их на свои скрижали. Пройдут года, – может быть много лет, и Россия восстанет с одра своей болезни. Возродится, и снова сильная, она вступит за честь своих сынов.

Она громко скажет: не Марна^{7*} заставила в корне переменить план войны, а русские победы в Галиции в 1914 году.

Она воздвигнет памятник Вождю своих армий Великому князю Николаю Николаевичу^{8*} и напишет на нем: "созидателю победы".

П И С Ь М А

Н. Н. ГОЛОВИН - К. А. ФОССУ
9 мая 1928 г.

Дорогой Клавдий Александрович.

Получил Ваше письмо от 3-го мая сего года.

По-моему, Вы смотрите слишком пессимистично на деятельность Софийского кружка. Судя по присланному Вами списку лекций, читается достаточно и на разнообразные темы, посещаемость не маленькая. Мне кажется, что из желания сделать лучше, Вы предъявляете к кружку слишком большие требования.

В Вашем письме Вы жалуетесь на отсутствие материалов, тактических и др. задач. Устроенные мною в Париже Военно-Научные Курсы именно и имеют целью создание этих материалов в виде литографированных лекций. Последние и должны проходиться всеми, кто желает получить систематическое образование. Но выслать бесплатно мы их не можем. Хотя на их издание не отпускается никаких сумм, цена за эти лекции назначена самая низкая: только себестоимость бумаги и т. д. Даже труд не оплачивается.

Очень жаль, что Вы выписываете эти лекции через Рклицкого, а не через Ф. И. Ростовцева (9, rue Humblo, Paris, XV), так как Рклицкому мы вынуждены делать 30% скидки с цены лекции. Таким образом, Вы платите тоже самое, а нам эти лекции приносят убыток.

При наличии небольшого желания заниматься, можно было бы сложиться по несколько человек и выписывать лекции в складчину. Если этого желания нет - тогда сделать ничего нельзя.

Ваша мысль создания заочных курсов военного самообразования для рядового офицерства по примеру курсов, устроенных Христианской Молодежью, неисполнима. Общество Христианской Молодежи располагает громадными средствами, а заочные курсы вообще стоят дорого. Я уже вел переписку по этому поводу с Америкой, где такие курсы чрезвычайно распространены. Но плата за них равняется 200-300 долларов в год. Если Вы найдете человек десять, которые могли бы платить такие деньги, то готов немедленно начать переговоры, но так как таких людей нет, то эта мысль является неисполнимой.

Вы совершенно правы, говоря о желательности изучения совет-

кой военной доктрины, движения сов[етской] военной мысли и военной науки, быта и жизни красной армии. Всецело приветствую Вашу мысль и могу только одобрить, если Софийский кружок займется этими вопросами.

Когда выйдет военный журнал под моей редакцией, ничего сказать не могу, так как нет денег. Я получаю сочувственных и прекрасных слов, но этими словами не заплатишь в типографию за печатание журнала. К последнему смогу приступить только тогда, когда буду уверен в достаточном количестве подписчиков. А что последних будет немного, показывает трудность и незначительность распространения лекций моих Военно-Научных Курсов. Мы литографируем всего 200-300 экземпляров. При этом количестве нельзя печатать типографским способом, а тем более издавать журнал.

Советую Вам вместе с ген[ералом] Зинкевичем и Ф. Ф. Абрамовым прилагать усилия для продолжения существования Софийского кружка таким, каким он есть, положив в основу изучения лекции, читаемые на Парижских Военно-Научных Курсах по тактике всех родов войск и по общей тактике. В самом ближайшем времени выйдут в свет полные курсы тактики всех родов войск, также как и общей тактики.

Благодарю Вас за адрес полк[овника] Златева.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Н. Головин.

Н. Н. ГОЛОВИН - А. П. БУДБЕРГУ
12 января 1929 г.

Многоуважаемый Алексей Павлович.

Получил Ваше письмо от 30-го декабря прошлого года, за которое очень благодарю.

Вы пишете о том, что в Сан-Франциско для беженцев очень трудные условия в материальном положении и потому Кружок Высшего Военного Самообразования прекратил свое существование. По этому поводу должен сказать Вам следующее: материальные условия жизни русских беженцев одинаково тяжелы во всех странах мира и, может быть, в Америке они легче, чем в другом месте. Для примера приведу Вам Перник (в Болгарии), где много русских офицеров работают

на копях. Их единственной надеждой является мысль, что им дадут работу, которую можно будет делать стоя или сидя, а не на коленях или лежа на спине, как это часто приходится делать в шахтах. Несмотря на это, в Пернике Кружок существует, офицеры жаждут работать на военно-научном поприще, выписывают лекции Парижских Высших Военно-Научных Курсов, читают их на дому и обмениваются мыслями по этому поводу. Изредка даже они устраивают доклады. Но даже одно чтение на дому наших лекций и обмена мнений по этому поводу достаточно: Кружок существует. Боюсь, что Вы ставите очень строгие требования своему Кружку и потому не можете вести регулярную работу.

Надеюсь, что в этом году Ваша работа пойдет более регулярно и энергично.

Желаю Вам сил и здоровья для продолжения военно-научной работы и прошу Вас передать от меня эти пожелания и прочим членам Вашего Кружка.

Искренне Вас уважающий

Н. Головин.

Н. Н. ГОЛОВИН - Р. СТАНГЕРУ
30 мая 1938 г.

[перевод с английского]

Мистеру Россу Стангеру,
Председателю Секции Психологии Войны и Мира
Американской Психологической Ассоциации,
Акронский университет,
Акрон, Огайо, США.

Дорогой сэръ:

Я получил Ваше письмо от 16-го сего Мая.

Извините за длинный ответ, на вопрос, затронутый Вами слишком близко касается моей долгой научной деятельности.

В 1907 году Императорской Николаевской Военной Академией был напечатан (конечно по-русски) мой труд по Психологии Бойца (*). С этого труда и началась моя научная деятельность в качестве профессора Академии. Но вследствие того, что в нашей Армии, так же

* В прилагаемом перечне этот труд подчеркнут красным.

как и в остальных армиях мира, преследовались цели чисто утилитарного порядка, а именно: подготовка к войне, то мне пришлось работать главным образом по тактике и стратегии. Вопросам же психологии войны я посвящал свои досуги и работал для себя.

Вспыхнула мировая война, я ушел командиром кавалерийского полка, и кончил войну генералом, во главе армии. Войну мне пришлось видеть вблизи и произвести множество психологических наблюдений, зафиксированных записями. Во время большевистской революции все мои материалы пропали, за исключением записи пережитого во время одной конной атаки (30 авг[уста] 1914 г.). Эта запись была напечатана в виде статьи в "The Cavalry Journal" - издании Американской кавалерийской ассоциации в Вашингтоне, в октябре 1920 г.

Оказавшись с 1920 года в эмиграции, я продолжал работать над вопросами психологии войны. Но также, как и до 1914 г. мне приходилось везде встречать отсутствие желания изучать войну такую, какая она есть, и только стремление - изучать способы ее ведения (т.е. искусство ведения войны). Вынужденный зарабатывать свой хлеб, я должен был перенести центр тяжести своей работы на изучение новейшей тактики и стратегии. В вопросах последней я считаюсь видным специалистом, в связи с чем был три раза приглашен в Вашингтон в Army War College [Военную академию] (*) для прочтения там лекций из "Истории Кампании 1914 г. на Русском фронте."

Все это отнимает у меня время для работы по психологии войны, которую я продолжаю делать в часы досуга. Эта работа продолжает носить характер работы для самого себя, ибо найти издателя для печатания трудов в этой области нет никакой возможности. Сильно затрудняющим в этом отношении обстоятельством является то, что я работаю по-русски, и для того, чтобы перевести какую-либо часть моей работы на иностранный язык, требуется затрата средств, которых у меня, как политического эмигранта, нет.

Некоторый просвет я увидел в поручении, сделанном мне Carnegie Endowment for International Peace [Карнеги Фондом] составить том, посвященный деятельности Русской Армии в Мировую Вой-

* В июне и октябре 1930 г. и в июне 1931 г.

ну (*). В основу этого труда было положено изучение того напряжения, которого потребовала эта война от России в материальном и моральном отношении. Потому и исследование я назвал социологическим: последние главы этого труда затрагивают вопросы изменения психологии, Русской Армии, происходившие под давлением материального напряжения страны.

Второй просвет я увидел в приглашении, полученном мною от Стэнфордского Университета (Институт Русской Революции) составить описание начала Русской гражданской войны. Я воспользовался этим трудом для того, чтобы исследовать одну из интереснейших проблем психологии современной большой войны, а именно, неизбежное ее перерождение для побежденной стороны в случае затяжки во внутреннюю гражданскую войну. Подробному и конкретному изучению этого процесса и был посвящен этот мой труд, который только что напечатан полностью по-русски. Ввиду того, что он не попал в прилагаемый список моих печатных трудов, я привожу здесь подробные о нем указания. Напечатан он в 12-ти книгах (5 томах), под заглавием "Русская контр-революция в 1917-1918 гг.", издание "Иллюстрированной России", адрес издательства: 17 rue de la Tremolle, Paris VIII. По-английски этот труд готовится к печати Стэнфордским Университетом (Институтом Русской Революции), но, к сожалению, в сокращенном виде, вследствие чего психологический характер моей работы потерял свою цельность.

Для того, чтобы как-нибудь возбудить интерес научных кругов к изучению войны, я выступал на XII Международном Социологическом конгрессе в Брюсселе в 1935 г. и XIII Международном Социологическом конгрессе в Париже [в 1937 г.]. Текст моего доклада при сем прилагаю. С грустью должен констатировать, что кроме фраз любезности я не встретил никакого сколько-нибудь серьезного отзыва. Мой голос оказался гласом вопиющего в пустыне.

Не желая сдаваться, я продолжаю настаивать на необходимости приступить к изучению войны - такую, какова она в действительности есть; я назвал это изучение "социологическим" в отличие от

* The Russian Army in the World War. - A sociological study. Published by Carnegie Endowment for International Peace. -New-Haven (Conn.): Yale University Press, 1931. -287pp.

изучения войны с точки зрения ее подготовки и ведения (как военного искусства). Через месяц выйдет из печати (по-русски) моя новая книга, посвященная этому вопросу. Я Вам ее пришлю, но, учитывая Ваше незнание русского языка, я попрошу одного моего друга перевести ее на английский язык (*). В этой книге имеется целая глава о психологическом изучении войны, из которой Вы сможете составить себе некоторое представление о той работе по психологии войны, которую я продолжаю делать. К сожалению вся работа представляет собой объемистый, еще сырой материал записей, заметок, выписок, отдельных монографий, которые я не имею никакой возможности прислать Вам для ознакомления. Мое горячее желание было создать из этого материала монографию, посвященную исследованию психологии боя - этого центрального явления войны. Но на это требуется не менее года кропотливой работы.

Позвольте заключить мое длинное письмо следующей просьбой: не могли бы Вы поспособствовать изданию этого английского перевода моей новой книги, которую я Вам пришлю месяца через два в США.

Может быть такое издание натолкнет ученые круги на изучение войны, к которому я так тщетно призываю. Размер этой книги небольшой: около 200 страниц на пишущей машинке.

Искренне Ваш Н. Головин

* Оглавление этой книги, переведенное на английский язык при сем прилагаю.

Н. Н. ГОЛОВИН - П. Н. и Л. Ф. КРАСНЫМ
28 декабря 1943 г.

Дорогие Лидия Федоровна и Петр Николаевич.

Горячее спасибо за Ваши ласковые письма от 18-го декабря и за фотографии, которые Вы прислали. Ушло безвозвратно то золотое время, когда моя покойная жена была со мною, и мы видели Вас.

Мне лучше, хотя сердце еще слабо и мне категорически запрещены метро и лестницы. Пробую работать. Желание есть, но не хочется работать в пустую. Я же чувствую величайшее одиночество, т.к. кругом люди меня абсолютно не понимающие. Тягостно не только

одиночество, но больно видеть, как мы собственными руками неизменно губим дело. Вот тоже и [с] моими Уставами. Вы пишете, что настаиваете на издании справочной книжки для офицера. Как же можно издавать такую справочную книжку, не имея Устава? Да прежде всего нужно написать Уставы. Строевые и Тактические Уставы нужно взять у немцев. Но Уставы Внутр[енней] Службы, Дисциплинарный и Гарнизонный должны быть Русскими. Вот я и написал их. Это 1,5 летняя большая работа. На нее смотрят, по-видимому, как на блажь уставшего старика. Теоретик А. А. Власов, как мне передавали, сказал, что в моих Уставах слишком много отведено места "религии", да и Суворову тоже. Другой же генерал ... [фамилия написана неразборчиво] в апломбе заявил, что "у Головина ничего нового". Прямо вздор! Да ведь я включил и сохранил редакцию Крас[ных] Уставов, т. к. они привычны красноармейцам. Затем я сохранил все, что Красный Устав заимствовал из Нашего Устава - для чего же это менять, если большевики сами не посмели изменить. Это ведь вечно Русское! Но я конечно в корне изыал комиссаров и их роль; сообразно с этим я перестроил роль офицеров (в качестве ... [неразборчиво] войска), я взял очень много из Суворовского учения, например, определение понятий Субординации и Дисциплины - это совершенно ново. Затем, возвращаясь к нашим старым Уставам, я базировался не на Уставах эпохи Александра III, а Уставах Милютина, то есть эпохи Александра II. Нужно быть абсолютным неучем, чтобы это не понять или "на-чисто отрицать" - не читая ... [неразборчиво] и мало способствует в военном деле.

Вот и извольте работать в таких условиях. Многие жалуются на немцев. Немцы тут не причем - мы сами-то хороши! Еще небольшой пример. Мои Курсы с 1-го сент[ября] 1939 года закрыты, ибо я хотел этим показать, что мы работаем не на французозов, а на будущую Россию. Идеи, заложенные в мысли учеников, уже успели стать прочными, что несмотря на закрытие (официальное) Курсов, мои офицеры продолжали периодически собираться раз в неделю и не реже, [на] "чашках чаю" читали доклады. С ликвидацией Галлиполиийского Собрания нам трудно собираться за неимением помещения. Обратились с просьбой разрешить нам за плату [собираться] раз или два в неделю в доме "Русской Молодежи". Нам отказали, и знаете почему? Нельзя пускать стариков!!! Вот это прелестно по глупости...

КОММЕНТАРИИ:

Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца.

Книга представляет собой текст первой в России диссертации по военной социологии. В 1907 году Н. Н. Головин защитил диссертацию на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба). Данная работа позволяет оценить уровень развития военно-психологической науки в нашей стране в начале века.

Репринтное издание воспроизводится по книге: Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. -Пб.: Эконом. типо-литография, 1907. -210С.

История военного искусства как наука. (Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской военной академии 8-го января 1908 года).

Печатается по тексту: Головин Н. Н. История военного искусства как наука. (Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской военной академии 8-го января 1908 года) // Сборник статей и лекций. -СПб.: Экономическая типо-литография, 1913. -С. 1-22.

1*. Наполеон I (Napoleon) Бонапарт (1769-1821), французский император в 1804-1814 гг. и в марте-июне 1815 г. из династии Бонапартов. Уроженец Корсики. Начал службу в войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии; выдвинулся в период Великой французской революции (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующего армией). Одержал ряд побед в Итальянской кампании 1796-1797 гг. 9-10 ноября (18-19 брюмера) совершил государственный переворот, стал первым консулом, затем фактически сосредоточил в своих руках всю полноту власти, в 1804 г. провозглашен императором. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. Вступление в 1814 г. войск антифранцузской коалиции в Париж вынудило его отречься от престола. Был сослан на о. Эльба. Вновь занял французский престол в марте 1815 г. После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола. Последние годы жизни провел на о. Св. Елены пленником англичан.

2*. Наполеоновские войны – термин, встречающийся в военно-исторической литературе для обозначения войн Франции в период Консульства (1799–1804 гг.) и Империи Наполеона I (1804–1814, 1815 гг.) против ряда стран антифранцузских коалиций европейских государств. В ходе них появились массовые армии, выявилась несостоятельность кордонной стратегии и стратегии генерального сражения. На смену линейной тактике пришел глубокий боевой порядок – сочетание рассыпного строя стрелков с колоннами пехоты.

3*. Александр Македонский, Александр Великий (356–323 гг. до н.э.) выдающийся полководец и государственный деятель Древнего мира, сын македонского царя Филиппа II, с 336 г. царь Македонии. Воспитывался Аристотелем. Военное искусство впитало в себя достижения древнегреческого и мирового искусства, широко проявилось в его военных походах (334–324 гг. до н.э.). В ряде сражений разгромил персидскую армию Дария III. К 327 г. до н.э. завоевал западную часть Индии. Попытка продолжить наступление дальше натолкнулась на сопротивление армии, требовавшей возвращения в Вавилон. После его смерти созданная им империя, включавшая Македонию, Малую и Среднюю Азию с центром в Вавилоне, распавшаяся на ряд независимых государств. Выступил как выдающийся новатор военного дела, стратег и тактик. Он увеличил плотность фаланги и повисил силу ее удара, развил принцип неравномерного распределения сил по фронту, превратил кавалерию в решающую ударную и маневренную силу армии, разработал основы кавалерийской тактики и взаимодействие родов войск и элементов боевого порядка, способствовавшие успеху его походов.

4*. Персей (Perseus) (ок. 213–166 гг. до н.э.), последний царь Македонии (в 179–168 гг. н.э.). Стремясь восстановить могущество Македонии, подорванное войнами его отца Филиппа V с Римом (1-я и 2-я Македонские войны) организовал и возглавил антиримскую коалицию. В начавшейся в 171 г. 3-й Македонской войне против Рима Персей сначала одержал несколько побед, но 22–23 июня 168 г. в битве при Пидне его войско было разбито; взятый в плен Персей был увезен в Италию и погиб в заключении.

5*. Пидна (Pudna) – место сражения 22 июня 168 г. до н.э. между римлянами под командованием Эмилия Павла и македонянами под командованием царя Персея. Македонская фаланга атаковала римский строй и оттеснила римлян обратно к лагерю, но расстроилась на пересеченной местности, после чего была рассеяна и рассечена на

части легионерами. Македонская армия потерпела сокрушительное поражение, потеряв 20000 чел. убитыми и 11000 пленными. Как следствие битвы – в 148 г. до н.э. Македония потеряла свою независимость и стала римской провинцией.

6*. Лебон (Le Bon) **Гюстав** (1841–1931) – французский социолог, социальный психолог и публицист. В своих трудах отстаивал концепцию расового детерминизма, подчеркивая иерархический характер расового деления и особую значимость расовой принадлежности в развитии цивилизации. Считал, что решающую роль в социальных процессах играют не разум, а эмоции. Автор одной из первых концепций массового общества: отождествляя массу с толпой, пророчил наступление "эры масс" и следующий за этим упадок цивилизации. Революции считал проявлением массовой истерии.

7*. Эпаминонд (Epameinondas) (ок. 418–362 гг. до н.э.), древнегреческий полководец, политический деятель, с 379 г. до н.э. вместе с Пелопидом возглавлял Фиванское государство и Беотийский союз греческих городов. Во время Беотийской войны (378–362 гг. до н.э.) неоднократно назначался главнокомандующим армией, одержал победу над спартамцами при Левктрах (371 г.), где впервые применил *неравномерное распределение войск по фронту* в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке. В сражении при Мантинее (362 г.), кроме того, впервые организовал тесное взаимодействие атакующей конницы с легковооруженной пехотой.

8*. 5 августа 371 г. до н.э. в ходе войн древнегреческих городов-государств под **Левктрами** (Leuctra) состоялось сражение между 10000 спартамцев во главе с царем Клеомбротом и 6000 фиванцев под командованием Эпаминонда. Эпаминонд расположил свои войска так называемым косым порядком, сосредоточив своих лучших воинов на левом фланге в 48 шеренгах, после чего ударил по отборным силам спартамцев на их правом крыле. После ожесточенного столкновения спартамцы были отброшены, потеряв 1000 чел., включая Клеомброта. Итогом битвы явилась потеря Спартой доминирующего положения в Греции.

9*. Фридрих II (1712–1786), прусский король с 1740 г., полководец. В период своего правления проводил милитаристскую политику, направленную на укрепление абсолютизма внутри страны и осуществление агрессии против соседних государств. Во время 1-й (1740–1742 гг.) и 2-й (1744–1745 гг.) Силезских войн захватил у Австрии большую часть Силезии. Вступив в союз с Англией, развязал

Семилетнюю войну (1756-1763 гг.), в ходе которой прусские войска нанесли ряд поражений австрийским и французским войскам. Но военные успехи Фридриха II были сведены на нет победами русских войск, которые в 1760 г. овладели Берлином. Как полководец внес вклад в развитие военного искусства. В тактике ввел косою боевой порядок, в котором один из флангов усиливался дополнительной линией, а выдвижение войск и атака производились под углом к боевому порядку противника, что позволяло наращивать силы в пункте атаки, охватывать фланги и достигать победы. Большое внимание придавал коннице, используя ее массированно на главных направлениях, решающую роль отводил ружейному огню, который пехота вела залпами. Создал по примеру Петра I конную артиллерию.

10*. Конт (Comte) Огюст (1798-1857) - французский философ, социолог, основатель школы позитивизма. Считается основоположником социологической науки; ввел в употребление термин "социология", имея в виду научное изучение явлений общественной жизни. В своем труде "Курс позитивной философии" (1830-1842) изложил сущность закона социальной и интеллектуальной эволюции - "закон трех стадий", согласно которому наука достигает своего высшего "положительного" уровня пройдя теологическую и метафизическую стадии развития и лишь на основе "бесспорного фактического материала" реальной жизни. Полагая, что в основе социологии лежат биологические законы, рассматривал общество в качестве организма, в котором все социальные явления взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой.

11*. Людовик XIV (1638-1715), французский король с 1643 г., из династии Бурбонов. Его правление - апогей французского абсолютизма (легенда приписывает ему изречение: "Государство - это я") и череда войн (Деволуционная война 1667-1668 гг., война 1672-1678 гг. против коалиции во главе с Голландией, война за Испанское наследство 1701-1714 гг. и др.).

12*. Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787-1874), французский государственный деятель, историк. Член Академии моральных и политических наук (1832), член Французской академии (1836). В период 1830-1848 гг. занимал посты министров внутренних дел, народного просвещения, иностранных дел и премьер-министра Франции. Автор трудов по истории Франции и мировой истории.

13*. 11 июля 1302 г. в ходе Фламандской войны при **Куртре**

(Courtrai) состоялось сражение между французами (арбалетчиками и конницей) по командованием графа Робера д'Артура и фламандским народным ополчением под командованием В. Жилье. Французы были наголову разгромлены: потери среди знати и рыцарства были столь велики, что после битвы 700 золотых шпор были развешаны в качестве трофеев в соборе Куртре. В связи с этим событие иногда именуется "Битвой золотых шпор". Оно впервые продемонстрировало, что хорошо организованная пехота может справиться с конницей, не имеющей поддержки пеших воинов.

14*. 15 ноября 1315 г. в ходе 1-й швейцарско-австрийской войны состоялось сражение при **Моргартен (Morgarten)**. 1400 швейцарцев восставших кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден) укрылись в узком дефиле между горой Моргартен и озером Эгеи в ожидании эрцгерцога Леопольда I, который с австрийским рыцарским войском, численность которого по разным данным, составляла от 3000 до 12000 чел. Расстроив ряды австрийцев скатыванием больших камней, швейцарцы напали на них с алебардами и полностью разгромили. Австрийцы потеряли 1500 чел. убитыми.

15*. 21 июня 1339 г. при **Лаупене (Laupen)** состоялось сражение между 5000 швейцарцев из Берна и лесных кантонов под командованием Рудольфа фон Эрлаха и 15000 бургундцев под командованием графов Кибурга и Нидау. Несмотря на численное превосходство, конные бургундцы не смогли выдержать атаку швейцарских копейщиков, были наголову разбиты и вынуждены снять осаду Лаупена.

16*. В ходе войны за независимость Швейцарии у г. Земпах (Sempach) 9 июня 1386 г. состоялось сражение между 4000 австрийцев под командованием герцога Леопольда и 5000 швейцарцев, которые одержали полную победу. Главные силы австрийцев встретили швейцарский авангард восточнее Земпах в пешем строю; в ходе боя швейцарцы обошли противника с фланга и полностью разгромили. Австрийцы потеряли 1500 чел. убитыми и ранеными, тогда как швейцарцы только 120 чел.

Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни.

Работа написана в январе 1909 года. Печатается по тексту: Головин Н.Н. Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни. // Сборник статей и лекций. -СПб.: Экономическая ти-

по-литография, 1913. -С.23-61.

1*. Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ-идеалист, математик, физик, языковед. Реальный мир, по его мнению, состоит из бесчисленных психически деятельных монад ("Монадология", 1714); существующий мир создан богом как "наилучший из всех возможных миров" ("Теодицея", 1710). По просьбе Петра I разработал проекты развития образования и государственного управления в России. Один из создателей дифференциального и интегрального исчисления.

2*. Дарвинизм социальный - биологизаторские течения конца XIX - начала XX вв. в общественных науках, пытавшиеся объяснить законы развития общества биологическими закономерностями естественного отбора, выживания наиболее приспособленных, установками теорий инстинкта, наследственности и т.п. Самые радикальные варианты социального дарвинизма выводили его последователей (Л. Вольтман, Ж. Лапуж и др.) на позиции расизма. Дарвинистские концепции искали прямую связь физических черт рас с культурными и нравственными различиями между ними, пытались доказать, что расовое и классовое неравенство порождено природными, а не социальными факторами.

3*. Спенсер (Spenser) Герберт (1820-1903), английский философ и социолог-позитивист. Вслед за О. Контом положил в основу социологии идею эволюции. Основная мысль главного труда "Основания социологии" (1896) - систематически проведенная аналогия между биологическим и социальным организмами. Однако, по его мнению, аналогия эта неполная, поскольку индивидуальный организм обладает "конкретностью", тогда как социальный - "дискретен". Это значит, что общество не может и не должно поглощать отдельную личность. Многие идеи Спенсера нашли свое развитие в современных западных социологических учениях, в частности, в структурном функционализме, культуроантропологии (этнографии) и социобиологии.

4*. Тард (Tarde) Габриэль (1843-1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии. Общественные процессы объяснял действием психологического механизма подражания, на котором, по его мнению, строятся человеческие отношения. Задачу социологической науки видел в изучении законов подражания, благодаря которым общество, с одной стороны, поддерживает свое

существование в качестве целостности, с другой - развивается по мере возникновения и распространения изобретений.

5*. Цезарь (Caesar) Гай Юлий (102 или 100 гг. - 44 г. до н.э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. В 73 г. военный трибун, в 68 г. квестор, в 65 г. эдил, в 62 г. претор, в 59 г. консул, затем наместник Галлии. В 58-51 гг. подчинил Риму всю заальпийскую Галлию. В 49 г. опираясь на армию начал борьбу за единоличную власть, развязал гражданскую войну, в ходе которой, разгромив войска Помпея и его сторонников, оказался во главе государства. Сосредоточив в своих руках высшие республиканские должности (диктатор, консул, трибун и др.) стал фактическим монархом. Внес значительный вклад в развитие военного искусства. С помощью политических мероприятий и военных действий умело развлек силы противников и громил их по частям. Недостаток сил, как правило, компенсировал стремительностью действий, искусным маневром и широким применением полевых инженерных укреплений, а также демонстративных действий для введения противника в заблуждение. Наряду с этим был крупнейшим римским писателем. Его перу принадлежат два дошедших до нас произведения: "Записки о Галльской войне" и "Записки о гражданской войне", для которых характерны точный язык, конкретность образов и тонкая характеристика как отдельных лиц, так и целых народов (особенно галлов). Убит в результате заговора республиканцев.

6*. Галлы (Galli) - кельтские племена, заселявшие в 6-5 вв. до н.э. территории к северо-западу от Альп, бассейны Рейна, Сены, Лауры и верховья Дуная, а также долину реки По, т.е. территорию, получившую у римлян название Галлия. В настоящее время - территория Северной Италии, Франции, Люксембурга, Бельгии, части Нидерландов и Швейцарии.

7*. Страбон (Strabon) (64/63 г. до н.э. - 23/24 г. н.э.), древнегреческий географ и историк. Родился в Амасии (Малая Азия), путешествовал по Греции, Малой Азии, Италии и Египту. Автор не дошедших до нас "Исторических записок" и многотомной "Географии", написанной около 7 г. до н.э. (17 книг) - являющейся фактически первым опытом исторической географии. Последняя работа представляет собой ценный исторический источник, в котором помимо других сведений содержится подробное описание европейских стран и территорий (кн. 3-6): Испании, Галлии, Британии, Италии и Сицилии.

8*. Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1771-1831), немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики. Ее центральное понятие - развитие - есть характеристика деятельности абсолюта (мирового духа), его сверхвременного движения в области чистой мысли в восходящем ряду все более конкретных категорий. Осуществление буржуазно-демократических требований рассматривал в виде компромисса с феодально-сословным строем в рамках конституционной монархии. Основные сочинения "Наука логики" (1812-1816), "Энциклопедия философских наук" (1817, 1830) и др.

Служба Генерального штаба

Работа была задумана Н.Н. Головиным в трех частях: 1-я часть "Основы службы Генерального Штаба в военное время"; 2-я часть "Прикладное изучение службы Генерального Штаба во время операций; во время выполнения марш-маневра, боя, после боя" и 3-я часть "Служба Генерального Штаба в мирное время". Каждая часть должна была содержать несколько выпусков, содержащих, в свою очередь, по 5-6 очерков.

Перед первой мировой войной, 1912 году вышел только первый выпуск "Службы Генерального Штаба". Последовавший в январе 1914 года перевод Н.Н. Головина из Николаевской военной академии на должность командира 20-го драгунского Финляндского полка в Вильманстранд, и начавшаяся вскоре первая мировая война помешали завершению работы. По имеющимся сведениям, в ходе своей службы вне стен академии и в годы первой мировой войны Головин продолжал начатую работу.

В 1918 году в Киеве был издан второй выпуск первой части "Службы Генерального Штаба" под заглавием: "Служба Генерального: Разведывательная служба", включавший очерки по следующим проблемам: сбор и обработка сведений о неприятеле и о местности; сбор и обработка сведений о своих войсках; руководство поддержанием боевой готовности войск (руководство службами снабжения, сообщения и тыла); устройство штабов и организация их работы. Издание было осуществлено по рукописи, изъятой красноармейцами при обыске Н.Н. Головина в 1918 году в Одессе. Согласия автора на издание испрошено не было. На сегодняшний день все попытки обнаружить в фондах отечественных библиотек и архивов не увенчались успехом. Вероятно книга оказалась утраченной.

После второй мировой войны ближайшим сподвижником Н.Н. Голо-

вина по военно-научной деятельности в зарубежье полковником профессором А.А. Зайцовым все предыдущие наработки Головина были обобщены, значительно дополнены и подготовлены к изданию в виде фундаментальной работы "Служба Генерального Штаба", которая увидела свет только через 17 лет после смерти последнего (Зайцов А.А. Служба Генерального Штаба. - Нью-Йорк: Изд-во "Медный всадник", 1961. -208С.).

Первый выпуск "Службы Генерального Штаба" состоит из шести очерков: помимо введения (1-го очерка), 2-й очерк - "Участие Генерального Штаба в разработке решения", 3-й очерк "Отдача распоряжений: общие основания", очерки 4-6-й "Техника приказаний".

Предлагаемый вниманию читателей 1-й очерк "Введение" написан 7 октября 1911 года. Публикуется по изданию: Головин Н.Н. Служба Генерального штаба. Выпуск 1. -СПб.: Изд-во Императ. Ник. Воен. Акад., 1912. -С.1-31.

1*. Стефенсон, Стивенсон (Stephtnson) Джордж (1781-1848), английский конструктор и изобретатель, положивший начало развитию парового железнодорожного транспорта. С 1814 г. занимался строительством паровозов, в 1823 г. в Ньюскеале основал первый в мире - паровозостроительный завод. Участвовал в сооружении железных дорог, был организатором школ для механиков.

2*. Попытки россиянина А.Ф. Можайского (1885), англичанина Х.Максима (1894), француза К.Адлера (1897) и др. поднять в воздух летательный аппарат тяжелее воздуха с паровым двигателем закончились неудачей. 17 декабря 1903 г. впервые совершил полет самолет с двигателем внутреннего сгорания, сконструированный американцами братьями У. и О.Райт. К 1908 г. они добились устойчивого полета продолжительностью до 1,5 часа. Вслед за ними в Европе, главным образом во Франции, один за другим строят самолеты А.Сантос-Дюмон, Ф.Фербер и др. 25 июля 1909 г. французский конструктор-летчик Л.Блерио на своем самолете монопланной конструкции "Блерио-ХI" перелетел пролив Ла-Манш из Франции в Англию.

3*. Ваграм (Wagram) - селение в Австрии в 16 км. к северо-востоку от Вены, в районе которого 5-6 июля 1809 г. произошло сражение между французами численностью 170000 чел. при 584 орудиях под командованием Наполеона и австрийцами численностью 111000 чел. при 452 орудиях под командованием эрцгерцога Карла. В ночь с 4 на 5 июля Наполеон форсировал малый рукав Дуная с о.Лобау и, тесня находившиеся перед ним передовые посты австрийцев, стал го-

товиться к наступлению на их главные позиции. Предпринятая им вечером 5 июля атака была отбита. 6 июля австрийцы атаковали правый фланг французов, которым командовал маршал Даву, но безуспешно. Позже центр и левый фланг французов были вынуждены отступить, однако, Наполеон, подтянув гвардейскую артиллерию и корпус Жака Макдональда численностью в 8000 чел., прорвал центр противника у Зюссенбруна, в то время как Даву взял верх над австрийцами, обойдя их левый фланг у Маркграфнейзидля. К 3 часам они отступили, потеряв около 30000 убитыми и ранеными, 9000 пленными, в том числе 12 генералов и 20 пушек. Австрийская армия эрцгерцога Иоанна, подошедшая к полю сражения с опозданием, помощи отступавшим войскам эрцгерцога Карла не оказала и повернула назад. Французы потеряли 32000 убитыми и ранеными. Только после этого сражения Англия, Испания и Россия выступили против Наполеона.

4*. Даву (Davout) Луи Никола (1770-1823), маршал Франции (1804), активный участник наполеоновских войн. Окончил Парижскую военную школу (1778). В 1789 г. перешел на сторону революционной армии. В 1794-1797 гг. в Рейнской армии в чине бригадного генерала. В 1798-1799 гг. участвовал в Египетской экспедиции, командуя кавалерией. В 1800-1801 гг. командовал кавалерией Итальянской армии Наполеона. В 1805-1814 гг. командир корпуса, отличился в сражениях при Ульме и Аустерлице (1806); под Ауэрштедтом (1806) разгромил вдвое превосходящие силы прусской армии, сыграл важную роль в победе французских войск при Эмполе и Ваграме (1809). При вторжении армии Наполеона в Россию (1812) корпус Даву участвовал в штурме Смоленска и в Бородинском сражении. В 1814 г. руководил обороной Гамбурга от русско-прусских войск. Во время "ста дней" (1815) - военный министр. С воцарением Бурбонов лишен чинов и титулов, но в 1817 г. они ему возвращены. С 1819 г. пэр Франции.

5*. Карл (Carl) Австрийский Иоганн (1771-1847), эрцгерцог, австрийский полководец и военный теоретик, фельдмаршал, третий сын императора Леопольда II. В 1792-1809 гг. участвовал в войнах против Франции. В 1796-1799 гг. командуя австрийской армией на Рейне, нанес ряд поражений французским войскам генералов Ж. Моро и Ж. Журдана. В 1805 г. после разгрома австрийских войск Ульмом и Аустерлицем был назначен военным министром, и в 1806-1808 гг. реорганизовал австрийскую армию. Разработал новые уставы, организовал переобучение войск и подготовку материальных средств для ведения войны с Францией. В результате боеспособность австрийской армии значительно возросла. В войне с Францией 1809 г. одержал

победу при Асперне и Эсслинге 21-22 мая, но в решающем сражении при Ваграме австрийская армия была разбита, однако Карл сумел отвести часть основных сил в Богемию, избежав полного разгрома. После заключения Венского мира в 1809 г. уволен в отставку.

6*. Кленау, граф Иоанн (1760-1822), австрийский военачальник, генерал от кавалерии. Рано поступил на военную службу и в 1793 г. был подполковником. За участие в Итальянском походе 1799 г. получил чин генерал-майора. В 1805 г., находясь в Баварии, был взят в плен при Ульме. В 1809 г. командовал авангардом корпуса, а затем армии, отличился в сражениях при Аперне и Ваграме. В 1813 г. командовал корпусом в Богемии. После Лейпцигского сражения выполняя задачу по блокаде Дрездена, разрешил французскому гарнизону беспрепятственно покинуть город, за что был уволен с военной службы.

7*. Массена (Massena) Андре (1758-1817), маршал Франции (1804). С 1775 г. на военной службе, рядовой. С 1789 г. вышел в отставку в звании фельдфебеля. В 1791 г. в революционную армию и спустя год был избран командиром батальона. Отличался храбростью, хладнокровием и решительностью. В 1793 г. бригадный генерал. В период Итальянского похода Наполеона (1796-1797 гг.) командовал авангардом. Проявил себя в сражении при Риволи в 1796 г. В 1798 г. назначен командующим французской армией в Италии, затем в Швейцарии. Одержал победу над русско-австрийским корпусом А. М. Римского-Корсакова в Цюрихском сражении. В 1805 г. командуя армией занял Венецию, Каринтию, Штирию и Неаполитанское королевство. В войне с Австрией в 1809 г. командовал корпусом. В сражении при Ваграме корпус Массены находился на левом фланге первой линии войск Наполеона, выдержал сильный удар австрийцев чем способствовал успеху колонны Макдональда, удар которой по центру боевого порядка австрийцев решил судьбу сражения. За ряд поражений в мае 1811 г. отстранен Наполеоном от должности. После реставрации династии Бурбонов перешел на их сторону и в 1815 г. стал пэром Франции.

8*. Мукден (Mukden) - место сражения японской армии генерала Ноги численностью 271000 чел. при 1062 орудиях и русских войск под командованием генерала А. Н. Куропаткина в составе 293000 чел. при 1475 орудиях. Русский план наступления на Сандепу силами 2-й армии генерала Каульбарса был сорван японским наступлением на правом фланге в ночь на 6 февраля 1905 г. 11 февраля юго-восточнее Мукдена была атакована 1-я русская армия. Генерал Куропаткин, направив к ней на помощь большую часть резервов, вскоре обнаружил угрозу обхода Мукдена с запада 3-й японской армией. Генерал Каульбарс контратаковал ее.

10*. Ояма Ивао (1842-1916), японский военный и государственный деятель, маршал (1898), из древнего самурайского рода. После буржуазной революции 1867-1868 гг. сыграл важную роль в создании боеспособной японской армии. Во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. находился при прусских войсках, изучая опыт войны. В 1871-1876 гг. получил военное образование во Франции и Швейцарии. По возвращению в Японию участвовал в вооруженном подавлении мятежа самураев в Сацума (1877-1878) на стороне императорских войск, вскоре был назначен начальником генштаба. С 1885 г. - военный министр Японии, проводил политику милитаризации страны. Во время японо-китайской войны 1894-1895 гг. командовал 2-й армией, захватившей южную часть Ляодунского полуострова и порт Вейхайвей. После войны член тайного Совета при императоре. В 1899-1900 гг. вновь начальник генштаба. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. главнокомандующий сухопутными войсками в Манчжурии. С 1912 г. хранитель императорской печати.

11*. "Monsieur le... L'Empereur ordonne que... L'intention de L'Empereur, Monsieur... est que" (фр.) - "Господин..., Император приказывает, чтобы... Намерение Императора, господин..., состоит в том".

12*. Бертье (Berthier) Луи Александр (1753-1815), военный деятель наполеоновской эпохи, маршал Франции (1804). Участник войны за независимость в Северной Америке (1775-1783). С 1796 г. ближайший соратник Наполеона, командующий французской Итальянской армией (1796-1798), военный министр (1799, 1801-1807), начальник штаба наполеоновской армии (1804-1814). По существу положил начало организации штабной службы, разработанные им основные ее положения впоследствии были введены почти во всех европейских армиях. Отличался исполнительностью, точностью и большой работоспособностью за что его высоко ценил Наполеон. После отречения Бонапарта (1814) перешел на службу к Людовику XVIII. В период "ста дней" (1815) с приближением Наполеона к Парижу уехал в Бамберг (Бавария), где покончил жизнь самоубийством.

13*. Сульт (Soult) Никола Жан де Дье (1769-1851), французский военный деятель, маршал Франции (1804), герцог Долматский (1807). В 1785 г. поступил в армию, был унтер-офицером. Выдвинулся в период революционных войн, за отличие в сражении при Флерюсе (1794) получил звание бригадного генерала, с 1799 г. дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн. В 1805-1807 гг. командовал

пехотным корпусом в войнах против Австрии, России и Пруссии, в 1808-1812 и 1813-1814 гг. командующий армией в Испании, Португалии и Южной Франции. Во время "ста дней" был начальником штаба у Наполеона. После второй реставрации 1815-1819 гг. в изгнании. После Июльской революции 1830 г. - военный министр (1830-1832) и председатель совета министров (1832-1834, 1839-1840, 1840-1847), руководил подавлением Лионского восстания в 1831 г. В 1847 г. получил высшее звание маршала-генерала Франции.

14*. Йена (Jena) - место сражения 14 октября 1806 г. Французской армии Наполеона численностью 56000 чел. при 70 орудиях и прусской армии князя Ф. Гогенлоз в составе 50000 чел. при 120 орудиях. Наполеон решительной атакой обратил пруссаков в бегство. В этот же день французский маршал Даву другим крылом французской армии (26000 чел. и 44 орудия) разбил при Ауэрштедте другую часть прусской армии герцога К. Брауншвейгского (54000 чел. и 230 орудий). Отступление двух разбитых прусских армий по дорогам, сходящимся у Веймара, превратилось в беспорядочное бегство, и преследовавшая их кавалерия Наполеона нанесла им новые тяжелые потери. Пруссаки в этих двух операциях: потеряли 22000 убитыми и ранеными, 18000 пленными и 200 пушек. Французы потеряли 11000 убитыми и ранеными, 7000 из которых пали при Ауэрштедте.

15*. Ватерлоо (Waterloo) - место сражения 18 июня 1815 г. между войсками 6-й коалиции численностью в 67655 чел. при 156 орудиях под командованием герцога Веллингтона и французскими войсками численностью в 71947 чел. при 243 орудиях под командованием Наполеона. Веллингтон расположил свои войска вдоль линии высот по дороге на Брюссель, укрыв их от французского арт. огня за склонами холмов. В 14.00 французский маршал Ней атаковал эту позицию, однако каре английских войск не дрогнули и выдержали атаку французской кавалерии и арт. обстрел. Во время второй атаки, которую возглавил сам Ней, французы в 18.00 захватили фермы Э-Сент и Угумон, где располагались аванпосты англичан, но подход маршала Блюхера с прусской армией со стороны правого фланга французов позволил Веллингтону предпринять наступление и вытеснить противника с поля боя. В ходе сражения англичане потеряли 15000, пруссаки - 7000 чел. Потери покинувших поле сражения в начале дня голландцев и бельгийцев были незначительными. Французы потеряли 25000 чел. убитыми, ранеными и пленными; их армия как организованная сила практически перестала существовать.

16*. Аустерлиц (Austerlitz) – место сражения 2 декабря 1805 г., в котором участвовали 60000 русских и 25000 австрийцев с 278 орудиями под командованием генерала М.И. Кутузова (в союзной армии находились русский и австрийский императоры) и 73000 французев под командованием Наполеона. Попытка опрокинуть французский фланг не удалась и привела лишь к тому, что левый фланг союзников оказался отрезан от центра. Эти группировки были разбиты по отдельности, а правый фланг, вначале удерживавший позиции, был затем окружен; во время отступления через частично замерзшее озеро многие погибли. Союзники потеряли 27000 убитыми, ранеными и пленными, а также много орудий. Французы потеряли около 8000 чел. Сражение получило название "Битвы трех императоров". Как итог сражения в 1806 г. Священная Римская империя перестала существовать.

17*. Мольте Старший (Moltke) Хельмут Карл Бернхард (1800–1891), прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1871), военный теоретик. Окончил кадетский корпус в Копенгагене (1818), Берлинскую военную академию (1826). В 1819 г. начал военную службу в датской армии; в 1822 г. перешел на службу в прусскую армию. С 1827 г. начальник дивизионной школы. В 1828 г. причислен к Генеральному штабу. В 1836–1839 гг. военный советник в турецкой армии. С 1848 г. начальник отделения Генерального штаба, начальник штаба корпуса. В 1858–1888 гг. начальник прусского (с 1871 г. имперского) Генерального штаба, превратившегося под его руководством в основной орган подготовки страны и ее вооруженных сил к войнам, которые вела Пруссия, а затем и Германская империя. В 1864 г. начальник штаба прусской армии в войне с Данией. В войнах Пруссии с Австрией и ее союзниками (1866) и с Францией (1870–1871) начальник полевого штаба, фактически – главнокомандующий всеми вооруженными силами. Последние 16 лет на посту начальника Генштаба руководил созданием официальной истории войны 1870–1871 гг. и занимался разработкой плана кампании против Франции и России. В 1867–1891 гг. член рейхстага от консерваторов, с 1872 г. наследный член прусской палаты господ.

18*. Клаузевиц (Clausewitz) Карл Филипп Готфрид фон (1780–1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). В 1792 г. зачислен в прусскую армию юнкером. В 1795 г. произведен в офицеры. Самостоятельно изучал стратегию, тактику и военную историю. В 1803 г. окончил Всеобщее военное училище в Берлине. С 1803 г. адъютант принца Августа Прусского. В 1806–1807 гг. участвовал в войне с Францией. С 1808 г. в прусском

генштабе. В 1808–1809 гг. начальник кабинета председателя Военно-реорганизационного комитета. С 1810 г. преподаватель стратегии и тактики в Офицерском военном училище. С мая 1812 г. на службе в русской армии – квартирмейстер кавалерийского корпуса, участвовал в Смоленском и Бородинском сражениях. С 1813 г. начальник штаба русско-прусского корпуса. В 1814 г. на прусской службе. В 1815 г. начальник штаба армейского корпуса. С 1818 г. директор Всеобщего военного училища в Берлине. В мае 1831 г. назначен начальником штаба прусской армии на польской границе. В своих исторических военно-теоретических трудах (главный из которых "О войне", 1832 г.) дал анализ ряда явлений войны и военного искусства в их взаимосвязи и развитии. Теоретическое наследие оказало значительное влияние на развитие военной науки во многих странах мира.

Еще несколько цифр из минувшей войны.

Публикуется по изданию: Головин Н. Еще несколько цифр из минувшей войны //Русский инвалид. –Париж. –1929. –N5 (9–22 мая). –С.3.

1*. Галицийская битва 5 (18) августа – 8 (21) сентября 1914 г.) – стратегическая операция Юго-Западного фронта (Н.И.Иванов), преследовавшая цель разгромить австро-венгерские войска и овладеть Галицией. Велась на фронте 320–400 км между Вислой и Днестром. Началась сближением сторон, которое 10 (23) августа переросло во встречное сражение, в ходе которого австро-венгерские армии, наступавшие на Люблин и Холм, нанесли частичное поражение русским войскам (вынудили 4-ю и 5-ю армии к отходу на Люблин, Холм и Владимир-Волынский). Одновременно войска 3-й и 8-й русских армий нанесли поражение австро-венгерским войскам во встречном сражении на р.Золотая Липа, а затем в сражении на р.Гнилая Липа. Австро-венгерские войска начали отход. 22 августа (4 сентября) русские войска (3, 4 и 5 армии) перешли в контрнаступление и отбросили противника за рр.Сан и Дунаец. Обе стороны понесли крупные потери. В результате этих боев Австро-Венгрия потеряла 400 тыс. человек, а Россия – 230 тыс. Освободив Галицию и австрийскую часть Польши, русские войска создали угрозу вторжения в Венгрию и Силезию, вынудив германское командование срочно перебросить часть сил с Западного на Восточный театр военных действий.

2*. Верден (Verdun) – место сражения немецкой и французской

армий. 29 февраля 1916 года генерал фон Фалькенхайм силами 5-й армии (1 млн. чел.) предпринял мощное наступление на позиции 2-й французской армии у Вердена: на 15-километровом участке прорыва немцы сосредоточили 17 дивизий против двух французских. Контратака французов и прицельный артиллерийский огонь приостановили немецкое наступление. Однако немцам удалось захватить укрепления французов на переднем крае, деревню и форт Во (29 марта и 6 июня). 11 июля они предприняли решительную атаку высот, чтобы захватить контроль над Верденом, но атака не удалась. Измотанные в ходе боев, они прекратили наступление. Через три месяца 24 октября французские войска под командованием генерала Нивеля предприняли контр наступление, в ходе которого им удалось вернуть утраченные ранее укрепления и продвинуться еще дальше. Самое продолжительное за всю войну сражение завершилось 18 декабря. Общие потери французов составили 542000 чел., немцев - 434000 чел.

3*. Наступление армий Юго-Западного фронта под командованием генерала от кавалерии А. А. Брусилова летом 1916 года вошло в историю под названием **Брусиловского прорыва**. Наступление началось 22 мая (4 июня) 1916 г. с мощной артподготовки вдоль всего фронта. В ходе наступательной операции русские армии (573 тыс. человек, 1770 орудий) прорвали позиционную оборону австро-венгров (448 тыс. человек, 1301 орудие) и продвинулись на 60-150 км, нанеся противнику огромный урон (1,5 млн. человек). Потери наступающих составили 0,5 млн. чел. Для восстановления положения германское командование с июня по сентябрь перебросило с западного фронта не менее 16 дивизий, австрийцы - 7, турки - 2 дивизии. К концу сентября русская армия, остановленная у Ковеля на севере и Станислава на юге была истощена. Развить не поддержанное другими фронтами наступление не удалось.

4*. В ходе первой мировой войны в Русскую армию было мобилизовано 15500000 чел. Из 114 имевшихся у России пехотных дивизий, 94 были сосредоточены против Германии и Австро-Венгрии, остальные были задействованы на Кавказе против Турции и для охраны южных и восточных границ империй. Боевые потери России в ходе первой мировой войны исчислялись 7917000 чел.: 1300000 чел. убитыми, 4200000 чел. ранеными (из них умерло от ран 350000 чел.) и 2417000 чел. пленными. (Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. - Париж, 1939. - Т. 1. - С. 149).

5*. 3 марта 1918 г. между Германией и Советской Россией был

подписан **Брест-Литовский мирный договор**, согласно которому от России отторгались: Литва, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия и часть Белоруссии; на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батум; Финляндия и Украина признавались самостоятельными государствами. Германия сохранила за собой Моозундские острова. Всего Россия теряла около 1 млн. квадратных километров, обязывалась демобилизовать армию и флот и уплатить Германии контрибуцию в 6 млрд. марок. Поражение Германии в первой мировой войне позволило Советскому правительству в ноябре 1918 г. аннулировать грабительский Брестский мир.

6*. В ходе первой мировой войны (с лета 1915 г.) кайзеровские войска оккупировали Польшу, Литву, часть Белоруссии (западнее линии: Двинск-Свенцяны-Пинск), Моозундские острова, часть Латвии (включая Ригу и Рижский уезд) и часть Украины.

18 февраля 1918 г. германское командование, не смотря на проводимые с советским правительством переговоры о заключении сепаратного мира, приступило к осуществлению операции "Фаустшлаг" ("Удар кулаком") - широкомасштабному наступлению германских и австро-венгерских войск по всей линии фронта от Балтики до Карпат. Разложившиеся революционной пропагандой русские войска не смогли оказать серьезного сопротивления противнику (этому в значительной степени способствовал инспирированный Л. Д. Троцким приказ Главковерха от 28 января (10 февраля) 1918 г. о прекращении войны и демобилизации армии). К лету 1918 г. под контролем германских и австро-венгерских войск находились территории Эстонии, Латвии, Литвы, часть Псковской и Петроградской губерний, большая часть Белоруссии, Украина, Крым, Донская область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. Для удержания этих территорий Германия была вынуждена держать в России значительный контингент войск. Кроме того, в Закавказье наряду с турецкими оккупационными войсками находился 20 тыс. контингент германских войск.

7*. **Марна** (Marne) - немецких и англо-французских войск. 20-24 августа 1914 г. после пограничного сражения пять германских армий устремились во Францию на участке от Амьена до Вердена. Оборону Франции осуществляли: 3, 4, 5, 9 французские армии и английский экспедиционный корпус, которым главнокомандующий маршал Жоффр отдал приказ на отход до линии южнее р. Сены. Оборону Парижа осуществляла 6-я французская армия. Немцы перенесли направление своего флангового на Париж с запада (как ранее планировалось) на

восток и тем самым раскрыли свое правое крыло. Этим воспользовалось союзное командование, введя в образовавшуюся брешь английский экспедиционный корпус и усилив противодействие немцам по всему фронту. Это, а также ложные слухи о высадке английской и русской армий на бельгийском побережье заставили верховное командование немцев отдать приказ об общем плановом отходе. Шанс на быстрое окончание войны был потерян. Потери немцев около 800000 чел., французов и англичан - 1080000 чел.

8*. Николай Николаевич (Младший) Романов (1856-1929), русский военачальник, генерал от кавалерии (1901), великий князь. Окончил Николаевское инженерное училище (1873) и Академию Генштаба (1876). Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. состоял для особых поручений при своем отце главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче (Старшем). Затем последовательно командовал лейб-гвардии гусарским полком, бригадой и кавалерийской дивизией. В 1895-1905 гг. генерал-инспектор кавалерии. В 1905-1914 гг. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа и одновременно в 1905-1908 гг. Совета гос. обороны. Во время первой мировой войны с 20 июля (2 августа) 1914 г. по 23 августа (5 сентября) 1915 г. верховный главнокомандующий. С августа 1915 г. по 2 (15) марта 1917 г. главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Был чрезвычайно популярен среди офицеров и солдат русской армии. Николай II при отречении от престола назначил Николая Николаевича верховным главнокомандующим, однако последнему под давлением Советов и Временного правительства пришлось отказаться от этого поста. Жил в Крыму, откуда в марте 1919 г. эмигрировал в Италию, а затем во Францию. В среде белой эмиграции считался претендентом на престол и высшим руководителем всех русских заграничных военных организаций, но участия в политической деятельности не принимал.

П И С Ъ М А

Публикуемые письма хранятся в личном архиве Н.Н.Головина, который его сыном М.Н.Головиным в 1947 году был передан на хранение в библиотеку Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) и представляет собой обширное собрание рукописных и печатных материалов (18 boxes: 7,5 linear feet).

Отобранные к публикации письма характеризуют зарубежный период научной и педагогической деятельности Н.Н.Головина на Высших

зарубежных военно-научных курсах (См. биографический очерк о Н.Н.Головине в 1-м выпуске "Антологии отечественной военной мысли").

Н. Н. ГОЛОВИН - К. А. ФОССУ
9 мая 1928 г.

Н. Н. ГОЛОВИН - А. П. БУДБЕРГУ
12 января 1929 г.

Н. Н. ГОЛОВИН - Р. СТАНГЕРУ
30 мая 1938 г.

Н. Н. ГОЛОВИН - П. Н. и Л. Ф. КРАСНОВЫМ
28 декабря 1943 г.

Датированное двумя неделями до смерти, письмо осталось неопи-санным и неотправленным адресату.

Комментарии подготовил: И. В. Образцов, кандидат социологических наук.

Зак. 27. Подп. к печ. 10.04.95 г. Печ. л. 19 Тираж 200

Издано Военной Академией Генерального штаба ВС РФ